

Родная ДАДОГА

№ 1(7)' 2009

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

издается ежеквартально
при участии:

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

*Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Владимир КРУПИН
Христос рождается, славите!
рассказы

Владимир ВОРОПАЕВ
Нет другой двери...
Гоголь и Евангелие
*к 200-летию со дня
рождения Гоголя*

Николай ДОРОШЕНКО
Ушедшие
повесть

Планетарный крестный ход

Юрий ЛОЩИЦ
Язык — иерархия смыслов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов).

АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь правления СП России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь правления СП России, гл. редактор журнала «Благодатный огонь».

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель правления СП России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — гл. редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — директор Межвузовского центра по религиоведению, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Владимир Крупин. Христос рождается, славите! Рассказы.....	5
Юрий Шурупов. Станция вечность	66
Николай Дорошенко. Ушедшие. <i>Повесть</i>	129

ЛЕСТВИЦА

«Строкой незавершенной...» О религиозной, творческой деятельности и общественном служении архиепископа Тихвинского Константина (Горянова), ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии. Валентина Ефимовская	13
--	----

РЕХИ

Планетарный крестный ход. Наталья Харламова	25
--	----

ПОЭЗИЯ

Валерий Хатюшин	33
Александр Люлин	61
Владимир Скиф	93
Валентина Алексеева	120
Виталий Серков	169
Галина Ильина	172
Валентин Голубев	195

Родная РЕЧЬ

Владимир Воропаев. Нет другой двери... Гоголь и Евангелие. <i>К 200-летию со дня рождения Гоголя</i>	37
Юрий Лощиц. Язык — иерархия смыслов.....	97
Магомед Ахмедов. Размышления с... ..	176
Алексей Воронцов. Язык покорителей космоса... ..	203

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Александр Казин. Искусство, пост-искусство и не-искусство в современной культуре	45
Борис Споров. Поэт и космос. <i>Лермонтов и Вл. Соловьёв: затмение критика</i>	102

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	84
---	----

ЛИРОВОЗЗРЕНИЕ

Александр Корольков. Антипод бессердечной культуры. <i>Духовно-нравственный потенциал русской философии</i>	114
Николай Милоченко. Реформа без нравственности	199
Вячеслав Возчиков. Национальное, оно же — духовное	216

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Филипп Казин. После признания. <i>Варианты дальнейшей политики России в отношении Южной Осетии и Абхазии</i>	123
---	-----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Наталья Харламова. Голоса медного острова. <i>Рецензия на антологию кипрской литературы</i>	190
Иван Сабилло. Мальчишка с того перекрестка... <i>К 60-летию Анатолия Аврутина</i>	211

ПРОЗА

Владимир КРУПИН

ХРИСТОС РОЖДАЕТСЯ, СЛАВИТЕ!

рассказы

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н.К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. Живет в Москве.

ЗИМНИЕ СТУПЕНИ

Вятское село Великорецкое. Именно то село, где шестьсот лет назад явилась чудотворная икона святителя Николая. В начале лета сюда идет многолюдный крестный ход из Вятки, и вообще все лето здесь полным-полно приезжающих — и молящихся, и просто любопытных.

Места удивительной красоты, взгляд с горы, на которой стояла сосна с иконой, улетает в запредельные пространства. Небольшая, похожая на Иордан, река, источник и купальня около нее очень притягательны. В реке купаются, а кто посмелее, тот погружается в ледяную купель. Зимой купель перемерзает, но источник все льется и льется. Только нет у него, как летом, очереди — пусто на берегу. Но в церковные праздники все-таки вода льется не только в реку, но и в баночки, и в бутылочки: это старухи после службы приходят за святой водой.

Пусто зимой в селе, заснежено, просторно. Даже и старухи эти, что стоят на службе в церкви и ходят за водой, не местные, а из районного центра, приезжают на автобусе, который ходит два раза в день, а иногда ни разу. Но в праздники ходит.

Накануне Рождества двое мужчин, Аркаша и Василий, делают ступени к источнику. Оба одного года, обоим за пятьдесят, но Василий выглядит гораздо старше: судьба ему выпала нелегкая. Всю жизнь, лет с четырнадцати, на тракторе, в колхозе. Нажил дом, вырастил детей. Дети

поехали в город. Жена умерла. Дети уговорили продать дом, чтобы им купить квартиру. Купили. А недавно сын попал в одну историю, ему угрожала или тюрьма, или смерть от дружков. Надо было откупаться. Продали квартиру, сын сейчас живет у родителей жены, а Василий здесь, из милости, у дальних родственников, в бане.

Аркаша молод и крепок на вид, в бороде — ни одной сединки. Аркаша — городской человек, приехал сюда по настоянию жены, она певчая в церкви. Руки у Аркаши сноровистые, батюшка постоянно о чем-то просит Аркашу. Аркаша, конечно, руководит Василием.

Василий работает ломом, Аркаша подчищает лопаткой.

— Дожди на Никольскую ударили, экие страсти, — говорит Василий, — всегда Никольские были морозы, а тут дожди. Но уж рождественские свое берут. — У Василия на красных щеках замерзшие слезы. Телогрейку он давно снял, разогрелся, Аркаша в тулупчике.

— Но уж зато сколько «спасибо» завтра от старух услышим, — разгибается Василий.

— Похвала нам в погибель, — рад поучить Аркаша, — нам во спасение надо осуждение и напраслину, а ты спасибо захотел.

— Не захотел, а знаю, что старухи пойдут, благодарить будут. Какая тут погибель?

— Плохо ты знаешь Писание, — укоряет Аркаша. — Вот ты знаешь рождественский тропарь? Нет, не знаешь. А завтра в церкви запоют, и ты будешь стоять и ничего не понимать. Но это-то должен знать: «Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение». А? Ангельское пение в небесах слышали пастухи. Пастухом был небось? Вот, а ангельского пения не слышал. Так ведь? По нашему недостоинству. В мир пришел Спаситель — и не узнали! — с пафосом произносит Аркаша. — Места в гостинице не нашлось, в ясли положили Богомладенца — Царя Вселенной!

— Я в хлеву часто ночевал, — простодушно говорит Василий. — Снизу сенная труха, сверху сеном завалюсь, корова надышит, в хлеву тепло. Она жует всю ночь, я и усну. Утром она мордой толкает, будит... — Василий спохватывается, заметив, как насмешливоглядит на него Аркаша, и начинает усердно откалывать куски льда.

Аркаша учит дальше:

— По замыслу Божию, мы равны ангелам.

— Нет, — решительно прерывает Василий, — это уж, может, какая старуха, которая от поста и молитв высохла, светится, — та равна, а мы — нет. Я, по крайней мере, близко к этому не стою. Ты — конечно. Ты понятие имеешь.

— Я тоже далек, — самокритично говорит Аркаша. — Были б у нас сейчас деньги, мы б не ступени делали, а пошли б и выпили.

— Вначале б доделали, — замечает Василий.

— Можно и потом доделать, — мечтает Аркаша, но спохватывается:

— Да, Вася, в Адаме мы погибли, а во Христе воскресли. Так батюшка говорит. Христос — истина, а учение Его — пища вечной

истины. Это я в точности запомнил. У меня память сильно сильная. Вот и на заводе — придут из вузов всякие инженеры, а где какой номер подшипника, какая насадка — все ко мне...

Батюшка уже сходил в церковь, все подготовил для вечерней службы, велел послушнику Володе не жалеть дров, вернулся в дом и сидит, готовит проповедь на завтра. Перебирает записи, открывает семинарские тетради. Так много хочется сказать, но из многого надо выбрать самое необходимое. Батюшка берет ручку и мелко пишет, шепча и повторяя фразы: «Мы не соединимся со Христом, пока не пробудим в себе сознание греховности и не поймем, что нашу греховную немощь может исцелить только Врач Небесный». Откладывает ручку и вздыхает. Когда батюшка был молод, принимал сан, то дерзал спасти весь мир. Потом служил, бывал и на бедных, и на богатых приходах и уже надеялся спасти только своих прихожан. А потом думал: «Хотя бы уж семью свою спасти». Теперь батюшка ясно понимает, что даже самому ему и то спастись очень тяжело.

— Ох-хо-хо, — говорит он, встает, крестится на красный угол, на огонек лампадки и подходит к морозному окну.

Последнее на сегодня солнечное сияние розоватит морозные узоры. Тихо в селе. Из труб выходят сине-серые столбики дыма. «Так и молитвы наши, — думает батюшка, — яко дым кадильный». Он возвращается к столу и записывает: «Благодатная жизнь возникает по мере оскудения греха». «Нет, надо проще, — думает батюшка, но тут же возражает себе: — Но куда проще говорил Господь Каину, а тот умножал свои грехи. Праведный Ной разве не призывал покаяться? То же и праведный Лот. И не слушали. И на горы приходили воды, и огненная сера падала на Содом и Гоморру. Проходили воды, смывавшие нечестия, но проходил и страх гнева Божия, опять воцарялся порок, плясали вокруг золотого тельца — опять все сначала. Господи, как же ты терпелив и многомилостив! Строили столп вавилонский, чтобы увековечить себя, свою гордыню. Господь смещением языков посрамил гордыню человеческую, они же стали воздвигать башни в себе. И опять Господь попустил свободу их сердцам, чтобы сердца их сами увидали гибель. Нет, не увидали. Через Моисея дал законы и обличил немощь человеческую — и опять: разве послушали?»

Батюшка снова встает, снова крестится, кладет три поклона и уже не замечает, что говорит вслух:

— Пророки говорили и умолкли, дал время Господь выбрать пути добра и зла, жизни и смерти. Всегда-всегда был готов Господь спасти, но люди сами не хотели спастись. И когда прииде кончина лета, кончина обветшавших дней, послал Господь Сына Своего Единородного в палестинские пределы.

Мысли батюшки улетают в Вифлеем. За всю жизнь батюшка так и не смог побывать на Святой земле, может, оттого так обостренно и трогательно он старается представить всю ее: и Назарет, и эти ступени, которые вели к источнику Благовещения, и ступени к пещере, в

которой, повитый пеленами, лежал Богомладенец и куда вела звезда, и неграмотных пастухов, и образованных волхвов, и ступени на Голгофу. Батюшка всегда плачет, когда представляет Божию Матерь, стоящую у Креста. Сын умирал на Ее глазах. Сын! Господи, только по Его слову сердце Ее не разорвалось — еще много Ей предстояло трудов.

— Дедушка, — влетает в комнату внучка, — а Витька говорит, что игрушки на елке — это слезы, что это ты говорил. Какие же это слезы?

— А, — вспоминает батюшка, — да, говорил. Видишь, Катюша, у нас елочка, а на юге пальма. Пальма же ближе к Вифлеему. Все деревья собрались славить Рождество Христа, а елочка опоздала, ей же далеко. Опоздала и заплакала. У нас холодно, слезки замерзли. Господь ей сказал: «Все твои слезы будут тебе как драгоценности». Вот мы и наряжаем с тех пор елочку.

— А еще Витька сказал, — ябедничает дальше внучка, — что Дед Мороз — это не Дед Мороз, а Санта-Клаус, американский, говорит. Да, дедушка?

— Нет. Санта-Клаус — это святой Николай. Какой же он американский? Он христианский, православный.

Внучка улетает. Батюшка облачается к вечерней службе. Он любит вечерние службы. У печки обязательно дремлет приехавший заранее старичок, которому негде ночевать, но который просыпается точно к елеопомазанию. Любит батюшка исповедовать именно вечером, без торопливости, спокойно, читая корявые строчки незамысловатых грехов: «Невестка обозвала меня, а я не стерпела и тоже обозвала, каюсь...».

Рождественское утро. Кто-то приехал еще до автобуса, успел уже побывать на источнике.

— Ой, Аркадий, — благодарят громко женщины, — это, ведь такая красота, прямо как в санатории ступеньки! А мы шли, переживали — как попадем?

— Думали, как Суворов через Альпы, да? — довольно шутит Аркаша.

И в автобусе народу битком, и в церкви стеной. Василий забивается в самый конец, за печку, видит, что вьюшка на печке хлябает в своем гнезде и около нее поддымлено, закопилось. Василий вспоминает, что у него в предбаннике есть глина и белила, и решает завтра же починить печку.

Начинается служба. Конечно, Василий не понимает многих слов, не понимает всего пения, но ему так хорошо здесь, так умиротворительно глядеть на горящие свечи, слушать батюшку, согласный молитвенный хор, видеть, как открываются и закрываются царские врата, как летит оттуда, из алтарного окна, сверкание рождественского солнца, и вдыхать сладкий запах кадильного ладанного дыма. Василию становится жарко, хотя он заранее снял телогрейку и стоит в старом свитере сына. Он чувствует, что нос у него расклеивается, думает:

«Где это я простыл?» Достает носовой платок, высмаркивается тихонько и ощущает, что у него мокрые глаза. Он понимает, что это от умиления, от того, что так хорошо ему давно не было, что вот он, всеми брошенный, никому не нужный, нужен и дорог Господу, что Господь его не оставил, что ноги, слава Богу, несут, руки работают, никому не в тягость, голова соображает... Что еще? Может, еще какую работу найдет, чтоб сыну помогать. «Пусть бы все на меня валилось, — думает Василий, — еще же и мать, покойница, говорила: «Кого Бог любит, того наказывает». И это, материнское, вспомнилось ему именно сейчас, в церкви, значит, жило в нем и ждало минуты для утешения. «Любит меня Бог, — понимает Василий. — Любит. Ведь сколько же раз я мог умереть, погибнуть, замерзнуть, спиться мог запросто, а живу». Василий украдкой вытирает рукавом слезы.

Аркадий стоит впереди всех, размашисто крестится. Но ему не до молитвы, надо готовить емкости для водосвятия. Он выходит на паперть и кричит проходящему соседу:

— А по какому праву службу прогуливаешь?

— Ты ж знаешь, я в церковь не хожу, — отвечает сосед.

— Надо, — сурово назидает Аркаша. — А если в церковь не пошел, ставь бутылку, я за тебя свечку ставлю.

Сосед смеется и бежит дальше.

Аркаша разбивает лед в бочке, начерпывает воды в ведра, несет в церковь. Батюшка заканчивает проповедь:

— ...и каждому, и всем нам дается время на покаяние. Долготерпелив, милостив Господь, не до конца прогневается, говорят святые отцы. Но мы-то, грешные, доколе будем полнить чашу греховную, доколе? Ведь уже через край льется...

Батюшка долго молчит. Слышно, как потрескивают свечи. Звонят колокола. В морозном солнечном воздухе звуки их чисты и слышны далеко окрест.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КОЛЯДКИ

— А мы колядовать будем, — сказал мне соседский мальчик. — Мы и в прошлом году ходили. Целую сумку набрали. И денег даже было.

— А как вы говорите, когда славите?

Мальчик побойчее ответил:

— Мы наряжаемся. Ромка девчонкой. Мишка ужасиком, а я так намазываюсь: щеки, нос красным, а глаза черным. Говорим так: «Славите, славите, вы меня не знаете. Отворяйте сундучки, доставайте пяточки и конфеточки».

— А дальше?

— А дальше нам чего-нибудь дадут, и мы дальше идем.

— Тогда зачем вы приходили? Только за конфетами? Вы же идете в Рождество, вы же несете весть о рождении Сына Божия — вот

главное в колядках. Давайте так: вы говорите свои стихи и добавляйте после конфеточек: «Если будет и печенье, то прочтем стихотворенье». А стихотворение надо прочесть даже и без печенья. Заучите: «В небе звездочки горят, о Христе говорят. У людей всех торжество: наступило Рождество». Это же радость — сообщить такую весть. Вы вестники счастья, спасения. Как в церкви поют, заучили? «Слава в вышних Богу...» Дальше?

— «...на земле мир, в человецех благоволение», — подхватили мальчишки.

— Вот. И тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...». Знаете наизусть?

— Это Данила знает, Георгий тоже, они батюшке помогают. Нинка с ними. Они тоже будут ходить.

— Значит, у вас еще и конкуренты?

— Улиц же много, — рассудительно сказали мальчишки. — А мы, может, еще Лену уговорим. Она поет хорошо.

Когда вечером раздался бодрый стук в окно, я решил, что это пришли мои знакомцы. Я был готов к встрече, сходил днем за пряниками, конфетами, печеньем, лимонадом.

Но пришли не они, а целая группа, человек десять, других детей. Пришли со звездой с пением «Коляды».

— *Коляда, коляда, открывайте ворота.*

Меня осыпали горстью зерна, дружно запели:

Христос рождается, славите!

Христос с небес, срящите,

Христос на земли, возноситеся.

Пойте Господеви вся земля,

И веселием воспойте, людие,

Яко прославися.

Кого только не было среди колядовщиков: Снегурочка с длинной мочальной косой, красавица в кокошнике, мальчик, почему-то в иностранной шляпе, другой мальчик, раскрашенный разнообразно, третий в халате со звездами. Они дружно пропели тропарь: «Рождество Твое Христе Боже наш...», запели песню: «А мы просо сеяли, сеяли...». Я уже собрался вознаградить такое усердие, как вдруг, болезненно охнув, повалилась на пол девчушка с косой. Все они вскрикнули, да так натурально испуганно, что у меня сердце чуть не оборвалось. Мгновенно я стал соображать, у кого из соседей телефон, чтоб звонить в больницу.

— Доктора, доктора! — кричали дети.

И только когда явился «доктор», важный мальчик в нарисованных очках, я с радостью понял, что это все нарочно. Облегченно вздохнул. «Доктор» важно щупал пульс, глядя на часы. Разогнулся, помолчал и сокрушенно сообщил:

— Медицина здесь бессильна.

— Знахаря, знахаря! — закричали девочки.

Пришел и «знахарь», одетый просто: в зипуне и в лаптях. Он обращался с «больной» крайне небрежно: подергал за руки, за ноги, сказал и свой вывод:

— Народная медицина, — помолчал задумчиво, — тоже бессильна.

Потом они гениально выдержали томительную паузу, «больная» лежала, как мертвая. Но вот та же девочка, что звала «доктора» и «знахаря», всплеснула руками, сообщив:

— Ой, я знаю, знаю! Ее спасет хоровод вокруг нее, танцы и песни. И вы с нами, — сказала девочка мне. — Надо же оживлять!

Конечно, как мог я не участвовать в оживлении такой красавицы с длинной косой. Мы пошли хороводом, пропели коляду. Я вспомнил еще тоже давнее, из детства: «Я малый хлопчик, принес Богу снопчик. Боже, снопчик прими, меня сохрани. И тятю, и маму, и нашу избу, и нашу деревню, и нашу судьбу».

Красавица ожила. Я разлил по кружкам лимонад. «Доктор» возгласил:

— Выпьем за оживление человека!

— А я знаю хороший тост, — вмешался «знахарь». — Сказать?

Дети, видимо, слышали этот тост и вопросительно на меня смотрели.

— Скажи, — сказал я, — только почему тост? По-русски — здравица! Вообще-то, — я вздохнул, — рано бы вам и тосты, и здравицы. Скажи.

— Умирает один старик, — торжественно начал «знахарь» — тут он смешался, увидев мою седую бороду.

— Куда денешься, раз умирает, — подбодрил я. — Умирает старик, дальше?

— В общем, ему уже сто лет, — нашелся «знахарь». — Лежит, в дверь стучат. «Кто?» — «Любовь».

Дети захихикали. «Знахарь», совершенно не смутясь, по-стариковски закричал:

— «Любовь? Какая мне любовь, я уже старик, умираю». Дальше лежит. Снова стучат. «Кто?» — «Богатство». — «Какое мне богатство, ничего мне не надо, никакого богатства. Я умираю». Ну вот, и снова стучат. «Кто?» — «Дружба». — «Дружба? Дружба — это хорошо, входи». И вот вошла дружба и с собой привела и любовь, и богатство. Так выпьем за дружбу! — провозгласил «знахарь», вздымая кружку с лимонадом. — Которая приводит и любовь, и богатство!

Мы выпили лимонада, заели печеньями и пряниками. Как-то хорошо и трогательно было после их прихода. Я подмел с пола на листочек зерна, думая назавтра вынести их птицам. И все звучали во мне дивные строки:

*Я малый хлопчик,
принес Богу снопчик.
Боже, снопчик прими.
И меня сохрани.
И тятю, и маму, и нашу избу,
И нашу деревню, и нашу судьбу.*

Вскоре снова пришли дети. Уже мои знакомцы. И трогательно спели:

*По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел:
«Христос родился,
С нами Христос.
Радуйтесь,
Радуйтесь,
Радуйтесь!»*

С ними была девочка, именно та Лена, которую они уговорили идти славить. Она, отчаянно стесняясь и тиская в руках варежки, тоненьким голоском запела:

*Я умом ходила
в город Вифлеем,
И была в вертепе
и видала в нем,
Что Христос Спаситель,
Царь, Творец и Бог
Родился во хлеве и лежит убог.
И тогда я Деве сделала вопрос:
Отчего так плачет
маленький Христос?
Дева мне сказала:
«Плачет Он о том,
Что Адам и Ева
взяты в плен врагом,
И что образ Божий,
данный их душам,
Отдан в поруганье
злобнейшим врагам...»*

Девочка не допела, вдруг расплакалась и выскочила за дверь. Мальчишки смущенно переминались.

— У нее длиннее песня, она еще поет о розах, которые Христос раздал детям, а Себе оставил шипы от роз.

Ушли деточки. Ушли в лунную ночь, скрипя валеночками по рождественскому снегу. А лампадка в красном углу будто звездочка, сошедшая с небес, пришла и остановилась у святых икон.

ДЕЯТЕЛИ

«СТРОКОЙ НЕЗАВЕРШЕННОЙ...»

*О религиозной,
творческой деятельности
и общественном служении
архиепископа Тихвинского
Константина (Горянова),
ректора Санкт-Петербург-
ской Духовной Академии*

Санкт-Петербург, защищенный молитвами святых, построенный гениальными зодчими, воспетый великими поэтами, спасенный героическими жителями и отважными воинами, является городом, представляющим собой живой целостный организм. Причем, эта целостность не есть простое случайное земное единство, а, можно сказать словами А.С. Хомякова, она отражает «единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати» (Хомяков А.С. Соч. в 2 т. М., 1994). И в уникальной архитектурной форме, и в содержании неповторимой петербургской жизни, определяющейся различными аспектами человеческих устремлений, Санкт-Петербург, эта живая целостность, обладает жизненно важными органичными узлами, обеспечивающими сокровенную историческую крепость всего «организма». Сегодня, к сожалению, можно привести много примеров тому, как стремление ослабить, а иногда и разрубить эти «узлы», приводит к очевидному нарушению устойчивости, а в худшем случае, необратимому искажению петербургской метафизической природы.

Казалось бы, благое дело — новое здание Биржи на Васильевском острове. Но каковы последствия непродуманного архитектурного решения, изменившего образ города и принесшего столько горя истинным петербуржцам. Кажется, что плохого, если в историческом центре на месте тихих старинных зданий появятся новые современные дома в виде

стеклянных призм и пирамид? При виде зияющих пустот по обоим сторонам Невского проспекта разрывается от боли сердце, чувствуемое, как убивается прекрасное тело любимого города, как хрустко рвутся связи, как безжалостно перерубаются исконные кровотоки, как отучаются петербуржцы от того, что зовется традицией. Но еще страшнее, когда ледяной ветер перемен угрожает живым, пульсирующим узлам духовной жизни, когда лучшее неожиданно может стать погубителем хорошего.

Назначение ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии архиепископа Константина (Горянова) на новую должность в разгар учебного года, перед Актовым днем апостола Евангелиста Иоанна Богослова, заставило многих православных людей содрогнуться от неожиданности произошедшего и задуматься над выдающимся значением сделанного Владыкой для Санкт-Петербурга за годы своего ректорства. Не трудно понять, как много мы сегодня теряем, какие многочисленные важные для духовного здоровья города связи будут окончательно оборваны с отъездом в глубинку мудрого православного пастыря, ученого-богослова, честного историка, талантливое писателя, неутомимого администратора. Ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии Владыка Константин более многих способствовал единению светской молодежи и Русской Православной Церкви. О значении сделанного архиепископом Тихвинским для нашего города и для Духовной Академии, которую он успешно возглавлял, много говорилось в средствах массовой информации, особенно в 2006 году, когда Санкт-Петербургские Духовные школы торжественно отмечали 55-летие со дня рождения и 35-летие научной деятельности своего ректора, профессора, викария Санкт-Петербургской епархии, вставшего на ответственное служение в тяжелейшие для России 90-е, а именно в 1996 году.

Владыка достойно продолжил дело тех, кто созидал Духовные школы града святого апостола Петра и тех, кто возрождал их после той многолетней войны, которую вела богоборческая власть против Церкви. Высоко оценивая служебные заслуги архиепископа Константина, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II говорил: «На протяжении многих лет Вы ревностно служите Богу и людям, внося весомый вклад в развитие богословского образования и воспитания учащихся духовных школ. Находясь на посту ректора, Вы являете пример следования своему призванию и верности служебному долгу, отдавая все свои силы и дарования делу Церкви. Весьма отраднo сознавать, что во многом благодаря Вашему участию ныне успешно осуществляется реформа духовных учебных заведений Русской Православной Церкви. Немало трудов Вы положили, дабы повысить уровень подготовки будущих священнослужителей, иконописцев, регентов и тружеников церковных. С присущей Вам ответственностью Вы исполняете все многообразие возлагаемых на Вас послушаний» (Христианское чтение. № 26. 2006. С. 228). Губернатор Санкт-Пе-

тербурга В.И. Матвиенко тоже отмечала особые заслуги Владыки, по ее мнению, делавшего все возможное, «чтобы высокие духовно-нравственные ориентиры, мир, согласие и взаимопонимание определяли отношения между жителями нашего великого города» (Там же. С. 229).

С почтением и любовью всегда относились и относятся по сей день к своему наставнику профессорско-преподавательский состав Академии, студенты, воспитанники и воспитанницы, для каждого из которых у Владыки хватало времени и внимания. И это удивительно, если знать, что одну из ведущих не только в России, но и во всем православном

мире, Санкт-Петербургскую Духовную Академию возглавлял человек, обладающий ученой известностью, являющийся академиком Российской Академии естественных наук, членом Синодальной богословской комиссии, членом редколлегии «Богословских трудов», членом научного совета «Православной энциклопедии», сопредседателем церковно-общественного совета по биомедицинской этике, автором глубоких богословских работ, философом, публицистом, деятельным администратором. Кроме очевидных благих преобразований, касающихся научно-педагогического процесса, приведших к улучшению профессиональной подготовки, выразившейся в постоянном ежегодном увеличении количества научных работ, выдвигаемых на соискание ученых степеней, Владыка не забывал о хозяйственной стороне жизни Академии. Несмотря на тяжелую экономическую обстановку, он, заботясь о быте студентов, улучшал бытовые условия, проводил ремонт.

Особое поприще ректора, имеющее сегодня для Петербурга первостепенное, оборонное значение — это формирование новых межвузовских взаимоотношений, основанных на духовно-нравственном просвещении как петербургских студентов и курсантов, так и преподавателей многих петербургских вузов. Именно трудами архиепископа

*Архиепископ Тихвинский
Константин (Горянов)*

*Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II
и Архиепископ Тихвинский Константин в стенах СПб ПДАиС*

Константина была создана Межвузовская Ассоциация духовно-нравственного просвещения «Покров», учредителями которой выступали кроме Духовной Академии Совет ректоров вузов Санкт-Петербурга, Государственный Университет и ведущие вузы города. Президентом Ассоциации единогласно был избран Владыка Константин. В сложных условиях духовной и информационной войны за души молодежи не могло быть более достойного руководителя просветительской организации «Покров», чем Владыка Константин, который, будучи не только служителем Церкви высокого сана, но и прекрасно образованным человеком, имеющим ученую степень кандидата медицинских наук, заслуженно пользуется признанием, уважением и высоким авторитетом среди многочисленных деятелей науки, образования, культуры, искусства и представителей всех слоев петербуржцев.

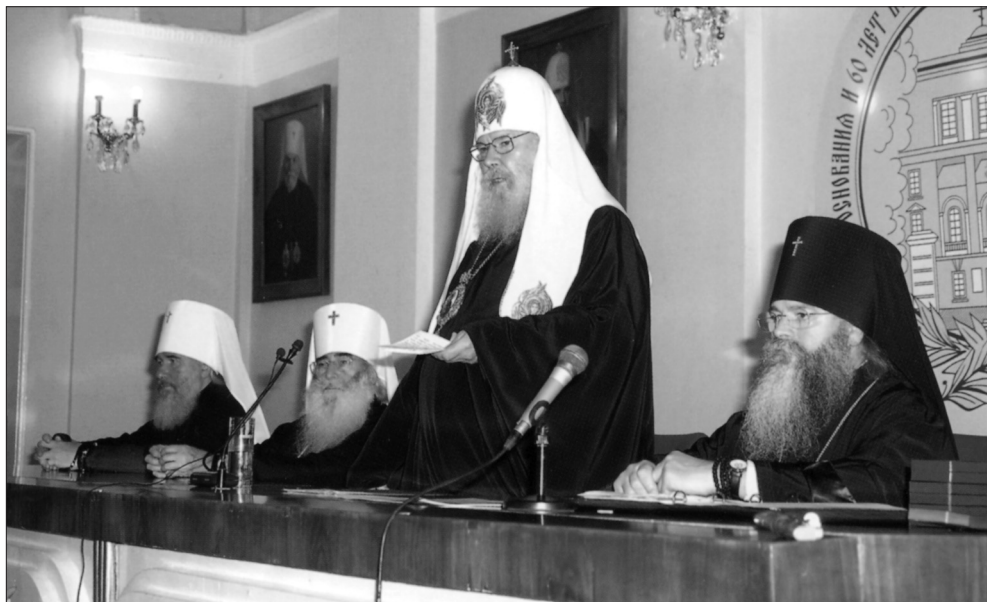
Так деятельность ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии архиепископа Константина (Горянова) в обращении к Патриарху Алексию II от 9 октября 2008 года оценивает Совет ректоров вузов Санкт-Петербурга. «Сотрудничество Церкви, общества, государства, армии и молодежи, консолидация всех здоровых сил общества — одно из важнейших условий национальной безопасности России. И

в свете нынешней политической ситуации не только в России, но и вокруг нее в мире, в условиях все усиливающегося идеологического давления особую значимость приобретает борьба за влияние на молодежь, особенно студенческую...

За годы руководства старейшим духовным учебным заведением Санкт-Петербурга ректором Константином Духовная Академия заняла особое место в системе высшего образования Северной столицы. Знаменательно, что вокруг духовно яркой личности архиепископа Константина, под покровом Пресвятой Богородицы во имя возрождения, укрепления и процветания нашего Отечества ректоры вузов добровольно объединились в Межвузовскую Ассоциацию духовно-нравственного просвещения «Покров», которая включает сегодня 38 крупнейших вузов, в том числе 12 военных, ряд самостоятельных общественных организаций. Впервые такое общественное содружество создано на основе стержня нашей отечественной традиции — Православия. Это — беспрецедентный опыт в истории современной России, который распространяется не только в Санкт-Петербурге, но и в других городах России (Рязань, Воронеж, Екатеринбург, Москва).

Уже сейчас видны реальные плоды работы Ассоциации по возрождению в среде студенческой молодежи духовных ценностей Православия. Деятельность Межвузовской Ассоциации «Покров» охватывает многообразные стороны жизни учащейся и студенческой молодежи: научные исследования, опирающиеся на культурные отечественные традиции; разнообразные образовательные и информационные проекты; социально-благотворительная работа молодежи; участие в восстановлении и сохранении культурных памятников и святынь; внедрение церковных праздничных традиций в светскую студенческую жизнь; миссионерская деятельность среди учащейся молодежи. На базе вузов Петербурга 12 лет проводятся Покровские, Знаменские, Татьянинские, Кирилло-Мефодиевские конференции и чтения, инициатором и научным руководителем которых является Владыка Константин».

Такая удивительная общественная активность Архиепископа является следствием не только жгучей боли от понимания им возможной гибели погрязшего в неверии и грехах мира, в котором разрушается сама основа религиозного бытия, не только стремлением помочь своей пастве, ищущей спасения. Такая активность является естественной, необходимой для человека, наделенного полномочиями духовного воспитателя, и в наше время имеет объективно-исторические причины. Прежде, в средневековой Руси, когда Церковь определяла мировоззренческий идеал человека, живущего по церковным законам, непосредственно участвующего в богослужениях и таинствах, все вопросы бытия разрешались самой этой жизнью, не требовалось рационального обоснования христианских истин. По мере проникновения западных идеалов, в связи с агрессивно возрастающей секуляризацией, отпадением людей от годичного круга церковных служб,

*Святейший Патриарх на торжествах в связи с 60-летием
возрождения Духовных школ*

появилась насущная необходимость сохранить традицию в этих сложных условиях, применить творческий подход к осмыслению православного христианства. Сегодня, когда большинство русских людей не знакомы даже с основами Православия, священнослужителям, монахам приходится идти в мир, чтобы вместе с людьми вновь обосновать и осмыслить христианские догматы. О значении современного монашеского подвига архиепископа Константина можно сказать словами прот. Г. Флоровского, посвященными свт. Тихону Задонскому, который «писал для этого мира, свидетельствовал о Спасителе погибающему миру, и не ищущему спасения. Это был апостольский отклик на безумие вольнодумного века» (Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Вильнюс. 1991).

«Апостольский отклик» архиепископа Константина заключается не только в его активной общественной позиции, но и в многочисленных научно-богословских трудах, следующих русской святоотеческой традиции и составляющих основу современного русского богословия, религиозной философии и духовной истории.

Богословские, исторические, публицистические статьи Владыки написаны не ради удовлетворения научных амбиций, но продиктованы любовью, к которой призывает нас Господь во имя единства Тела Христова, во имя мира, за который страдал Христос Спаситель. А мир этот, прежде всего, как пишет Архиепископ, «наши ближние, и вообще всякий человек в нужде». Понимая, что сегодня почти каждый человек находится в «духовной нужде», архиепископ Константин обращается в своих трудах к фундаментальным основам церковной жизни. Он подробно останавливается на раскрытии сути и смыс-

ла великой Христовой заповеди единения, на собирающей природе Церкви и Литургии как Таинстве собрания, которое из греховной разобщенности собирает человека в целостное существо.

Являясь иерархом Русской Православной Церкви, Владыка Константин на страницах православных петербургских журналов, в частности журнала «Христианское чтение», будущим священникам и простым мирянам преподает извечный смысл существа Церкви и ее Таинств. Особо Архиепископ напоминает о проповеднической природе Церкви, о ее миссии, о ее призыве, в котором обязательно должна быть заключена истина, и не в минимуме, а во всей полноте. Несмотря на очевидную методологичность, иногда назидательность статей, обращенных, в особенности, к будущим православным пастырям, композиционная целостность, метафоричность, литературный язык, эрудиция, оптимальное цитирование первоисточников богословской мысли, роднит труды Архиепископа с классическими шедеврами русской религиозной философии. В то же время статьи воспринимаются и как убедительные проповеди, достойные сравнения с известными лучшими образцами.

Исследуя в статье «Путь от литургии и традиции — к подлинному единству народа» единство истинное и мнимое на библейских, исторических примерах и с использованием примет безбожной современной потребительской цивилизации, Владыка Константин доказывает, что в единстве истинном главенствующее значение принадлежит Церкви по определению, которое, безусловно, связано с евхаристическим собранием. «И действительно, древние Отцы называли Евха-

Торжественное богослужение в праздник благоверного князя Александра Невского

Заседание Ученого совета

ристю единением. Во-первых, потому, что в нем происходит полное соединение с Богочеловеком Христом, во-вторых, потому что через Христа мы соединяемся друг с другом. Как говорится в литургии св. Василия Великого после освящения Святых Даров: «Нас же всех причащающихся от единого Хлеба и Чаши соедини друг ко другу, да ни один от нас не причастится недостойно».

Болея душой о возможности недостойного участия в Таинстве Таинств, архиепископ Константин создает фундаментальную статью «Церковь и Евхаристия», где проповедует о чрезвычайной важности отношения к святейшему Таинству Причастия, в котором, «как в своеобразном зеркале, отражается истинное духовное содержание всей жизни христианина — епископа, священника, мирянина». Рассказывая доступным языком в своем труде о Евхаристическом служении, о его сути, о многообразии вариантов евхаристических молитв, и о том, что в единой Церкви не может не быть единой Евхаристии, Владыка обеспокоено упоминает и практические проблемы, которые стоят в Литургической жизни Церкви. «Возвышенное православное богословие и христианское призвание очень далеко отстоят от того, свидетелями чего мы являемся в этом мире», где очевидно «стремление «князя мира сего» внести в Тело Христово всевозможные разделения». Заботясь о защите истинного христианского призвания, Ректор Духовной Академии первостепенное значение придает воспитанию и подготовке в духовных школах «тех, кто мог бы приступить к священническому служению со страхом Божиим, верою и

любовию, кто мог бы достойно принимать Божественную благодать и раздавать ее требующим». То есть возлагает главную надежду на отдельную человеческую личность, принимающую священнический сан. И в этом смысле средствами богословия, философии и психологии Владыка пытается исследовать и обосновать то, как духовное мирозерцание, зачатки которого находятся в каждой человеческой душе, трансформируется, изменяется в зависимости от условий религиозно-нравственной жизни человека. Ученому интересно исследовать вопрос, как в отдельном человеке, имеющем видимую предметную объективность, распознать богословское своеобразие.

Философско-богословский аспект этой проблемы архиепископ Константин рассматривает на примере жизни и трудов родоначальника русской религиозно-философской антропологии, ученого Виктора Несмелова (1863-1937) в глубокой, многоплановой статье «Познай самого себя». В частности, он рассматривает философские особенности православной антропологии, суть которой заключается не в исследовании физиологических особенностей человека, а в рассмотрении его духовной деятельности, его идеального отношения к реальным условиям бытия. Очевидно, что объективная природа человека в противоположность условиям физической жизни обнаруживает тягу к духовному, желание свободного развития своих духовных сил. Несколько различны критерии и степени свободы у людей, несущих в себе образ Божий, Владыка показывает путем сопоставления судеб исторических личностей — св. Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона в блистательной статье «Русский выбор» (Святой праведный Иоанн Кронштадтский и Георгий Гапон — становление личности в Духовных школах).

Рассматривая становление этих двух по-своему выдающихся людей в историческом контексте, ученый-богослов ставит горький для руководителя Духовной школы вопрос: как могло случиться, что вышедшие практически из одинаковой среды, из русской глубинки, воспитывающиеся примерно в одинаковых условиях, в частности, в Петербургской Духовной Академии, принявшие желаемый духовный сан священники, пошли столь различными, вернее, противоположными путями. Один, Иоанн Кронштадтский, стал любимым всей Россией батюшкой, другой, Георгий Гапон, обуреваемый духовной гордыней, повел народ против Царя, выступил одним из разрушителей основ русской государственности.

«Известно, что становление личности происходит от рождения и до последнего дыхания и является исторической категорией, определяющейся протяженностью во времени и ограничивающейся длиной жизни, — пишет в статье «Русский выбор» архиепископ Константин», — «Младенчество можно считать фундаментом этого процесса, этого духовного строительства. Уже первые события биографий св. Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона позволяют судить о разном характере их воспитания. Духовное развитие личности будущего

В добрый час, кадет!

светила праведности — Иоанна Кронштадтского — с раннего детства было сопряжено с Богом через молитвенное обращение к Нему». Григорий Гапон, к сожалению, в детстве, в своей семье, заразился «бациллой бунта», которая и в дальнейшей, взрослой жизни священника находила благодатную почву. Православный пастырь, якобы во имя народа, даже отрекся от своего сана, а в последствии и от Бога. Святой праведный Иоанн Кронштадский действительно помогал народу, взяв на всю жизнь за образец слово Божие и подвиг Христов.

Об особой, всепобеждающей силе этого «оружия» в истории России ректор-ученый пишет в своих исторических работах, в частности в статье «День Победы», подготовленной к столетию со дня кончины св. прав. Иоанна Кронштадтского и посвященной современному значению его жизненного подвига. Владыка прав, что невозможно рассмотреть этот подвиг, пришедшийся на «смутные времена», в отрыве от всей истории России, которая издавна знакома с такими периодами и недавно пережила подобный. С уверенностью, с использованием богатого фактического материала, архиепископ Константин показывает, что в с е г д а, Господней Волей находились праведники, которые Божиим словом, крестом и памятью подвига Христова в любые, самые темные, лютые времена способствовали русской победе над врагом, посягающим на Русь православную, в с е г д а пасхально празднующую День Победы.

Такой же пасхальной радостью в 2004 году сиял неоглядный, ликующий Крестный ход, который лично возглавлял архиепископ Тих-

Воскресная школа

винский Константин с иконой Тихвинской Божией Матери в руках в день Ее возвращения в родной Тихвинский монастырь. Владыка Константин, встретивший Святую в аэропорту и сопровождавший ее на всем пути следования до обители, в своих руках как будто нес людям чаянную радость: после стольких лет богоборчества и лжи над русской землей вновь воссиял в целости Покров Пресвятой Богородицы. Соборным единением всего православного народа под Покровом Пресвятой Заступницы земли Русской возрождалась Россия. Уверенностью в завтрашнем дне наполнялись сердца пастырей и паствы. Большие планы строил на своей ответственной должности и глава Санкт-Петербургской Духовной Академии архиепископ Константин. Сегодня можно сказать, что трудами неутомимого Ректора многое исполнилось, многое удалось. Многие планировалось, когда через день после освящения академической церкви в честь Евангелиста Иоанна Богослова, отреставрированной заботами ректора Константина, прямо на торжественной встрече ассоциации «Покров» 6 октября 2008 года, Владыка был оповещен о решении Священного Синода о новом своем назначении, что вызвало единодушное огорчение всех присутствовавших. Ныне он архиепископ Курганский и Шадринский, а его епархия находится в далекой провинции, вблизи границы с Казахстаном... Ужели он нужнее там?!

Священники как воины, обязаны подчиниться приказу. Но как воины они умеют и должны сражаться «без усталости и страха». На память приходит прозорливое стихотворение петербургского поэта Андрея Реброва «На брань последнюю», написанное достаточно давно,

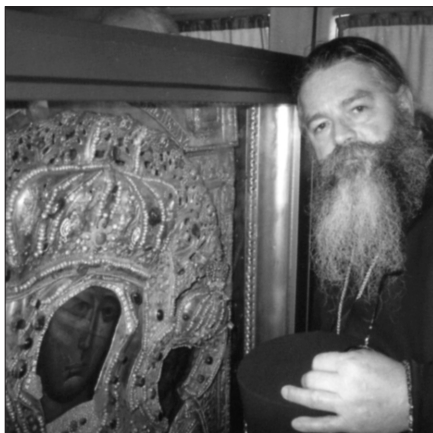
в 2002 году и посвященное Владыке Константину, еще до возведения его в архиепископы.

*Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах сумняшеся ничтоже
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаную вязь облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой...*

*Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.*

*А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятных танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.*

*Шел монах без усталости и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.*

*Архиепископ Тихвинский
Константин сопрово-
ждает Святую в брони-
рованном автомобиле*

Удивительными бывают поэтические прозрения. Если метафорический образ монаха, идущего с символичным копьём Пересвета на духовную битву сквозь халдейский ропот городов, мимо новорусских вавилонов, стал сразу запоминающимся, явно зримым и узнаваемым, то смысл образа «шел чернец строкой незавершенной», кажется, проясняется только теперь. Какая «незавершенная строка» виделась поэту много лет назад на священном жизненном пути ученого-монаха? Не та ли, что сегодня осталась недописанной за ректорским письменным столом? А может быть та, которую Божией Волей Владыке еще предстоит написать вдали от страстных городов, от громкого общественного поприща. Может быть, это будет строка самая важная, самая сильная, которая, как известно, в России лучше всего пишется в глуши уединенной и становится, действительно, сродни копьё Пересвета.

Валентина Ефимовская

ПЛАНЕТАРНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД

Часто случается так, что многие значимые события в нашей жизни проходят незамеченными, и только потом открывается их сокровенный смысл. Событие, о котором мы хотим рассказать нашим читателям, почти не освещалось в прессе, и сейчас, спустя три года, наступило, как кажется, время рассказать о нем.

В нижнем храме главного собора Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, который посвящен преподобным Сергию и Герману, есть небольшая икона в резном киоте — миниатюрный список с Валаамской иконы Божией Матери, которая была написана в XIX веке монахом-иконописцем Алипием. На иконе Богородица изображена во весь рост в пурпурно-красном длинном мофории, стоящей на облаке. На руках Пречистой Девы — Богомладенец, в левой руке Которого — держава — символ царской власти, правая рука поднята для благословения. Верующие с благоговением прикладываются к этой необычной святыне — вместе с космонавтом Сергеем Крикалевым икона в течение месяца совершала облет нашей планеты на Международной космической станции.

С героями этого повествования Героем Советского Союза и России космонавтом Сергеем Константиновичем Крикалевым и вице-президентом Федерации космонавтики России Олегом Петровичем Мухиным мы встретились на Валааме 8 сентября — ровно три года спустя как Валаамская икона транспортным кораблем была доставлена на ор-

биту. Только теперь во время нашей беседы выяснились драматические подробности, о которых мне бы хотелось поведать читателю.

Инициаторами этого исторического облета были иеромонах Валаамского монастыря отец Мефодий и Александр Александрович Смирнов, православный христианин и благотворитель обители. Вначале никто не предполагал, что осуществить задуманное будет так трудно.

Валаамская икона Божией Матери на МКС

— Когда Смирнов позвонил мне с Валаама и сообщил об этом проекте — рассказывает Олег Петрович Мухин, — я тут же позвонил в Москву Дважды Герою Советского Союза летчику-космонавту Александру Павловичу Александрову, который подтвердил, что это возможно, предупредив, что речь может идти только о небольшой бумажной иконе. Вскоре после этого разговора мы вместе с Александром Павловичем Александровым поехали в монастырь. Можете представить наши чувства, когда отец Мефодий благоговейно передал нам образ, написанный на доске, перед которым он молился в своей келье семь лет. Вернее, вы не можете себе этого представить. Дело в том, что все предметы, поднимаемые на орбиту, согласовываются с высшим руководством, при этом огромное значение имеет их вес. Для справки скажу, что отправляясь на орбиту на несколько месяцев, космонавт имеет право взять личных вещей весом не более одного килограмма. Таков был приблизительно вес и переданной нам иконы. Конечно, можно было бы отказаться, объяснить все отцу Мефодию... Но Александров сказал, что постарается отправить икону на орбиту, раз уж пообещал.

С этого момента все стало складываться вопреки обычной человеческой логике и реальным возможностям. Необходимо было получить одобрение Генерального директора РКК «Энергия» им. Королева Николая Николаевича Севастьянова. В конце концов, благодаря негибаемой воле и энергии Александра Павловича Александрова и Олега Петровича Мухина случилось невероятное — Генеральный издал специальный приказ об отправке иконы на орбиту. В знаменательный день 8 сентября 2005 года, когда вся православная Россия торжественно отмечает праздник нашей важнейшей национальной святыни — Владимирской иконы Божией Матери, транспортный корабль поднялся вместе с Валаамской иконой к звездам.

— С самого начала это был необычный полет, — вспоминают участники событий, — и проходил под знаком Петербурга.

Особенно приятно для нас, петербуржцев, то, что Герой Советского Союза и России летчик-космонавт Сергей Константинович Крикалев — наш земляк, в Петербурге живут его родители. Глядя на этого молчаливого, сдержанного человека с волевым лицом и задумчивыми глазами, создается впечатление внутренней сосредоточенности и необыкновенной выдержки. Его послужной список: шесть космических полетов, восемь выходов в открытый космос, более 800 суток пребывания на орбите (на сегодняшний день это мировой рекорд) — по официальному лаконичен. Но за всем этим — огромный труд, преодоление обычной человеческой немощи и страхов, запредельные физические и психологические нагрузки.

Летчик-космонавт Сергей Крикалев с иконой на МКС

*Летчик-космонавт А.П. Александров, и монах
Валаамского монастыря отец Мефодий*

Отправляясь в свой шестой полет, в котором ему предстояло быть командиром международного экипажа, Сергей Крикалев приехал в родной город. Пред самым отъездом космонавта приняла губернатор Санкт-Петербурга В.И. Матвееenko и передала ему вымпел и эмблему города на Неве, которые должны были сопровождать космонавта на орбиту. Можно назвать это совпадением, но именно в этот раз космонавту удалось впервые снять свой родной город из космоса. Сам он, взволнованный этой удачей, писал по электронной почте на Землю: «Вчера, 20/05 в Питере была замечательная погода, и на 2-х витках удалось не только увидеть, но и сфотографировать город. Явление довольно редкое, так как должны совпасть несколько условий: должна быть хорошая видимость (а в Питере это не так часто бывает), мы должны проходить близко в дневное время, и у меня должна быть возможность выглянуть в окно в эти несколько секунд пролета. Кроме того, ориентация станции должна быть такова, чтоб хотя бы один из иллюминаторов смотрел в нужную сторону, и направление на город позволяло бы подлезть к нему с длиннофокусным объективом. Нельзя сказать, что качество получилось идеальным — все-таки дальность была более 1000 км, но это лучшее, что удалось сделать. Так что спешу поделиться. Снимок, конечно, обработан для увеличения контраста и удаления голубой дымки и сжат до разумных размеров, чтобы его можно было отправить по почте».

В том же полете Сергеем Крикалевым была впервые сделана фотография Финского залива и Ладожского озера из космоса.

В течение 33 дней, с 8 сентября по 11 октября 2005 года, икона Божией Матери Валаамская вместе с космонавтами совершала облет нашей планеты, делая 16 витков в сутки.

Традиция совершения крестных ходов с иконой в знак особого ее почитания и для защиты от видимых и невидимых врагов существует с древнейших времен. Под спасительный покров Матери Божией всегда прибегали в минуты опасности, бедствий и суровых испытаний. По мере развития технического прогресса изменились и виды крестных ходов. Во время Великой Отечественной Войны с иконой Божией Матери Казанской был совершен облет нашего города на самолете. С этого момента враг не смог уже продвинуться ни на пядь земли, и город был спасен. После прославления святого царя-мученика Николая II был осуществлен крестный ход на самолете вдоль всех границ России с мироточивой иконой святого царя-мученика на борту. И, несмотря на все мрачные прогнозы, вопреки всем бедствиям, Россия выстояла и ныне начинает вновь возвращать себе свое имперское величие. Кто знает, от какой всемирной катастрофы и опасности уберег нас этот крестный ход с иконой Валаамской Божией Матери вокруг всей планеты.

Сам космонавт Сергей Крикалев не осознавал, по его словам, в тот момент всю невероятную значимость выпавшей ему миссии — вместе с Матерью Божией Пресвятой Богородицей обойти крестным ходом нашу планету. Он просто выполнял возложенное на него задание, исполнял свой долг.

Наконец пришел час возвращения на Землю. После полугодового пребывания на МКС Крикалев вместе с международным экипажем — американцем Джоном Филипсом и итальянцем Роберто Виттори — покидал станцию. Накануне пришел приказ с Земли от Генерального: упаковать икону и доставить на Землю.

— Я полагал, что икона останется на Станции, — вспоминал Сергей Крикалев, — получив приказ, я приступил к упаковке, которая на орбите представляет достаточные трудности. Нужно было еще многое сделать перед отлетом. Я провел без сна всю ночь. И вот настал момент, когда наш транспортный корабль покидал станцию. Внезапно во время расстыковки выяснилось, что падает давление. Не хотелось думать о худшем — что произошла разгерметизация. Однако после тестирования оказалось, что наши опасения подтвердились: герметичность корабля была нарушена.

Чем это грозило экипажу? Вспоминается самая трагическая страница в истории русской космонавтики, когда в аналогичной ситуации в 1971 году экипаж корабля «Союз-11» погиб. Космонавтов Волкова, Добровольского и Пацаева после приземления нашли мертвыми. Крикалев незамедлительно принимает решение — подкачивать кислород, чтобы восстановить давление. Это решение было единственным,

*Владыка Панкратий, игумен Валаамского монастыря
встречает икону, побывавшую в космосе*

но не избавляло космонавтов от другой опасности. Ведь от чистого кислорода при пониженном давлении от одной электрической искры выгорел в 1967 г. при испытаниях экипаж «Аполлона 1». Только чудо могло спасти космонавтов. И оно случилось. Сама Божия Матерь сопровождала экипаж в этом полете и покрыла их Своим омофором. Корабль с экипажем благополучно приземлился.

Встречал экипаж Александров, он бережно принял святыню из рук Крикалева и некоторое время хранил у себя. В январе он передал икону Олегу Петровичу Мухину, в течение пяти месяцев она находилась в сердце нашего города — в Петропавловской крепости в музее ракетной техники и космонавтики. Сюда приходили для поклонения иконе первые почитатели. А в пасхальные дни 2006 г. икону торжественно встречали на Валааме.

В Петербург с Валаама приехал отец Мефодий. Вместе с ним в обитель икону сопровождали Крикалев, Александров и Мухин. Туманным утром вылетели из Пулкова на вертолете. С иконой на борту облетели монастыри Приладожья. Этот полет был также непростым. Видимость была настолько плохой, что приближаясь к Валааму пришлось снизиться до 5 метров над уровнем моря, пролетели под проводами и двигались вдоль Монастырской бухты так низко, что глядя из иллюминатора вертолета можно было подумать, что плывешь на ко-

рабле... И вот их уже встречают на взлетном поле. Первый визит — в Никольский скит. Космонавты благодарят святителя Николу за благополучное возвращение. Потом путь на центральную усадьбу. Перед входом в Спасо-Преображенский собор собралась вся братия монастыря вместе с игуменом Панкратием. Святыню встречают торжественно с колокольным звоном. Игумен принимает из рук космонавтов драгоценный образ и вносит в собор. Братия служит торжественный молебен Божией Матери и совершает поклонение образу.

Еще раз обратимся к таинственной истории иконы Валаамской Божией Матери. Ее иконография восходит к византийскому чудотворному образу «Никопея» («Победотворная»), которая по преданию была написана евангелистом Лукой. При византийском императорском дворце она была известна с VI века и считалась покровительницей императорского дома, государственного устройства и вообще всякого иерархического становления, верили также, что она дарует победу в праведной борьбе. Византийский император Иоанн II Комнин (1118—1143) поместил образ Богоматери Никопеи на своей триумфальной колеснице. После разграбления Константинополя крестоносцами императорская святыня попала в Венецию и хранилась в закрытом киоте в базилике св. Марка. Только в 70-х гг. XX в. она стала доступна для обозрения. Иконописец Алипий чудесным наитием воспроизвел древний образ. Как предполагают, список этой иконы могли принести св. преп. Сергей и Герман из Греции на Валаам, который был утерян и снова возрожден иконописцем Алипием. Насельники и паломники Спасо-Преображенского монастыря считают глубоко чтимый образ Валаамской Богоматери знаменательным для всей России. Это одна из трех икон Божией Матери, явленных в царствование Государя Императора Николая Александровича, наряду с Порт-Артурской и Державной иконами (Валаамский образ был явлен вскоре после венчания на престол царя-мученика). Образ Божией Матери «Никопея» был в Византии палладиумом императорского дома, и нынешнее событие можно рассматривать как знамение нового имперского возрождения России как великой и победоносной державы.

Завершая наш рассказ, упомянем еще о некоторых неслучайных случайностях. Наша встреча с космонавтами на святой Валаамской земле, как уже говорилось, произошла 8 сентября, ровно через три года после подъема иконы на орбиту МКС.

— Еще сегодня утром мы с Сергеем даже не предполагали, — рассказывает Олег Петрович, — что будем на Валааме. Сергей приехал в Петербург навестить родителей и по своим делам, и тут обстоятельства сложились так, что мы оказались в обители. Все так неожиданно произошло. Мы до сих пор не можем понять, как оказались здесь — это была воля свыше.

И еще одно удивительное совпадение. День рождения Сергея Константиновича Крикалева — 27 августа, в крещении он был на-

зван Сергеем, и его небесным покровителем является святой преподобный Сергей Валаамский (день памяти 24 сентября).

Автор и редакция журнала «Родная Ладога» благодарят летчика-космонавта Сергея Константиновича Крикалева и вице-президента Федерации космонавтики России Олега Петровича Мухина за предоставленные фотографии и материал.

Наталья Харламова

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН

«И Я СТОЯЛ НА РУССКИХ БАРРИКАДАХ...»

Валерий Васильевич Хатюшин — родился в 1948 году в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. С 1986 г. член Союза писателей СССР и России. Закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия». Автор многих книг. **Живет в Москве.**

* * *

Лето мое долгожданное,
птицы лесные поют,
время безмерно желанное,
сердца любимый приют.

Смотришь на небо — и хочется
жить, никуда не спеша,
в травах июльских ворочаться,
воздухом сладким дыша.

Господи, что ж мы наделали
с жизнью, с природой, с собой?
Красными были и белыми
под золотой высотой...

Мало казалось нам радости
озера, леса, реки...
Хватит на всех этой малости,
черным делам вопреки.

Солнце в пруду отражается,
сокол над полем кружит,
тихо деревья качаются,
тихо листва шелестит...

Утро отраднo-прохладное
свежестью дышит в окно.
Лето мое ненаглядное
взгляд веселит, как вино...

ПУШКИН

Летающий сквозь громады лет,
огнем небес отмечен,
поэт в России, он — п о э т,
не больше и не меньше.

Он и творец, он и боец,
певец, гонец победный,
а выше — только лишь Отец
и Сын, и Дух Заветный.

Есть слово-символ, как пароль
для всех в России, — Пушкин.
За вечную любовь и боль
нальем по полной кружке.

Когда земные времена
погрязнут в общем блуде,
его строка, хотя б одна,
но в русском сердце — будет.

И пусть во власти высших сил
течет веков громада, —

останется: «Я вас любил...»,
и большего — не надо.

* * *

Вырвусь я в своем пророчестве
из тоски лихих годин.
Даже в полном одиночестве
я на свете не один.

предо мною — мать Божия
и спокойный лик Христа.

Лампа ночью долго светится
над застывшею строкой.

Пусть душа, ни с чьей не схожая,
словно комната пуста,

Есть мне с кем глазами встретиться
и к кому прильнуть душой...

УЧАСТЬ

Мы умираем вместе со страной.
Народ и недра глухо иссякают.
Под равнодушной высью неземной
нас на сиротство в мире обрекают.

Да, никому мы больше не нужны.
Всем вышло в радость наше умирание.
И нет у нас уже своей страны,
и недра — впредь чужое достояние.

Все тайно ждут, когда не станет нас,
и жадно смотрят на простор великий.
Народ угас. Не слышен высший глас.
Молчат с тоской икон святые лики.

Не удержали мы большой судьбы,
в распыл пустив свое предназначенье.
И под укором предков, без борьбы
в слезах познаем участь сокрушенья.

Сожмемся мы в холодной, злобной мгле,
чтоб кровью и душой не разлучиться,
чтоб под ярмом всемирным научиться
народом быть единым на земле.

НАКАНУНЕ

Хохот стоит над простором страны.
Вопли бесовские — в телерекламе.
В этом похабно галдящем бедламе
звуки родные уже не слышны.

Дикторов мерзких картавая речь.
Невыносимой попсы завыванья...
Знает о скором конце испытанья
Архистратига сияющий меч.

Наши сердца перед кровью большой
стойкой пропитаны анестезией.

Черные тучи плывут над Россией,
хмурое небо висит над Москвой...

НА ПЕРЕЛОМЕ

Памяти Николая Кузина

Мое уходит поколение,
друзья уходят навсегда —
надежд познавшие крушение
в несносно подлые года.
Ожгло предательское время
огнем коварства их сердца,
оно не совместимо с теми,
кто верен правде до конца.
Друзей высокая дорога
откроет времени печаль

другим годам... Еще немного —
мы все уйдем в глухую даль,
последние, кто в поколение
хранит отцов великий дух
и в ком Победы отраженье
таят глаза, душа и слух,
кто чуда ждал в растленном Доме,
жить не желая без борьбы,
служа любви на переломе
России, мира и судьбы.

НА РУИНАХ ЦХИНВАЛА

Им долго жить в разрухе и печали,
золотой и пеплом их не Бог занес...
Играл оркестр
в разгромленном Цхинвале,
и невозможно было спрятать слез.

Больной стране еще одним уроком
предстала эта общая беда.
В зияющих, пустых глазницах окон
застыл предсмертный ужас навсегда.

Торжественно-молитвенные звуки
лились над черной копотью домов.
Росла надежда —
этот свет Христов, —
в глазах, остывших от сердечной муки.

Услышав и запомнив каждый взрыв,
все обойдя руины и воронки
и скорбный лик ладонями закрыв,
стояла Богородица в сторонке.

Играл оркестр, во тьме горели свечи,
вокруг умолкли птичьи голоса,
и слушали недвижно небеса
его звучанье в этот горький вечер.

Поджали когти ястребы войны,
но жаждут жертв кавказские капканы.
Уж сколько лет разорванной страны
кровоточат бесчисленные раны!

Над нами Божьей Матери покров —
как изболевших душ анестезия.
Нас крепче свяжет пролитая кровь,
Осетия, Абхазия, Россия...

* * *

Гражданственность исходит из любви.
Когда я пел о ясном поднебесье,
о море, звездах и о русском лесе, —
в моей груди звенели соловьи.

Гражданственность исходит из любви.
Сибирь и Север я познал в работе,
душа сливалась со страной на взлете,
кипели жизнь и страсть в моей крови.

Гражданственность исходит из любви.
И я стоял на русских баррикадах,
когда народ ввергали в бездну ада
и телесвора выла: «Бей, дави!»

Гражданственность исходит из любви.
Нет, мы в борьбе своей не проиграли,
хоть отступали и друзей теряли, —
грядет победа в праведной нови.

Гражданственность исходит из любви.
Да, без любви любое дело — тщетно,
слова — мертвы, молитва — безответна,
каких святых на помощь ни зови.
Гражданственность исходит из любви.

* * *

Наверно, смешно и нелепо
в закатную верить зарю...
Смотрю на вечернее небо,
спокойно и долго смотрю.

Испытан земной маятою,
я с ней расквитался давно.
Всему пережитому мною
меня пережить суждено.

Мне волосы ветер полощет
и полнится взгляд синевой,
я вижу яснее и проще
прошедшее перед собой.

И вот, не забывший о многом,
судьбу разглядевший свою,
безропотно, как перед Богом,
под небом вечерним стою.

Ведомый велением вышним,
прорвал я соблазны греха.
Что было никчемным и лишним, —
отсеялось, как шелуха.

Внимаю сердечной надежде
на эту живую зарю,
с любовью, неведомой прежде,
в предвечное небо смотрю.

* * *

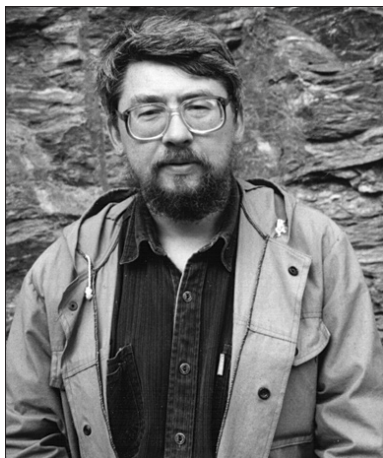
Ушел июль, и лето — на закате,
короче дни, прохладней вечера.
Я не жалею больше об утрате
бессонных гроз, гремявших до утра.

Все на земле уходит и проходит.
И скоро листья с ветром улетят.
Лишь облака и звезды в небосводе
на нас глазами вечности глядят.

Прошедших лет не повернуть обратно.
Зеленым листьям суждено истлеть.
И обо всем, ушедшем безвозвратно,
довольно мне грустить и сожалеть.

Но верю,
вновь зерном нальется колос,
цветок опавший снова расцветет,
и этот Божий дар —
мой грустный голос
среди облаков и звезд не пропадет.

Родная РЕЧЬ

Владимир ВОРОПАЕВ

НЕТ ДРУГОЙ ДВЕРИ...

Гоголь и Евангелие

*К 200-летию
со дня рождения Гоголя*

Владимир Алексеевич Воропаев — доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Ветхого Завета, а также Евангелие на церковнославянском, латинском, греческом и английском языках. Он говорил: «Один только исход общества из нынешнего положения — Евангелие»¹. Ольга Васильевна Гоголь-Головня, сестра писателя, вспоминала: «Он всегда при себе держал Евангелие, даже в дороге. Когда он ездил с нами в Сорочинцы, в экипаже читал Евангелие. Видна была его любовь ко всем. Никогда я не слыхала, чтобы он кого осудил»².

Ежедневное чтение Евангелия — неперемнная обязанность христианина, как и домашние молитвы. У Гоголя оно сделалось потребностью с юных лет. В Нежине протоиерей Павел Волинский на уроках Закона Божия читал с гимназистами толкования святителя Иоанна Златоуста на святых евангелистов Матфея и Иоанна. Речь шла, конечно, не о простом чтении, — недостаточно Евангелие читать, как любую иную книгу, — оно есть тот высший закон, по которому христианин должен строить свою жизнь. «Не довольствуйся одним бесплодным чтением Евангелия, — учит святитель Игнатий (Брянчанинов), — старайся исполнять его заповедания, читай его делами. Это книга жизни, и надо читать ее жизнью»³.

¹ Переписка Н.В. Гоголя с Н.Н. Шереметевой. М., 2001. С. 225.

² Из семейной хроники Гоголей (Мемуары Ольги Васильевны Гоголь-Головни). Киев, 1909. С. 55.

³ Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. СПб., 1886. Т. 1. С. 106.

Именно Евангелием проверял Гоголь все свои душевные движения. В бумагах его сохранилась запись на отдельном листе: «Когда бы нас кто-нибудь назвал лицемером, мы глубоко оскорбились бы, потому что каждый гнушается этим низким пороком; однако читая в первых стихах 7-й главы Евангелия от Матфея, не укоряет ли совесть каждого из нас, что мы именно тот лицемер, к которому взывает Спаситель: *Лицемере, изми первое бервзно из очесе твоего*. Какая стремительность к осуждению...»⁴.

Евангельская любовь, считал Гоголь, должна лежать в основании отношений между людьми. «Истинно христианская помощь не в одном денежном подаянии, — поучал он младшую сестру Ольгу в письме от 20 января (н. ст.) 1847 года, — это еще небольшая помощь. Избавить от нужды, холода, болезни и смерти человека, конечно, есть доброе дело, но избавить от болезни и смерти его душу есть в несколько раз большее. Обратить преступного и грешника ко Господу — вот настоящая милостыня, за которую несомненно можно надеяться получения небесного блаженства. Ибо ты сама уже, вероятно, узнала из Евангелия, что на небесах больше радуются обратившемуся грешнику, чем самому праведнику. А для этого подвиги тебе предстоят на всяком шагу, обратись только вокруг себя. Много в вашем соседстве пребывает людей во пьянстве, буйстве, разврате всякого рода и пороках. Губят невосвратно свою душу — и нет человека, который подвинулся бы жалостью к ним, и нет человека, который бы так пожалел о душах их, как бы о собственной душе своей, и возгорелся бы хотя частицею той любви, которою горит к нам Божественный Спаситель наш. Не думай, чтобы душа человека могла уже так грубо зачерстветь, что никакие слова не в силах поколебать его. Надобно сказать лучше, что нет прямой любви к человеку, оттого и слова бессильны: слово без любви только ожесточает, а не мирит или исцеляет».

Несомненно, что и сам Гоголь и в своем творчестве, и в жизни руководствовался этой Евангельской любовью к человеку. «Надобно любовью согреть сердца, — говорил он, — творить без любви нельзя»⁵. В «Завещании», напечатанном в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь писал: «Соотечественники, я вас любил; любил тою любовью, которую не высказывают, которую мне дал Бог, за которую благодарю Его, как за лучшее благодеяние...» О глубокой искренности этих слов свидетельствует и составленная Гоголем молитва, которая содержится в его записной книжке: «Боже, дай полюбить еще больше людей. Дай собрать в памяти своей все лучшее в них, припомнить ближе всех ближних и, вдохновившись

⁴ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М., 1994. Т. 6. С. 384.

⁵ <Хитрово Е.А.> Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский Архив. 1902. № 3. С. 553.

силой любви, быть в силах изобразить. О, пусть же сама любовь будет мне вдохновением».

Эмилия Ковриго, сирота, воспитанница матери Гоголя, рассказывала, что в ее отроческие годы Николай Васильевич учил ее грамоте, и когда выучил, то первой книгой, которую она с ним прочитала, было Евангелие. «И эти уроки и беседы о любви к ближнему, — вспоминала она, — так глубоко запали в мою детскую душу, что никакие невзгоды жизни не могли бы поколебать во мне веры в истину христианской любви, о которой он мне с такой силой говорил и которая на каждом шагу осуществлялась в семье Гоголей»⁶.

По словам Ивана Михайловича Андреева, профессора Свято-Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле, «огромный дар словесного художественного творчества был ниспослан Гоголю свыше, с одной стороны, как евангельский талант, требующий умножения и роста, а с другой — как исключительное богатство, препятствующее достижению Царства Небесного»⁷. Гоголь стремился распорядиться своим богатством, то есть талантом, по-евангельски. «Способность создания есть способность великая, — писал он своей приятельнице Александре Осиповне Смирновой в начале 1847 года, — если только она оживотворена благословением высшим Богом. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, как следует, в дело».

Только в контексте всей жизни Гоголя и в свете Евангельских истин может быть понята и проблема второго тома «Мертвых душ». Гоголь, как и положено писателю, испытывал сомнения, отчасти проверяя впечатление от вновь написанных вещей на слушателях.

Гоголь. Литография по рисунку
Э. Дмитриева-Мамонова. 1852

⁶ Русское Слово. 1909. 20 марта. № 65.

⁷ Андреев И.М. Религиозное лицо Гоголя // Андреев И.М. Очерки по истории русской литературы XIX века. (Краткое конспективное изложение некоторых лекций, читанных в Свято-Троицкой Духовной семинарии). Сборник 1. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., 1968. С. 126–127.

Нательный крест Гоголя

Однако самым требовательным судьей был он для себя сам. И судил Гоголь свои произведения именно в свете Евангелия. «Всякому человеку следует выполнить на земле призвание свое добросовестно и честно, — говорил он в 1850 году. — Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное *здесь*, дам ответ *там*, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображению и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель».

Гоголь хотел так написать свою книгу, чтобы из нее путь к Христу был ясен для каждого. Напомним его слова, сказанные по поводу сожжения второго тома в 1845 году: «...бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для

всякого». Цели, поставленные Гоголем, далеко выходили за пределы литературного творчества. Невозможность осуществить свой замысел, столь же великий, сколь и несбыточный, становится его личной писательской трагедией.

Писатель в некоторых случаях имеет несчастье приносить вред и после смерти. Автор умирает, а произведение остается и продолжает губить души человеческие. Это прекрасно понимал Гоголь. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» он вспоминает басню Крылова «Сочинитель и Разбойник». Мораль этой басни угадывается в словах Гоголя из его «Завещания»: «Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...»

В сохранившихся главах второго тома помещик Костанжогло говорит: «Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед Богом прав...» Здесь слышится отзвук слов Спасителя: *«Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит»* (Мф. 18, 7). Святитель Филарет, митрополит Московский, толкуя это евангельское изречение, пишет: «Воистину плачевен грех и страшен, но соблазн более. Грех мой, при помощи благодати Твоя, могу я прекратить и покаянием очистить; но соблазна, если он виною моею

подан и перешел к другим, уже не властен я ни прекратить, ни очистить»⁸.

Другой современник Гоголя, святитель Феофан Затворник говорит о том же: «Соблазн растет и увеличивает беду самого соблазнителя, а он того не чувствует и еще больше расширяется в соблазнах. Благо, что угроза Божия за соблазн здесь, на земле, почти не исполняется в чаянии исправления; это отложено до будущего суда и воздаяния; тогда только почувствуют соблазнители, сколь великое зло соблазн»⁹.

Без сомнения, боялся писать на соблазн ко греху и Гоголь. В последнее десятилетие своей жизни он мало ценил прежние свои сочинения, пересматривая их глазами христианина. В предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголь говорит, что своей новой книгой он хотел искупить бесполезность всего, доселе им написанного. Эти слова вызвали немало нареканий и побудили многих думать, что Гоголь отрекается от своих прежних произведений. Между тем совершенно очевидно, что о бесполезности своих сочинений он говорит в смысле религиозном, духовном, ибо, как пишет далее Гоголь, в письмах его, по признанию тех, к которым они были писаны, находится более нужного для человека, чем в его сочинениях.

Следует также иметь в виду, что свою книгу Гоголь адресовал в первую очередь людям неверующим, тем, кто не ходит в церковь. «Мне кажется, — писал он отцу Матфею Константиновскому в мае 1847 года, — что если кто-нибудь только помыслит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмет в руки Евангелие». Можно сказать, что эта мысль Гоголя и есть тот итог, к которому он пришел в результате своих размышлений о писательстве. Но этот итог не запрещал ему художественного творчества, а лишь подвигал к решительному его обновлению в свете Евангельского слова.

«Обращаться с словом нужно честно, — говорил Гоголь. — Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю... когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желаньем добра можно произвести зло».

Талант, данный ему Богом, Гоголь хотел направить для прославления Бога и на пользу людям. И чтобы достичь этого, он должен был очистить себя молитвой и истинно христианской жизнью. Преображение русского человека, о котором мечтал Гоголь, совершалось в нем самом. Жизнью своей он продолжил свои писания.

Зародыши тех страстей, которые довели его героев до их ничтожества и пошлости, Гоголь находил в себе. Отвечая на вопрос одного

⁸ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. М., 1885. Т. 4. С. 130.

⁹ *Епископ Феофан*. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. М., 1991. С. 171.

из своих друзей, отчего герои «Мертвых душ», будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему близки душе, Гоголь говорит: «...герои мои потому близки душе, что они из души; все мои последние сочинения — история моей собственной души». И далее замечает: «Не думай, однако же... чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог».

«В этом же моем ответе найдешь ответ и на другие запросы, если попристальней взглядишься, — продолжает Гоголь. — Тебе объяснится также и то, почему не выставлял я до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств, — мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и, как земля от Неба, будет далеко от правды».

В то время как большая часть читателей потешалась над его героями, считая себя неизмеримо выше них, Гоголь страдал и томился, понимая, что и он несовершенен. Он почувствовал, что ему не только не удаются положительные герои, но и не могут удалиться. Почему это так, отчасти можно понять из писаний святителя Игнатия (Брянчанинова). В статье «Христианский пастырь и христианин-художник» он высказывает глубокую мысль: «Большая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут... Когда усвоится таланту Евангельский характер, — а это сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято»¹⁰.

В своей жизни (особенно в последнее десятилетие) Гоголь исполнял по сути евангельский — монашеский — принцип нестяжания. «Нищенство есть блаженство, которого еще не раскусил свет, — говорил он. — Но кого Бог удостоил отведавать его сладость и кто уже возлюбил свою нищенскую сумку, тот не продаст ее ни за какие сокровища здешнего мира». Сестру Елизавету Васильевну, выходящую замуж, Гоголь наставляет: «Милая сестра моя, люби бедность. Тайна великая скрыта в этом слове. Кто полюбит бедность, тот уже не беден, тот богат» (из письма от 14 июля 1851 года). Мария Ивановна Гоголь писала историку Михаилу Погодину спустя три месяца после кончины единственного сына: «...у него ничего не было в большом

¹⁰ Богословские труды. Сборник 32. М., 1996. С. 279.

количестве, он говорил: блажен, кто все состояние свое имеет при себе — не боится ни огня, ни воров...»¹¹.

О духовном устроении Гоголя середины 1840-х годов свидетельствует та часть его завещания, которая относится до семейных дел. В письме к матери и сестрам от 14 ноября (н. ст.) 1846 года из Рима он делает следующее распоряжение: «Завещаю доходы от изданий сочинений моих, какие ни выйдут по смерти моей, в собственность моей матери и сестрам моим на условии делиться с бедными пополам. Как бы ни нуждались они сами, но да помнят вечно, что есть на свете такие, которые нуждаются еще более их».

По рассказам нежинских соучеников, Гоголь еще в школьные годы никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, и если нечего было дать, то всегда говорил: «Извините». Однажды ему даже случилось остаться в долгу у одной нищенки. На ее слова: «Подайте Христа ради» он ответил: «Считите за мной». И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, он подал ей вдвойне, добавив при этом: «Тут и долг мой»¹².

В том же письме к матери и сестрам 1846 года Гоголь указывает, что по кончине его «никто из них уже не имеет права принадлежать себе, но всем тоскующим, страждущим и претерпевающим какое-нибудь жизненное горе. Чтобы дом и деревня их походили скорей на гостиницу и странноприимный дом, чем на обиталище помещика; чтобы всякий, кто ни приезжал, был ими принят, как родной и сердцу близкий человек...»

В странноприимстве Гоголь следовал завету святого апостола Павла: «*Страннолюбия не забывают: тем бо не ведающе нецыи странноприяша Ангелы*» («*Страннолюбия не забывают: ибо чрез него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам*»; Евр. 13, 2). На полях принадлежавшей ему Библии Гоголь против этого стиха написал: «*Наставленье, как быть со всеми*»¹³.

Умирал Гоголь с четками в руках. Это указывает на то, что он внутренне произносил Иисусову молитву («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»), исполняя заповедь Господню: «*Непрестанно молитесь*» (1 Фес. 5, 17). В своей Библии Гоголь на полях отметил этот и предшествующий стих («всегда радуйтесь и непрестанно молитесь»). По учению святых отцов Иисусова молитва есть Евангелие, сокращенное до восьми слов.

После кончины Гоголя в его бумагах были обнаружены обращение к друзьям, наброски духовного завещания, молитвы, предсмертные записи.

¹¹ Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 765.

¹² Гоголь в Нежинском лицее. Из воспоминаний В. И. Любича-Романовича // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 556.

¹³ Виноградов И.А., Воронаев В.А. Карандашные пометы и записи Н.В. Гоголя в славянской Библии 1820 года издания // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 249.

Предсмертные записи Гоголя (автограф)

Молюсь о друзьях моих. Услыши, Господи, желанья и моления их. Спаси их, Боже. Прости им, Боже, как и мне, грешному, всякое согрешение пред Тобою.

Аще не будете малы, яко дети, не внидете в Царствие Небесное.

Помилуй меня, грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственную силою неистоведимого Креста!

Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник.

Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная История Всех событий Евангельских...

В завещании Гоголь советовал сестрам открыть в своей деревне приют для бедных девиц, а по возможности превратить его в монастырь, и просил: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви, то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались».

О значении Гоголя для истории русской литературы говорилось немало. Может быть, точнее других сказал об этом протоиерей Павел Светлов, профессор богословия Киевского университета Св. Владимира: «Мысль Гоголя о необходимости согласования всего строя нашей жизни с требованием Евангелия, так настойчиво высказанная им в нашей литературе в первый раз, явилась тем добрым семенем, которое выросло в пышный плод позднейшей русской литературы в ее лучшем и доминирующем этическом направлении. Призыв обществу к обновлению началами христианства, хранимого в Православной Церкви, был и остается великою заслугою Гоголя перед отечеством и делом великого мужества для его времени, чаявшего спасения в принципах европейской культуры»¹⁴.

¹⁴ Светлов П.Я., прот., проф. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания (Богословско-апологетическое исследование). Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1905. С. 232.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Искусство есть
положение истины в творение.
М. Хайдеггер

1. В поисках искусства

Александр КАЗИН

ИСКУССТВО, ПОСТ-ИСКУССТВО И НЕ-ИСКУССТВО В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, автор многих статей, книг, посвященных проблемам философии искусства в русской и европейской духовных традициях. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Название этой статьи включает в себя слово, отсутствующее в академических философских словарях. В самом деле, что такое «пост-искусство» — конец определенной художественной эпохи, кризис, декаданс, или — если называть вещи своими именами — что-то совершенно иное, чем *искусство* (art) в традиционном эстетическом его понимании? Нечто принципиально неопишное и неосмыслимое в категориях науки эстетики? Но тогда нужен и другой термин для именованной этой *другой* реальности. Как соотносится, например, с искусством тот расцвет «новой зрелищности» (видеосферы), которым многие философы и культурологи характеризуют конец XX — начало XXI века? Как определить в эстетико-искусствоведческих понятиях гигантский цифровой фото-кино-видео-ТВ-комплекс, не говоря уже о технотронном космосе компьютерного сетевого пространства-времени — этот несомненный триумф научного прогресса, новых технологий, спец-приемов и т.д., обещающих в близком будущем полную замену действительной (реально существующей) вселенной той или иной ее симуляцией, абсолютно свободной в своем онтологическом качестве, и вместе с тем послушной воле своего создателя-человека? Чего ждать от современного видеоарта, где действуют электронные двойники (клоны) давно ушедших из жизни людей, а мера четкости изображения не зависит от того, *отражает* ли экранная картинка наличный предмет, или *воображает* его? Работа над биологическим клонированием чело-

века в развитых странах, как известно, запрещена, однако это не касается электронных опытов по созданию нового Голема-Франкенштейна, который, впрочем, уже неоднократно давал о себе знать и в литературе и в кино...

Прорывные процессы в способах конструирования чувственных артефактов имеют место, разумеется, не только в аудиовизуальной сфере. Начиная фактически с 1917 года (дата выставления в Нью-Йорке знаменитой «скульптуры» М. Дюшана «Фонтан»), искусство XX века практикует то, что впоследствии получило название «реди-мейд» — эстетику «готовой вещи», когда статус произведения искусства автоматически получает *любой* предмет, коль скоро он назван «картиной», «скульптурой», «симфонией», «спектаклем», и, соответственно, представлен на той или иной «артплощадке» — в музее, на экране, в концертном зале. Если писателю нашего времени захочется назвать «романом» телефонную книгу, он это сделает без всякого труда, ибо такова его авторская воля, помноженная на структурно-функциональную *неотличимость* художественного текста от нехудожественного. Установить строгие границы того и другого в 70-х годах прошлого века надеялись структуралисты, однако к концу столетия такие попытки были по существу оставлены, ибо *сущность* искусства оказалась для подобных (в целом, позитивистских) методов неуловимой. В свое время знаменитый «лингвистический позитивист» Л. Витгенштейн писал, что искусство не имеет сущности, и о нем не следует говорить ничего, кроме простого эмпирического описания. Нынче теоретики постструктурализма прямо утверждают, что «фиксированная субстанция искусства распалась», а красота (она же истина и благо) является симптомом оставленного в далеком прошлом («за берлинской стеной») тоталитаризма. Вместо того, чтобы опираться на принципы «произведения», «формы», «оригинальности», «воображения», «выражения» или «донесения истины посредством искусства», искусство становится «перформацией», «событием», «игрой» или «инсценировкой»¹. Как раз по этой причине массовое сознание одинаково называет «литературой» Пушкина и Лукьяненко, «музыкой» почитается «Реквием» Моцарта и тяжелый рок, живописью считается на равных «Мона Лиза» и «Черный квадрат», а «художественным кинофильмом» — все, что показывают в кинозалах...

Вот тут мы подходим к наиболее интересующему нас вопросу — а не пришло ли такое положение в непримиримое противоречие с самим *событием искусства*? Конечно, если считать «литературой» все, что написано буквами, то тогда и вопроса нет. Если одинаково почитать «музыкой» церковный хорал и дудочку скомороха (просто на том основании, что то и другое «звучит»), то всякая теория музыки излишня (ср. печальную участь скомороха в первой новелле «Андрея Рублева» А. Тарковского). Если театр — это просто актер на сцене, то к чему тогда все театральные системы, от древнегреческих котурн до Станиславского? Тогда все вышеперечисленное превращается в хэппенинг, перформанс, жест, функционирующий в роли искусства. Таков, кстати, один из главных критериев художественности в эстетике позитивизма: функция предмета в той или иной системе артмира («концептуализм»). Другой критерий — технология (кино — это то, что на экране или мониторе). Наконец, третий критерий — деньги (при разви-

¹ Савчук В. Режим актуальности. СПб., 2004. С. 38.

том капитализме): искусство — это то, что продается в качестве искусства. Любой из перечисленных случаев — и тем более их совокупность — дает основание полагать, что к началу текущего столетия «историческая миссия (чья миссия? — А.К.) разборки любой разумно обоснованной целостности успешно выполнена»². Наука, искусство, философия, нравственность, язык — все это разобрано, «разомкнуто из текста в контекст», и единственное, что их еще объединяет — это контакт (символическая регрессия) с хаосом, уничтожением, смертью³. Впрочем, об этом давно писал один из учителей нынешних «эстетов-танатологов» М. Бланшо: «Смерть вместе с нами совершает свое действие в мире; это та самая сила, что очеловечивает природу и возвышает существование до бытия, она пребывает в нас как самое человеческое, что в нас есть, она есть смерть лишь постольку, поскольку имеется мир, человеку же она ведома лишь постольку, поскольку он человек, и человек он лишь постольку, поскольку в нем совершается становление смерти <...> Разве смерть не есть высшее завершение свободы? В смерти заключена суверенность человека, свобода — это смерть»⁴.

2. Событие искусства

В юриспруденции есть ключевое понятие «события преступления» — имело место правонарушение как таковое или нет? Наука об искусстве, разумеется, не юриспруденция, но и здесь научная мысль поработала не напрасно. В философской эстетике разработано достаточно ясное учение о художественном *образе* как духовно-онтологической сущности искусства, отграничивающей его от пост-искусства, не-искусства и других видов внеэстетической социальной практики.

Художественный образ представляет собой продукт и форму человеческого деяния, получившего воплощение, например в слове или движущемся изображении. Однако сказать так — значит определить родовую принадлежность образа, но не его специфическое видовое отличие. Любой элемент культуры, к примеру стол или стиральная машина, представляет собой воплощенное деяние. Однако, в отличие от других продуктов культуры, в которых опредмечена частная, специализированная активность людей, *образы искусства воплощают в себе всеобщие (соборно осуществляемые в истории) определения человеческой деятельности, восходящие к статусу человека как микрокосма — скрещенью ключевых планов бытия*. Субстанцией искусства является бытие в его эстетическом своеобразии. Трактовка художественного образа как всеобщего, данного в единичном, как целого в форме части и означает, что эстетический объект (художественное произведение) предстает идеальным средоточием жизни, в котором истина ее (сущность, закон) не отделяется от существования, а совпадает с ним. Прекрасное, как известно, есть просветленная материя — совпадение материи и света. Применительно к искусству источником света выступает творчество по мере самого Творца. Именно человека наделил Бог силой

² Савчук В. Режим актуальности. СПб., 2004. С. 49.

³ Там же. С. 54.

⁴ Бланшо М. Литература и право на смерть // Новое литературное обозрение. М., 1994. № 7. С. 52.

дать имена всем зверям полевым и птицам небесным (Быт. 2:19), то есть познать-сотворить их вслед за вселенским Логосом. В таком плане художник предстает подмастерьем под небом Бога, воссоздающим в собственном креативном акте «семенные логосы» вещей. Искусство есть проект богочеловеческого отношения к миру, образуя в нем специальную культурную («станковую») область прекрасного — благого и истинного.

Загадка образа искусства заключается в том, что идейная трансценденция («обратная» духовная перспектива), к которой восходит поэтический образ, целиком претворяется в то же время в конкретном пластическом изображении (выражении). Художественным образом может быть слово или отдельный кадр, какой-либо эпизод или сцена, а также фильм или роман в целом. Физика искусства есть метафизика: в нем не остается изъянов от тяжелой, непокорной духу плоти. По своей функциональной динамике образ сравним с напряжением силового поля, взаимодействие параметров которого образует в каждый данный момент его жизни неповторимый рисунок, причем ни один из этих параметров не абсолютен, но зависит как от любого другого, так и от всех других вместе. В принципе, художественный образ следует рассматривать как сверхрациональное единство беспредельного и предела, как порождающую модель неограниченной смысловой мощи.

Итак, образ искусства — это идеальное *Все*, данное как предметное *нечто*, конечная модель бесконечного мира. Именно этим искусство отличается от не-искусства и пост-искусства. «В художественном творении истина сущего полагает себя в творение»⁵. В искусстве происходит процесс символизации сущего, когда самый обыкновенный предмет (событие)

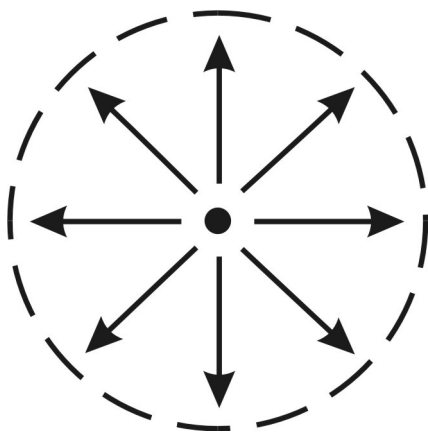

Рис. 1. Структура художественного образа

оказывается в то же время наглядным представителем мира, его обобщенным пределом (аттрактором). Выбирая себя, мы выбираем все человечество. В этом смысле любой художник — космогонист, хозяин своей символической земли как воображаемого проекта Большой Вселенной. Искусство — это виртуальная теургия. Исчерпывающая характеристика художественного образа-символа принадлежит С.С. Аверинцеву: «Символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и он есть знак, наделенный всей органичностью мифа»⁶. Своеобразие «новой визуальности» — кино, телевидения, видео — в этом плане только в том, что здесь тотальность сущего дана с

предельной чувственной наглядностью, в реальном пространстве-времени. «Сосчитанная бесконечность» кинообраза и есть образный эквивалент этой тотальности.

⁵ Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987. С. 278.

⁶ Аверинцев С.С. Символ // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1971. С. 826.

Если попытаться графически изобразить энергийную динамику художественного образа, мы получим в центре непротяженную точку, от которой исходят всенаправленные лучи в бесконечность. А.Ф. Лосев назвал такую структуру «порождающей моделью неограниченной смысловой мощи»⁷. Как полагает современная космология, таково же в принципе было рождение вселенной в результате божественного первотолчка (первовзрыва) (см. рис. 1).

3. Движение искусства

Подобно расширяющейся вселенной, образы искусства — как и искусство в целом — процессуальны, они живут в пространстве-времени истории и движутся вместе с ним. Вечность нисходит во время. Исторически и логически началом *классического* искусства в Европе является античность, поместившая искусство в центр космоса (космоцентрическая классика). По Гераклиту, основу космоса — он же единственное сущностное произведение художества — составляет огонь-логос, мерами вспыхивающий и мерами потухающий. Проблемы соотношения бесконечного и конечного (духа и символа) здесь фактически не существует, так же как и ее развертки от абсолютного начала до такого же конца. В античности мы встречаемся с круговой мерой мироздания как причины и цели самого себя («вечное возвращение»). Афинский Парфенон полностью завершен — его дело в нем самом закончено.

Приход христианства в Европу означал приближение к иной трактовке культуры. В христианском духовном поле во главу угла ставится именно энергийное взаимораскрытие духа и символа, твари и Творца — их таинственный и вместе с тем доверительный диалог («я и Ты»). В отличие от язычества, христианство есть усыновление твари небесным Отцом, и потому мерой взаимоотдачи всеобщего и уникального здесь оказывается любовь (она же истина и красота). К сожалению, в условиях Европы христоцентричная мера художественности — в силу влияния мощной цивилизации языческого Рима — все более смещалась с течением времени в антропологическую сферу: готический шпиль, при всем своем архитектурном совершенстве, есть преимущественно *человеческий* феномен, символизирующий рационально-волевой порыв к трансцендентному как внешнему объекту. Здесь источник некоторого метафизического холода, исходящего от древних величественных созданий европейской размерности («священных камней Европы»). На рисунке *классический* — молитвенно восходящий к Богу — художественный образ выглядит так (см. рис. 2).

Ту же кардинальную для искусства проблему трансцендентного и имманентного по-своему решала эпоха Возрождения, с гуманистической точки зрения которой смысловую (знаковую) меру их соотношения в культуре определяет уже сам человек. Прямая (зрительная) перспектива Ренессанса — это именно стратегия пресуществления теоцентрической культуры в антропоцентрическую, в пространстве-времени которой сотворенная энергетика бытия практически отождествляется с творящей. Собор святого Петра в Риме, так же как и «Мона Лиза» Леонардо — это титанические автопорт-

⁷ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 133.

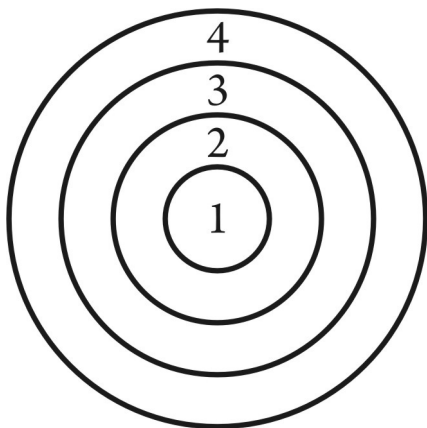

Рис. 2. *Строение классического художественного образа*

1. Духовное ядро (идеал)
2. Культура (этико-эстетическая норма)
3. Общество (социальная проекция нормы)
4. Технологии (материальная реализация нормы)

реты победившего гуманизма: безмерное здесь определено, то есть определено мерным. Духовное восхождение «я — Ты» переведено в логическое нисхождение по модусу третьего лица: «Я — он».

Человекобожеский характер новоевропейской культуры с особой силой проявился в постренессансную эпоху. В барокко, романтизме и даже в так называемом реализме именно имманентное (явленное) в возрастающей степени делается мерой трансцендентного (являющегося). Бог-художник в барокко, художник-бог в романтизме, чувственная ткань существования в реализме — все это псевдонимы безмерного на службе у мерного. Человек как мера всех вещей, к радости древнего софиста Протагора, утверждает себя и в картезианском «*cogito*», и в кантовской «целесообразности без цели», и в фаустовских играх с Мефистофелем, и в гегелевской абсолютной идее. Тематизация бесконечного как проекции конечного (живого как рода мертвого) — такова

субстанция новоевропейского века Разума, закономерно разрешившегося в 1883 году танцующим над пропастью Заратустрой. «Бог умер», его место занял самодостаточный человек.

С указанной точки зрения, авангард начала XX века не внес ничего нового в культурную практику Европы. Собственно модернистский проект антропоцентрической цивилизации уже был засвидетельствован гением Возрождения и барокко во всех видах творчества и мышления — авангарду осталось лишь довести эту установку до религиозного финала. Проблематика авангарда в искусстве и философии — это именно проблематика конечного (тварного) «бога», переместившего основание своей деятельности из диалога в монолог. Коль скоро мерой творческого опыта авангарда является строительство личного космоса, то, строго говоря, соседняя художественно-интеллектуальная вселенная художника-модерниста может не интересовать. Режущий себе ухо Ван Гог, пишущий свой роман в темной комнате Марсель Пруст, или философствующий о смерти Мартин Хайдеггер — таковы, пожалуй, наиболее выразительные образы великих авангардистов XIX–XX века в Европе. Поставангард в этом плане отличается от авангарда лишь тем, что переводит антропоцентрическую драму в игровой трагифарс: мимика поставангарда не смеющаяся и не плачущаяся, а подмигивающая. Виртуальная реальность видеоклипа и рекламы — такова стихия поставангарда с ее «свирепой имманенцией», как выражаются некоторые мыслители...

Если говорить о смысловом пределе модернистской культуры (а духовным началом ее было именно Возрождение и Просвещение), то наиболее полно он представлен образом европейского богочеловека, которому не нужно и невозможно общаться с кем-либо, кроме себя самого. Модер-

низм — это стратегия космического нарцисса, любящего свое отражение. Элитарные концепции цивилизации, теории «башни из слоновой кости», презрение к «восстанию масс» черпают свою силу именно из запасников метафизического нарциссизма. Всматриваясь в уходящие от него «две бездны» (термин Д.С. Мережковского), модернизм находит там собственные проекции — отсюда смертельная тоска великих модернистов, от Эдгара По и Бодлера до Пруста, Бунюэля и Ингмара Бергмана. Кстати, кинематограф, изобретенный в середине модернистской эпохи, явился любимым (и последним) детищем авангарда, когда утомленной своим *ratio* Европе показалось, что бесхитростной машине под силу будет привести в соприкосновение на экране отъединенные друг от друга полюсы сущего — натуру и символ, число и хаос, даже гения и толпу. Между тем высшего своего цветения кино достигло в Голливуде — этой столице американизированного буржуазного мифа («миллионеры-ковбои-золушки»), оставив на откуп Старому Свету индивидуальные попытки повенчаться с миром как с собственным порождением. Самый грандиозный коммуникативный замысел модернизма — «демократический театр будущего» от Калькутты до Петербурга (выражение Андрея Белого) — понес на себе родимые пятна цивилизации, очарованной самой собой и смертью уже на постхристианской территории...

Вообще, как это ни печально, история Новой Европы в духовном плане описывается как ряд смертей — смерть Бога, смерть человека, смерть автора. Коммуникативный круг сужается — в культуре победившего индивидуализма все меньше перипатетиков на философских дорожках. Соборное единство католичества (при всех оговорках относительно юридически одностороннего характера этого единства) сменяется в эпоху барокко и романтизма властвующей элитой гениев («talentov и поклонников»), не допускающих в свои сады посторонних. Модернизм позднебуржуазной эпохи как будто предельно расширил рамки культурного хронотопа, включив туда потенциально всех — но именно каждый в этой ситуации псевдообщения всех со всеми получил полное право всех и отвергнуть («сбросить с парохода современности»): каждый представляет собой эго-центр вселенной. Проиллюстрируем строение модернистского художественного образа графически (см. рис. 3).

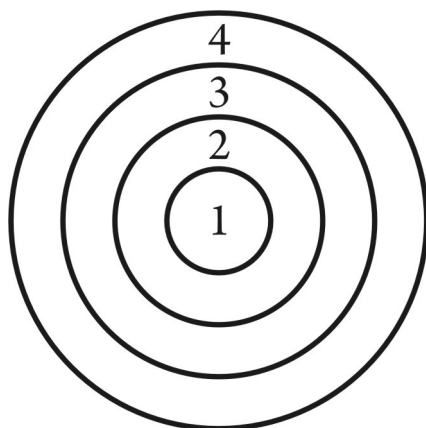

Рис. 3. *Строение модернистского художественного образа*

1. *Персональное духовное ядро (человекобог)*
2. *Культура (этико-эстетическая норма)*
3. *Общество (социальная проекция нормы)*
4. *Технологии (материальная реализация нормы)*

4. Искусство и пост-искусство

Постмодернизм явил миру абсолютный полицентризм истин, построенный на ощущении, что Истины нет. В таком плане нынешняя постмодер-

нистская семиодинамика странно напоминает древний восточный пантеизм, согласно которому «Ты есть Тот» («тат твам аси»), а противоположность любой истины — тоже истина. Как бы то ни было, постмодернизм как философско-культурно-художественно-этически-коммуникативная практика есть совершенный инструмент у-ничтожения (приведения к ничто) Бога и человека. В постмодернизме любой автор, язык, речь, произведение, коммуникативный жест, хэппенинг, перформанс и так далее — звезда, но светимость бесконечного числа звезд создает ночь, в которой все кошки серы. Фуко, Деррида, Лиотар, Бодрийар, Делез и другие отцы постмодерна теоретически обосновали коммуникацию без общения, смысл поверх (помимо) смыслоразличения, чтение и письмо как операции с «телефонной книгой», абоненты которой слышат не голоса друг друга, но только собственное эхо. «Другой» в постмодернизме заменил *ближнего*, но с «другим» мы как раз не в состоянии общаться именно потому, что он другой. Бесконечная перекодировка в иномыслие, перманентная реинтерпретация несчетного множества текстов (интертекст, гипертекст, борхесовская библиотека-лабиринт) — таково единственное реальное дело поставангарда. В духовно-онтологическом плане происходящая на наших глазах драма западной цивилизации есть духовная революция, действительно отменяющая различие между верхом и низом, правым и левым, белым и черным, мужским и женским, просветлением и наваждением, жизнью и смертью. Богом и сатаной. Согласно современному теоретику, в нынешней культуре «возможно, присутствует даже некий императив горизонтальности; символические структуры типа «высшее/низшее» заведомо кодированы как скомпрометировавшие себя, как не работающие, апелляция к ним расценивается как дурной вкус и обречена на поражение». Ради этого поражения много потрудились в свое время де Сад и Бодлер, Рембо и Бланшо, Арто и Батай, Генри Миллер и Чарльз Буковский...

Особое место в центре «свободной семиодинамики» занимает информационно-концептуальная власть, принадлежащая в конце XX века СМИ, и прежде всего телевидению и интернету. Виртуальная реальность электроники — это жесткое дисциплинарное поле производства людской ТВ-массы, управляющее подсознанием миллионов. Либеральные сказки о нерепрессивном (мягком) социуме давно пора бы оставить — перед лицом «бархатного» («оранжевого») диктатора видеоклипа, рекламы, универсального ток-шоу на оплаченную тему. Медиакратия — не страшилка карикатурных реакционеров, а стратегическое оружие современной анонимной власти. Французский мыслитель консервативного направления Ги Дебор (покончивший впоследствии с собой) назвал все это «обществом спектакля», где любая жизненная драма, вплоть до геноцида и войны («атака на башни Нью-Йорка») подается как материал для зрелища. Субъект электронного постмодерна — это телезритель (пользователь) вселенной, внимание которого функционирует по правилам massmedia; чего нет на экране или в мировой компьютерной паутине, того и не существует. Культура XXI века — это культура призраков (фальшаков, «симулякров»).

С точки зрения религиозно-философской традиции, описанное состояние «информационного общества» представляет собой пародийное воспроизведение абсолютной Всевозможности пакибытия при утрате божественного субстрата последнего. «Будете как боги» (Быт. 3,51) — на эту *полуправду*

хитрого змея поддалась «фаустовская» евроатлантическая технология существования, управляющая в эпоху тотальной коммуникации полом, возрастом, мыслями, сексом, «ласковой смертью» (эвтаназией)...

К счастью, неверующих людей не существует; не верующие в Бога верят в гибель. Такова уже прижизненная цена люциферианского нарциссизма *cogito*, заменяющего сущности отношениями и очарованного симуляционной игрой с собственными двойниками. Отказ от духоподъемного усилия в мире означает утверждение себя на ровной бескачественной плоскости (экране) призрачного бытия, обреченного на тупое механическое исчезновение. «Райское наслаждение баунти» исключает перспективу настоящего Рая. Компьютерная модель «грешной святости» (святости=греха) не смеется и не плачет, а подмигивает, здесь все близко, но не укусишь, потому что призраки не отбрасывают тени. Здесь нет Другого, потому что нет и Себя — ад есть невозможность любить.

Задумываясь о будущем подобного существования, лишенного самости, можно предположить следующее. Во-первых, весьма вероятна перспектива жесткого тоталитаризма («нового мирового порядка»), растущего именно на всеобщей относительности горизонтальных «пустых мест» слишком человеческого жизненного пространства. Старомодное «дурновкусие» различения верха/низа может быть окончательно заблокировано Мировым Рынком, идеально встроившим ТВ-массы в психотронную социально-компьютерную систему. Во-вторых, возможна подлинная контринициация Европы, предсказанная такими мыслителями, как К. Леонтьев, Л. Тихомиров, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, Ю. Эвола — тотальное духовное раскрытие «мирового яйца» снизу для беспрепятственного воздействия на него inferнальных сил. Это последовательный путь «левой руки» — практической социокультурной магии, которым идут, в частности, многие деятели евро-американской рок-культуры: «Лед Зепелин», «Роллинг Стоунз», Дэвид Боуи, Стинг... Путь этот отмечен психоделической революцией, наркотиками, гомоэротизмом, СПИДом: самодостаточный человек-звезда как бы схлопывается, превращаясь в черную дыру. Восполнение рационально-юридического мировидения постхристианской цивилизации в XX веке происходит радикально: упраздняется сама возможность общения при свете дня. На схеме постмодерн можно изобразить так (см. рис. 4).

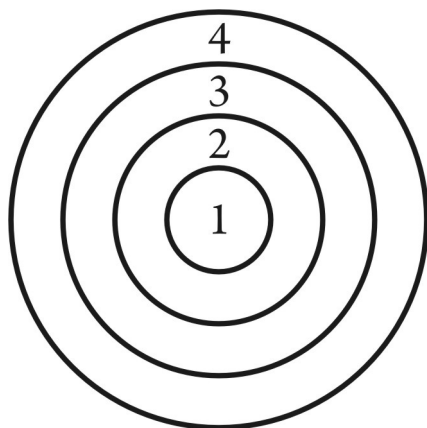

Рис. 4. *Строение постмодернистского художественного образа*

1. Коммуникативно-виртуальные технологии
2. Культура (этико-эстетическая норма)
3. Общество (социальная проекция нормы)
4. Духовная периферия (ценностная реализация нормы)

Итак, искусство и постискусство в современной культуре — не просто разные каналы информации: это разные духовно-онтологические пути. *Искусство* — это классика любой культуры, созидаящая себя и человека *sub*

specie aeternitatis (под знаком вечности). Особенно это значимо для православно-русской культуры, где сама первоначальная азбука («кириллица») имеет сакральный характер, будучи созданной для закрепления и передачи священного послания. Культурная ситуация в Европе сложилась иначе — здесь латино-язычная цивилизация уже в период своего возникновения получила антропоцентрический (человекобожеский) уклон, послуживший идейной основой духовного переворота Ренессанса, Просвещения, романтизма, а затем и собственно авангардизма («эго-вселенная»). К концу XIX века западная культура оказалась как бы разорванной между натурализмом и символизмом, между числом и хаосом. Изобретение кинематографа на рубеже позапрошлого столетия с культурологической точки зрения явилось попыткой восстановления смыслового единства бытия путем фотографического воспроизведения его *тварного следа*. Кино как искусство оказалось последним порождением эпохи модерна, непосредственно вслед за которым в пространство культуры вошли электронные технологии, которые уже не ставили перед собой никаких творческих задач, кроме *управления сознанием и подсознанием* (своего рода социальной магии). Вторая половина XX века прошла под знаком искусства смерти (постмодерна), семантическое поле которого абсолютно бескачественно, и в этом смысле лишено духовного выбора. Если классика (в камне, звуке, движущемся изображении) творит перед лицом Духа, и в целом есть молитва, обращенная к источнику бытия, то модернизм (эго-картина мира) создает свой артефакт перед лицом самого себя, и в целом есть видимость, обращенная к твари. В свою очередь, постмодернизм конструирует свой виртуальный объект (симулякр, фальшак) перед лицом Ничто и в целом есть кажимость, обращенная к тьме внешней. Классика хочет *быть*, авангард — *владеть*, а поставангард — *казаться*. В этом плане классическое искусство представляет собой один из путей спасения (сотериологии) культуры, модернизм осуществляет ее эвдемоническое

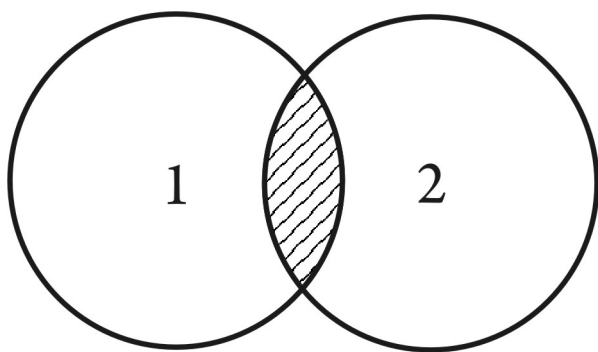

Рис. 5. Схема взаимоотношений искусства и пост-искусства

1. Искусство (классика и модернизм)
2. Пост-искусство (постмодернизм, артхауз)

постмодернизма (поставангарда) — то это уже в значительной степени *внехудожественная*, а частью и *антихудожественная* социальная практика, сущностью которой является разрушение образа человека как цельного существа (децентрация субъекта) путем технологической симуляции творе-

(фаустовское) стремление к обладанию, тогда как постмодернизм (пост-искусство) по своей сути есть искусство танатологическое — один из проектов небытия.

Исходя из вышеизложенного, следует признать, что классика и модернизм в истории европейской (и отчасти русской) цивилизации — это методы (направления) *художественной* деятельности, хотя и принципиально различные по своему духовно-энергетическому вектору. Что касается

ния. У постмодерна (пост-искусства, артхауза) сохраняются ретроспективные связи с классической и модернистской художественной традицией, но площадь их соприкосновения мала и носит в основном формальный характер (см. рис. 5).

Адептам пост-искусства — причем наиболее умным из них — в настоящее время не остается ничего иного, как делать вид, что «все нормально», ибо единственное дело актуального художника, с их точки зрения — это преодоление ставших форм. К чему такая установка приводит на практике, можно судить по выразительному описанию профессора В. Савчука (речь идет о III Международном фестивале экспериментальных искусств и перформанса в петербургском Манеже, август 2000 года): «Следующая акция, привлекая мое внимание, была акция обнаженной английской художницы Шинад Доннел, которая на квадрате пола, уставленном посудой, методично била ее деревянным молотком, <...> ее порезанные колени, руки, ступни кровоточили. Перформанс Шинад происходил «на фоне» кровавой и одновременно медитативной акции финского акциониста Пенти Отто Коскинена, который большим пальцем в анальном отверстии удерживал льющуюся из него кровь в течение полутора часов»⁸. Орган подобного «искусства» — кровь, и цель его — труп, ибо нет уже у него иной экзистенциальной опоры. Впрочем, по части явного и скрытого смертолюбия кино не уступит никому: достаточно вспомнить «живых покойников» Е. Юфита. Не о таком ли «кино» писал Вячеслав Иванов в своем «Римском дневнике» (1944):

*Но на себя, на лицедея,
Взглянуть разок из темноты
Вмешаться в действие не смея,
Полюбопытствовал бы ты?*

*Аль жутко?... А гляди, в начале
Мытарств и демонских расправ
Нас ожидает в темной зале
Загробный кинематограф.*

Все вышеописанное относится, разумеется, к пост-искусству, к искусству смерти. «Целерациональность» подобных представлений заключается в том, чтобы искусство как таковое *разрушить* — вполне в стиле Ф. Ницше, который требовал «преодолеть человека». Можно писать по этому поводу глубокие трактаты, называть публичный мазохизм «хаосмосом» (тождеством космоса и хаоса), привлекать для его интеллектуального оснащения древнего Эмпедокла или новейшую синергетику (распад как тайный аттрактор всего сущего) — любому незатемненному сознанию ясно, что дело тут идет о смерти, о наслаждении смертью, о «полной гибели всерьез». Покуда гибнут сами акционисты, это их личное дело, но они тянут за собой в андеграунд (буквально — в подземелье) толпы своих молодых последователей. Совершенно прав В.В. Бычков: «XX век — особый, уникальный век в человеческой истории; последний век традиционной Культуры (Культуры Книги, Культуры творческой Личности, в частности) и одухотворенного

⁸ Савчук В. Режим актуальности. С. 78.

Искусства и первый век какой-то грядущей глобальной ИНАКОВОСТИ, которая пока на уровне искусства знаменуется, прежде всего, хаосогенной (почти энтропийной) вакханалией артефактов — плодов атомно-компьютерной цивилизации, обоготворившей материю и материальность, вещь и вещьность, тело и телесность и отринувшей Дух и духовное, нравственное, эстетическое, да и собственно человеческое в его традиционном гуманистическом смысле⁹. Выше мы достаточно сказали об этом — перейдем теперь к следующему повороту нашего сюжета.

5. Искусство и не-искусство

Наряду с искусством, в культуре существуют — и всегда существовали — иные области, тесно связанные с искусством, но не тождественные ему. Прежде всего, это вся сверххудожественная и внехудожественная сфера гуманитарной практики — религия, философия, наука, политика, игра, спорт... Если религия есть синтез всего богатства человеческих проявлений (и уже потому включает в себя искусство, но отнюдь к нему не сводится), то философия может быть красивой — и отчасти даже поэтической — игрой ума. Точно так же математик может красиво (или, наоборот, слишком путано и занудно) доказать теорему, а спортсменка выразительно танцевать на арене (например, фигурное катание или художественная гимнастика). Все вышеназванные занятия имеют точки пересечения с эстетико-художественной сферой, однако называть их видами искусства — и предъявлять к ним, соответственно, художественные требования — было бы в высшей степени некорректно. В свое время И. Хейзинга назвал героя своей книги «Осень Средневековья» «homo ludens» — человек играющий, но отсюда не следует, что культура сводится к игре. Точно так же В. Брюсов хотел видеть в мире «лишь средство для звонко-певучих стихов», но это был лишь один из соблазнов русского «серебряного века». Области искусства и не-искусства в культуре граничат друг с другом, но по существу представляют собой *различные* области цивилизации (см. рис. 6).

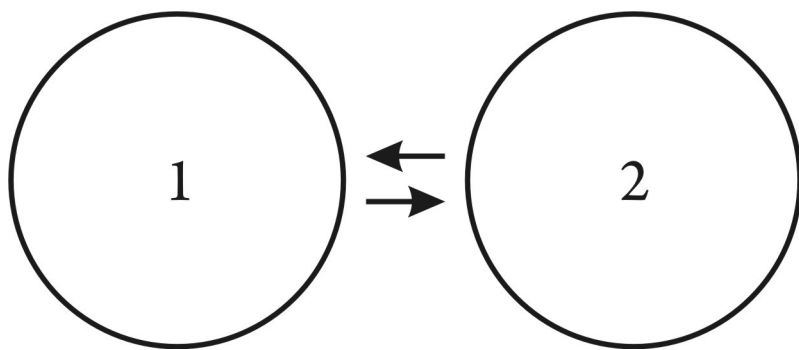

Рис. 6. *Схема взаимоотношения искусства и не-искусства*

С особой наглядностью это соотношение проявляется в кино, на телевидении, в интернете — вообще в пространствах нынешней звукозрелищ-

⁹ Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. Под ред. В.В. Бычкова М., 2002. С. 344.

ной вселенной. Страницы кино- и тележурналов — от «Искусства кино» до желтых таблоидов — пестрят изысканными выражениями типа «имплозии», «морфинга», «композиитинга», «рендеринга»... По существу, за этими словами стоят *технические* характеристики электронно-цифрового изображения, которые усилиями некоторых медиа-теоретиков (и практиков) возводятся в степень магической миростроительной матрицы XXI века (ср. одноименный фильм братьев Вачовски). Следует подчеркнуть при этом, что все вышеприведенные термины совершенно одинаково относятся как к *киноискусству*, так и к *кинозрелищу*, описывая их безотносительно к конкретному предмету экранного акта, и, соответственно, к его социокультурной роли — эстетической, пропагандистской, коммерческой. Чтобы различить их по сущности, нужен *ценностный* (субстанциональный) подход — структурно-семiotический анализ, как мы видели, тут бессилён. Неудача эстетического структурализма второй половины прошлого века лишней раз доказала, что устройство (строение, прием, функция) и сущность (художественная природа *in se*) — далеко не одно и то же.

Гораздо ближе к нашей теме другие, весьма употребительные ныне понятия — «артхауз» и «мэйнстрим». Модное слово «артхауз» (в букв. переводе «дом искусства») должно обозначать, собственно, художественный игровой кинематограф — то, что прежде называлось авторским (в отличие от жанрового) фильмом. Существенно, однако, что «артхауз» в словоупотреблении начала XXI века означает преимущественно постмодернистское (поставангардное) кино — именно этим работы П. Гринуэя или Л. фон Триера (не говоря уже, например, о «Гамлете» в стиле киберпанка или киберзомби) отличаются от произведений высокого (классического) киноискусства Феллини, Бергмана, Тарковского. «Ударим артхаузом по закисшим мозгам мэйнстрима» — так современные киноманы формулируют свое профессиональное эстетическое кредо. Разумеется, есть продуктивные мастера артхауза (например, М. Ханеке с его «Пианисткой» или Ф. Озон с его «Бассейном»), однако работают они как раз в том узком транзитном коридоре между искусством и пост-искусством, который только подчеркивает сущностное несопадение между ними.

С другой стороны, «мэйнстрим» («поток») — это массовое, коммерческое кино, прежде всего американские «блокбастеры» с их многомиллионными затратами и еще большими прибылями, с их конвейерным голливудским производством, с их «спецприемами», с их информационно-рекламным шлейфом, начиная от мировой моды и кончая детскими жвачками. Сюда же по сути относятся коммерческие киновидеоаттракционы. Вот пример восторженного газетного описания экранного техношока: «Экран в зале IMAX — с семиэтажный дом, фильм в формате 3D смотрят в специальных очках, а эффект присутствия таков, что зрители от страха или восторга роняют попкорн на пол». Тут же приводятся хиты указанного аттракциона: «Гарри Поттер», «Бэтмен», «Человек-паук», «Возвращение Супермена», «Триста спартанцев», «Делай ноги»... Совершенно очевидно, что речь здесь идет о грандиозном кино-видео-теле-бизнесе, сверхзадачей которого является производство прибавочной стоимости, а вовсе не произведений искусства. Подчеркну еще раз, что границы между артхаузом (киноискусством) и мэйнстримом (кинозрелищем) относительно прозрачны: «Апокалипсисы» Ф. Коппола или М. Гибсона — одновременно и зрелище и искусство. Но это скорее

исключение, чем правило. Как уже говорилось, любой боевик или триллер (всякий продукт культуры вообще) обладает эстетической стороной — но по своей глубинной онтологии, то есть по наличию (или отсутствию) в данном «артефакте» *художественного образа как самоцели искусство и зрелище суть разные виды социокультурной практики*, осуществляемые с помощью одних и тех же технических (аудиовизуальных) средств. В первом случае имеет место духовное — восходящее к истине-красоте — творчество (часто финансово убыточное), во втором — рыночный (информационный, рекламный, развлекательный, политический) бизнес-проект. И смешивать их друг с другом было бы методологической ошибкой.

Когда зритель покупает билет в кино, он должен знать, идет ли он на встречу с искусством, или тратит деньги на развлечение вроде футбола или ночного клуба¹⁰. Когда человек включает телевизор у себя дома, ему лучше заранее выбрать канал, а то он вместо «культуры» рискует попасть на такую «чернуху с порнухой», от которой он — и особенно его ребенок — будет долго приходить в себя. Когда киновед, социолог или теоретик культуры пишет о современном кинематографе, ему следует ясно представлять, каков, собственно, по исходному качеству его объект — от этого априори зависит его исследовательский инструментарий, то есть сам предмет и метод его науки. Не следует забывать, что наиболее мощная кинопромышленность в мире — американская — представляет метафизически молодую, почти подростковую цивилизацию, основные жанры которой — боевик, фантастика, катастрофа, триллер, мюзикл с почти неизбежным хэппи-эндом — суть скорее феномены молодежной субкультуры, вроде поп- и рок-музыки, чем явления искусства в европейском смысле этого слова. Все эти «кинг-конг», «акулы», «звездные войны», «чудища юрского периода» и танцующие девушки-убийцы (мюзикл «Чикаго») — все это американизированные архетипы незрелой души, моделирующие (и консервирующие) примитивное сознание масс на уровне технотронной манипуляции. Тем более это противоречит эстетической традиции

¹⁰ О тревожных процессах в современных США выразительно пишет бывший советский, а ныне американский профессор Хьюстонского университета Марк Зальцберг: «За 20 лет население страны выросло на 60 млн. человек, главным образом за счет непроизводительной части населения, к тому же обладающего непомерными аппетитами в отношении материальных благ. За это же время правительство резко увеличило минимальные заработки нижних слоев общества. Намного увеличилось суммы выплат по безработице и прочие социальные блага. Резко повысился процент цветного населения. Белые теперь составляют меньшинство не только в Техасе. Сильно увеличилась социальная и правовая защита малоимущих, так же как и материальное содержание минимум миллионов откровенных бездельников. В результате эти слои населения стали активно вовлекаться в культурную и политическую жизнь страны. Вернее, их стали вовлекать туда различного рода политические дельцы и представители масс-медиа для собственного продвижения во власть. Минимум 15 млн. из них — неграмотные мексиканцы, пуэрториканцы и представители прочих народов Латинской Америки и Африки, столько же чернокожих американцев. Эти люди не принадлежат к европейской культуре. В Америке и до 80-х годов таких людей было немало, но количество переходит в качество. Концентрация носителей старой культуры и традиций стала угрожающе низкой» // Независимая газета, 21.6.2008. Вообще за сто лет истории мирового кинозрелища набор исходных развлекательных жанров (боевик, комедия, мелодрама) по существу не изменился: его незыблемой основой (матрицей) остаются все те же «Проделки игрока» и «Любовь в булочной», описанные еще в 1909 году Корнеем Чуковским. См.: Чуковский К. Нат Пинкертон и современная литература // Собр. соч. В 6 т. М., 1965. Т. 6. С. 119.

русской культуры, для которой искусство (вопреки прошлому марксистскому и нынешнему либеральному атеизму) до сих пор сохраняет связь с областью сакрального, даже в модернистском его варианте. В русской культуре не завершился процесс обмирщения (секуляризации), вследствие чего она — в отличие от евроатлантической — не может быть осмыслена в пределах какого-либо сущностно одномерного (в духе «одномерного человека» Э. Фромма) пространства-времени. Ценностное ядро православно-русской цивилизации развернуто в двух взаимопересекающихся религиозно-эстетических плоскостях — христианской и антихристианской, драматические отношения между которыми на уровне мировидения, политики и технологии составляют сквозное действие русского бытия в его прошлом, настоящем и ближайшем будущем. Выразительный пример упорного прорастания христианских духовных смыслов сквозь экранную «зону zero» — фильмы Александра Сокурова, когда между тягучими некрофильскими построениями вдруг зазвучит «Жертва вечерняя» в исполнении Б. Христова, что решительно меняет всю художественную ориентацию его творения. И даже в «предрасмертной» страшилке А. Балабанова «Груз 200» («экшн с мертвецом») один из ее протагонистов — заведующий кафедрой научного атеизма Ленинградского университета — идет под конец креститься в православный храм, ибо другого пути спасения у него нет.

В заключение изобразим на рисунке характер взаимодействия между искусством, пост-искусством и не-искусством в современной культуре (см. рис. 7).

«Композиция жизни (и искусства — А.К), балансирующей на грани хаоса — трансграничной, неопределенной — с трудом удерживается сознанием, едва поддается прочтению, порою не поддается вообще. В особенности если исследователь ориентирован на прежний круг аксиом» — пишет современный отечественный философ А.И. Неклесса¹¹. Однако это не означает, что порядок и беспорядок равновелики (равночестны); еще менее это означает, что порядок может быть каким-либо образом выращен из хаоса, образ из без-образия, живое — из трупной ткани. Низшее не вырастает из высшего, нечто из ничего. И если

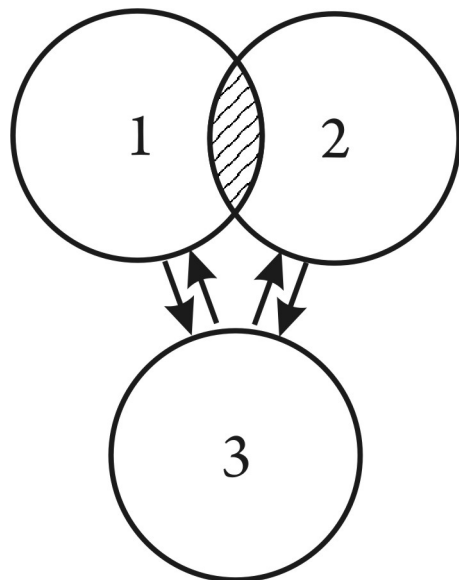

Рис. 7. Схема взаимоотношения между искусством, пост-искусством и не-искусством

1. Искусство (классика и модернизм)
2. Постискусство (пост-модернизм, артхауз)
3. Не-искусство (иные социальные практики)

¹¹ Мир индиго. Эпоха постмодерна и новый цивилизационный контекст. Доклад А.И. Неклесса на семинаре «Контуры эпохи постмодерна: новый цивилизационный контекст. Россия в Новом мире» при отделении общественных наук Российской Академии наук 27.3.2008. Электронная версия.

синергетика пытается уравнивать их на плоскости наличного бытия, то делает она это именно за счет его (бытия) уплощения, то есть забвения того, что есть еще Другой, который выше антиномии «жизни-искусства» и «смерти-пост-искусства», и который держит их обеих на своей ладони. И каждый выбирает здесь свое зрелище — самого себя.

6. В заключение сформулируем некоторые выводы

1. Не следует называть искусством то, что называется не так.

2. Искусство — это образ человека, осуществляющего истину-красоту по мере своей культуры.

3. Существует множество иных видов социокультурной практики, частично пересекающихся с искусством или вовсе не пересекающихся с ним. Они не лучше и не хуже искусства, они другие.

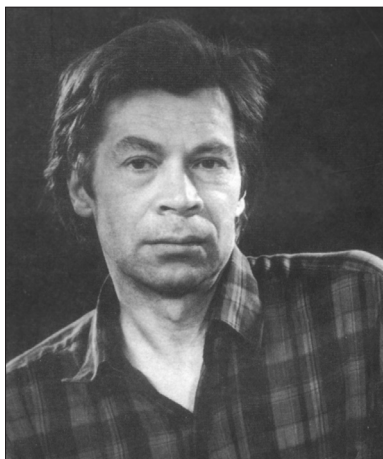
4. Человек (зритель) имеет полное право выбрать для себя искусство, пост-искусство или не-искусство, но для этого ему следует их хотя бы приблизительно различать.

5. Тем более следует различать их аналитику и практику (профессионалу) культуры, ибо профаническое смешение искусства и зрелища в условиях информационного общества ведет к тяжелым последствиям теоретического, общественного и нравственно-эстетического порядка.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

ПОЭЗИЯ

Александр ЛЮЛИН

НЕРУШИМАЯ ГРОЗНАЯ СИЛА

Александр Сергеевич Люлин — родился в 1954 году в деревне Посадниково, Вологодской области. После окончания школы служил в Советской Армии, работал на производстве. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького в 1995 году. Лауреат премий журнала «Наш современник» и им. А.А. Прокофьева «Ладога». Член СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Слова не мучу, не калечу
Затем, что с детских лет знаком
С естественным теченьем речи,
С нормальным русским языком.

Татарским тернием увита
Лесная азбука славян;
И все же буквы алфавита
Верны отеческим словам.

И в речи письменной, и в устной
Народа, рода и семьи
Встанет с тоскою безыскусной
История родной земли.

Как воины в разгаре битвы
Идут на штурм, за рядом ряд,
Слова для клятвы, для молитвы,
И те, что ночью говорят.

Слова же существа живые:
Их нужно миловать, беречь,
Чтобы звучала, как впервые,
Славянская святая речь.

* * *

Что влечет наших северных птиц,
Прорубая тоннели сквозь воздух,
Возвращаться от южных границ
На холодные старые гнезда?

Проплывают моря, города...
Ночь ружейными смотрит стволами...
Возвращаются птицы туда,
Где впервые взмахнули крылами.

Неспроста, неспроста, неспроста,
Словно корни сплетаются судьбы;
В каждой женщине чудится та,
Что впервые доверила губы.

Нет возврата к былым адресам.
Только памятью необоримой
Возвращаемся к первым слезам,
Возвращаемся к первой любимой...

* * *

Смиренно сердцем возрастаю,
Ведь время, словно кровь, течет...
Жизнь не пустая, но простая
Меня все более влечет.

Краса неброская природы,
Осенний вечер, фонари...
В одежде нищенской вороны
Неразговорчивые три —

На крыше одинокой дачи.
Как бы прощание иль весть...
Я не печалюсь, не плачу,
А принимаю все — как есть.

Без памяти не обольщаюсь
Зарей в проржавленном венце.
Не то, чтобы со всем прощаюсь,
А просто — помню о конце.

Я в сентябре острее слышу
Как отмирает мир травы;
Как жалко вспискивают мыши
В холме картофельной ботвы.

Запомню хмурую аллею
И дом, в котором печь топлю...
Не потому, что все жалею,
А потому, что все люблю.

* * *

Пришли — и свечи погасили...
В России тьма произошла.
И языки поприкусили
Церковные колокола.

И многие теперь в могиле,
В небесном праздничном кремле.
И я, как многие другие,
Жил в эти годы на земле.

Офицерье, продав погоны,
Шло в услужение врагу.
А в храмах плакали иконы,
А кони ржали на бегу,

Из седел в роковом размахе
Выбрасывая седоков...
И только черные монахи
Хранили истину веков.

Предупреждал Россию Нилус:
«Стоит антихрист при дверях!»
Но Слово Божье сохранилось
В изгнание, в ссылки, в лагерях.

Казанская со скорбным ликом
Смягчает глад и мор и трус.
Ведь говорил суровый Никон
Рождественский: «Храните Русь!»

* * *

1

Земля стореда. Мертвые восстали.
Оделись в плоть скелеты-черепа.
Вся многомиллиардная толпа
Осенена незримыми крестами.

Погасло солнце. Звезды умирают.
Свернулся в свиток черный небосвод.
На свой неисчисляемый приплод
Адам и Ева с ужасом взирают.

Кто где лежал — там и восстановился;
Собрался пепел, снова телом стал.
И все прозрачно стало, как кристалл;
А кто не умер, — тот преобразился.

Нездешний свет, не создавая тени,
Заполнил все. Растаял потолок.
Разверзся пол и растворились стены...
Вселенная уходит из-под ног.

2

Пропало все — кумирни и святыни,
И хлеб, и золотой соблазн монет...
Настало настоящее. Отныне
Ни прошлого, ни будущего — нет.

И вечность, не имеющая смысла
Земного — поглотила, пожрала
Утробой ненасытного жерла
Все формулы, законы, сроки, числа...
И смерть, убийца жизни, умерла.

3

Тоскует Каин. Бессловесен Авель.
Все замерло: надежда, радость, страх...

И Божий лик в расплавленных сердцах
Отображен в неизреченной славе.

ЗАВЕЩАНИЕ

Идоложертовенник обмана
Падет под громом и огнем.
На брачный праздник много званых.
Но мало избранных на нем.

Незлюбив будь, а особливо —
Когда душа твоя скорбит;
Сноси, как столпник, терпеливо
Несправедливость злых обид.

И за церковною оградой
До часа смертного живи,
И душу зябкую обрадуй
Смирным подвигом любви.

Люби отечество земное,
Его величье, кровь и дым,
Пока не обретешь иное —
Небесный Иерусалим.

* * *

Где родился — там и пригодился.
Пригодиться в России хочу.
До чего ж я, дурак, докатился:
Перед свиньями бисер мечу!

Красотой позлащенная горечь,
Голь языческая в неглиже...
Петербургская бодрая сволочь
Ленинградской не хуже уже.

Петушатся орлята в овалах
Золотых полицейских погон.

Прежде в душу украдкой плевали,
А теперь норовят — сапогом!

В удивлении рот не разину,
Крутанувшись на левой ноге.
Что же делать крестьянскому сыну
В петербургской горелой тайге:

Вдаль бредут фонари, как деревья,
И несут золотые шары.
Эх, позвать бы родню из деревни —
Косы, вилы, серпы, топоры.

ВОЕННЫЙ ПАРАД 7 ноября 1941 года. МОСКВА

Взрывая снег метельный, с ладонью у виска,
Буденный и Артемьев объехали войска.
Немеркнущая слава святых-сороковых!
Метели белый саван укутывает их...

Продрогшие вороны.
Морозная Москва.
Наркома обороны
Серьезные слова.

С трибуны Мавзолея: не человек — кремь!
(А гроб, где мертвый Ленин, был вывезен в Тюмень).
Апостольский характер! Подвигнется народ —
Неисчислимы рати Россия соберет.

Бьют восемь раз куранты. Пурга. Штыки горят.
Кремлевские курсанты идут — за рядом ряд;
Морские пехотинцы — как усмиранный гром:
Бушлаты, бескозырки, ботинки — флотский хром.

Сто двадцать раз в минуту печатают шаги
Единственным маршрутом — на фронт! — строевики;
А конница! Тачанки (Доватор и Белов...)!
Грохочущие танки — солярка, рты стволов...

Решительные лица,
Запретная тоска.
Столица ты, столица,
Царь-град ты наш Москва!

СЛАВЯНСКИЙ МАРШ

За Отчизну плененную нашу
Разгорается сердце огнем:
Мы поднимем военные марши,
Мы знамена свои развернем.

Молодые, суровые лица...
Ты, мамаша, не плачь, не тужи:
Восстановим святыя границы,
Государственные рубежи.

Нет, еще не погибла Россия!
Сыновей, дочерей соберет
Нерушимая грозная сила —
Называется Русским народ.

В небесах не устанут молиться
За Россию святыя мужи:
Восстановим святыя границы,
Государственные рубежи.

Мы вернемся домой непременно,
Если мы не погибнем в бою
За гвардейские наши знамена,
За любимую землю свою.

А над павшими в битве кровавой
Встанет Русь безутешной вдовой:
Все равны перед смертью и славой —
Генерал и солдат рядовой.

* * *

И в эти мертвые года,
Что нам попущены от Бога,
Пребудь смиренна и тверда
В своем избранничестве строгом.

Пройдут худые времена;
И, силой высшего веленья,
Ты вновь возвысишься, страна,
Из исторического тленья.

Христом окликнутый народ
Востанет к истине и к жизни

И явит вновь, из рода в род,
Пример служения Отчизне.

ПАСХА

Встречать пасхальную зарю
Мир православный вышел,
«Христос воскрес, — говорю, —
Смерть смертью победила!»

Опять поет церковный хор
(Слова плывут и числа...),
Что жизнь исполнена с тех пор
Таинственного смысла.

Мир настоящий увиден
И новые потомства

От варварства былых времен,
От идолопоклонства.

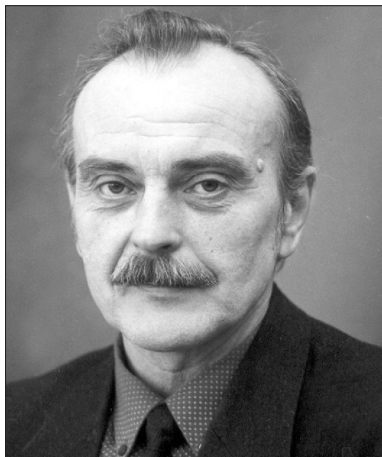
Труб ангельских прольется звук
(Никто не знает срока) —
Мы все преобразимся вдруг,
В одно мгновенье ока.

Откроем сердце и узрим
На крыльях звезд парящий
Небесный Иерусалим
И Крест животворящий.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

ПРОЗА

Юрий ШУРУПОВ

СТАНЦИЯ ВЕЧНОСТЬ

Юрий Александрович Шурупов — родился на Урале, в г. Усть-Катаве Челябинской обл. в 1952 году. Финалист конкурса «Золотое перо России» (детская литература) и газеты «Труд» (1997), автор книги о строителях Башкирской АЭС «Покорение непокорности». В 1984 г. за защиту интересов заводских рабочих был снят с должности редактора газеты и выдворен из города. С 1972 г. по 1990 г. Член Союза журналистов СССР. Работает руководителем пресс-службы городской администрации. **Живет в г. Агидель, Башкирия.**

*Благословен Бог!
И в наш век произросли мученики,
и мы удостоились видеть людей,
закальваемых за Христа,
людей проливающих святую кровь,
которая орошает всю Церковь*

Беседа 3-я на 1-ю книгу
Паралипоменон
св. Иоанна Златоуста.

*Русь Святая,
храни веру Православную,
в ней же тебе утверждение*

Призыв из Службы
Торжеству Православия.

...Вечерело. Легкая поволока медленно плывущих облаков прикрывала по-осеннему грустное, но как всегда властное и уверенное в себе солнце. Оно катилось к закату, невесомой златостью заливая древний мир Воробьевых гор, не до конца еще порушенный большевиками. У открытого настежь окна сидел в кресле-каталке немощный, разбитый параличом человек. По грудь укрытый плотным клетчатым пледом, он отсутствующим взглядом смотрел куда-то вдаль, вряд ли что видя перед собой. Белая, застегнутая доверху рубашка подчеркивала отпугивающую странность выражения его лица. В этом человеке трудно было узнать некогда энергичного, суетливого, видевшего и слышавшего только себя председателя большевистского правительства (Совнаркома), захватившего в октябре 1917 года власть в России, Владимира Ильича Ульянова больше известного под кличкой Ленин.

Иногда он болезненно возбуждался, издавая при этом громкие, с волчьим подвывом звуки. В пытавшихся его успокоить домашних он с остервенением плевал, всем своим видом указывая на нежелательность их присутствия. У постоянно присматривавших за ним жены, сестры и домашнего доктора складывалось впечатление, что он с кем-то разго-

варивает, качая головой и пытаясь оторваться от спинки кресла, сбрасывая с подлокотника едва действующую левую руку. В эти минуты глухие отрывистые звуки отдаленно напоминали отдельные слоги не выговариваемых отнявшимся языком слов.

Наступал час расплаты. Расплаты за все, что он успел сотворить с Россией и ее народом.

Расплаты за мучения и вот этих ни в чем не повинных людей, живыми сброшенных в одну из старых уральских шахт:

Великий Князь Сергей Михайлович (1869–1918) — внук Императора Николая I, пятый сын Великого Князя Михаила Николаевича. Генерал-адъютант, генерал от артиллерии по Гвардейскому корпусу; генерал-инспектор артиллерии. В годы Первой Мировой войны — полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном Главнокомандующем.

Великая Княгиня Елизавета Федоровна (1864–1918) — старшая сестра Царицы-Мученицы Александры Федоровны, преподобномученица, настоятельница основанной ею в Москве Марфо-Мариинской обители, в тайном постриге схимонахиня Алексия.

Инокния Варвара (Варвара Алексеевна Яковлева, ? — 1918) — крестовая сестра Марфо-Мариинской обители, келейница Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

Князь Императорской Крови Иоанн Константинович (1886–1918) — сын Великого Князя Константина Константиновича, флигель-адъютант (1908), штабс-ротмистр Лейб-гвардии Конного Его Величества полка. В храме Павловского дворца был регентом хора. По поручению Государя Николая II всегда представлял Царскую Семью на общенародных духовных торжествах. В начале 1918 года в Иоанновском женском монастыре в Санкт-Петербурге над князем Иоанном Константиновичем совершили диаконскую и священническую хиротонию.

Князь Императорской Крови Константин Константинович (1890–1918) — сын Великого Князя Константина Константиновича, флигель-адъютант, штабс-капитан Лейб-гвардии Измайловского полка. Во время Первой Мировой войны спас полковое знамя и награжден за это орденом Св. Георгия IV степени.

Князь Императорской Крови Игорь Константинович (1894–1918) — сын Великого Князя Константина Константиновича, флигель-адъютант (1915), штабс-ротмистр Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка.

Князь Владимир Павлович Палей (1896–1918) — сын Великого Князя Павла Александровича от его мorganатического брака с О. В. Пистолькорс; граф Гогенфельзен, князь; поручик Лейб-гвардии Гусарского полка; поэт. Верность России и Августейшему семейству не позволили ему воспользоваться возможностью избежать участи членов Дома Романовых.

Федор Михайлович Ремез (1878–1918) — управляющий Двором Великого Князя Сергея Михайловича, за которым он добровольно последовал в ссылку.

1. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ

Тяжело было на сердце Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Карандаш выпадал из рук, начатый рисунок окрестностей Алапаевска не получался. Она то и дело вставала, подходила к окну, тихо вздыхала, снова садилась за рисование. За утро дважды уже помолилась, но на-

ступавшее облегчение через какое-то время снова сменялось тягостным предчувствием.

— Варварушка, какой сегодня день? — обратилась Княгиня к своей верной келейнице.

— Ежели по новому стилю, так семнадцатое июля, матушка, осьмнадцатого года. А по-старому четвертое число будет.

— У Аликс что-то неладно. И снились они мне сегодня все. Нарядные, веселые. Ника с Алешенькой взапуски бегают, а Аликс с девицами сидят, венки из цветов плетут, друг дружке примеряют. И вот смеются, вот смеются... И мне машут руками, мол, иди к нам. А в сторонке Михаил стоит. Вроде с ними забавляется, а вроде и нет. Высокий, статный, в летнем мундире. И ногу немножко вперед отставил, как он всегда делал, когда любовался чем-нибудь. Стоит так, руки на груди скрестил и улыбается тоже. Красавец он у нас...

— Ну, так и слава Богу! Всех усмотрела, все живы-здоровы. Чего ж печалиться-то, матушка?

— Умерла Аликс. Вся семья ее умерла! — неожиданно отрезала Княгиня.

— Что ты говоришь, матушка? Бог с тобой, ты что это надумала живехоньких-то хоронить?

— И мы, Варя, нынче вслед за ними пойдем, — не слушая келейницу продолжала Елизавета Федоровна. — Все приготовить надо. По милости Божией наша кончина будет мученической. Только князьям ничего пока не говори. Сама скажу, придет время.

У инокини подкосились ноги. Она опустилась на рядом стоящий табурет, и губы ее зашевелились в молитве. Варвару не испугало пророчество Княгини. Просто услышанное было настолько неожиданным, что она не сразу сообразила, что же теперь надо делать. Поняв причину замешательства келейницы, Елизавета Федоровна ласково положила ей на голову свою маленькую руку и тихо сказала:

— Дел у нас с тобой, милая, немного. Приготовить только, что взять с собой. Где наша шкатулка с документами? Документы, пожалуй, возьмем на всякий случай, здесь они больше никому не понадобятся.

— И не помню, матушка, куда я ее третьеводни схоронила от антихристов-то. Ведь замучили, окаянные, обысками своими. Уж и денежки все забрали, и одежду утащили. Чего все ищут, чего им надо от нас?.. Куда ж я ее схоронила? Вот поди ж ты, память напрочь отбили...

Пока Варвара искала шкатулку, Елизавета Федоровна достала из тайничка, устроенного за оконной занавеской, образок Спаса Нерукотворного, украшенный драгоценными камнями, который был ей особенно дорог, как память о великом событии в ее жизни. В Лазареву Субботу, 13 апреля 1891 года, Император Александр III благословил этой иконой свою невестку в день совершения над ней чина принятия в Православную Церковь через Таинство Миропомазания с оставлением прежнего имени, но уже не в честь католической святой Елизаветы Тюрингенской, а в честь святой праведной Елисаветы, матери святого Иоанна Предтечи. Аккуратно завернув образок в чистый платочек, Княгиня тщательно спрятала его на груди. Села, подперев голову рукой, и побрела не спешно по коридорам памяти в прежние счастливые времена...

— Нашла шкатулку-то, матушка, слава Богу! — радостный голос Варвары прервал светлые воспоминания Княгини. — Здесь и документы в целости, и денежек немножко сохранилось.

Неожиданно дверь без стука распахнулась, и в комнату неуклюже ввалились двое вооруженных людей. Наверное, это были охранники. Елизавета Федоровна никогда не присматривалась к ним во время прогулок и обысков, а потому никого не знала в лицо. Да и менялись они постоянно, разве уследишь?

— Вы, бабыньки, того... собирайтесь помаленьку, — хрипловато заговорил один из них. — Мы вас ноне того... попозжее увезем отседа от греха. Не спокойно стало в городе, как бы не того... Все лишнее приказано сдать добровольно, с барахлом вашим возиться неколи. Деньги, драгоценности приказано сдать того... на хранение.

— У нас, господа, уже все забрали ваши коллеги. Большого ничего нет, — Елизавета Федоровна — величественная и строгая — бросила усталый взгляд на непрошенных гостей и отвернулась к окну, за которым нежился в полуденном тепле чистый, ухоженный их же княжескими руками, дворик бывшей церковно-приходской школы, которую называют теперь почему-то Напольной. С недавнего времени эта школа и стала их тюрьмой, из которой нет уже даже выхода в цветущий луг, убегающий к темной стене угрюмой уральской тайги.

Разговаривавший с Княгиней охранник быстро подошел к столу, на котором стояла только что найденная Варварой шкатулка.

— А это чего того?.. Брильянты, поди, да золото с серебром?

Грубо перевернув содержимое шкатулки, он явно разочаровался. Забрав лишь деньги, которых и было-то не более двадцати рублей, молча вышел, дернув на ходу за рукав своего товарища.

Варвара перекрестилась, а Елизавета Федоровна, с улыбкой посмотрев на нее, тихо, как бы между прочим, произнесла:

— Вот и началось, Варварушка...

Не дав Княгине договорить, дверь снова открылась. Анастасия Кривова, готовившая еду для Августейших заключенных, вошла с подносом в руках:

— Ваш завтрак, Елизавета Федоровна, — кухарка с поклоном поставила поднос на стол. — Ешьте на здоровье. Айто насчет обеда не знаю, как получится. Велено подавать его вам раньше времени. Говорят, в Синячиху вас повезут зачем-то.

— Спасибо, милая, спасибо. А об обеде не беспокойся — как получится, так и получится. Нашла о чем тужить!

После ухода кухарки Великая Княгиня с инокиней Варварой еще долго разговаривали, попивая чай с земляничным вареньем и наслаждаясь ароматами лугового разнотравья, легкими волнами врывающимися в распахнутое окно. Как истинно верующие люди они полностью положились на Волю Божию и не думали о том, что их ждет через несколько часов.

Весть о предстоящем отъезде из Алапаевска уже разнеслась по всем комнатам Напольной школы. Привыкшие за последний месяц к тюремному режиму и произволу охранников, узники отнеслись к ней спокойно, без особых эмоций и даже с иронией. Как и в прежние дни, князья для завтрака собрались в комнате Сергея Михайловича, служившей им общей столовой. После чая, выдвинув стулья из-за стола, расселись за разговоры.

— Господа, ответьте мне откровенно, что заставляет предводителя большевиков... как, бишь, его? — самый молодой из присутствующих Князей Императорской Крови Игорь Константинович вопросительно осмотрел собравшихся...

— Ульянов-Ленин, — подсказал Великий Князь, приводя в порядок миниатюрным гребешком свою плотную курчающуюся бороду. — Владимир Ильич, если хотите.

— Благодарю вас, Сергей Михайлович. Так вот почему этот самый Ульянов-Ленин и вместе с тем же Владимир Ильич вознамерился дать команду своим подручным вывезти нас из Алапаевска в более, если можно так сказать, безопасное место? Это что, проявление заботы? Тогда чем она мотивирована?

— И вам это хочется в точности знать? — Сергей Михайлович поудобнее уселся на стуле. — Я полагаю, что это какой-то политический ход. Смысл его предугадать пока не представляется возможным, но без сомнения здесь замешана политика.

— А если нас хотят упрятать еще дальше от центра? — не унимался Игорь Константинович. — Вероятно, этот самый Ленин не уверен в своей силе и боится вас, Ваше Высочество.

— Вполне может быть, князь, хотя я абсолютно далек даже от мысли радеть за восстановление монархии. Она свой век отжила, это очевидно. Но если все-таки предположить возможность вашего расклада, тогда из Екатеринбурга непременно будет удалено семейство Его Величества. Кто мы по сравнению с ним, если говорить об опасении большевиков нашего влияния на ход событий в стране?..

— Господа, полноте! Нашли тему для разговора. Да Бог с ними, с ленинскими, троцкискими, свердловскими всякими. Я, например, попросил бы Володю, с вашего позволения, конечно, почитать свои стихи. Куда полезнее и приятнее во всех отношениях.

— Иоаннчик, вы как всегда правы! — Сергей Михайлович искренне обрадовался возможности выхода из трудных размышлений по поводу заданного князем Игорем вопроса. К тому же, он любил стихи Палей и всегда с удовольствием их слушал. Несколько стихотворений Владимира он даже знал наизусть.

Князь Палей сразу оживился. Он никогда не заставлял себя умолять, считая, что если кто-то просит его почитать стихи, значит, в том есть нужда. От нечего делать, ради забавы стихи не читаются. К ним нельзя относиться снисходительно. Ведь в них трепещет и поет частичка души поэта. Она настолько нежная, чувственная. И поет она то весело, то с грустью, то вдруг стихает, чтобы через мгновение снова разлиться в полный голос... А потому стихи требуют тишины и отречения от всякой суеты. Тогда они легко влетаются в сознание слушателя и надолго оседают в его благодарном сердце.

В наступившей тишине послышался молодой, звонкий голос:

*Уже сгустилась полумгла,
Но в небе, над землей усталой,
На золотые купола
Еще ложится отблеск алый;
Зовя к молитвенным мечтам
Того, кто сир и обездолен,
Кресты высоких колоколен
Еще сияют здесь и там,
Как будто солнца замедленье
На каждом куполе златом
Напомнить хочет нам о Том,
Кто обещал нам воскресенье...*

Взгляды всех присутствующих в комнате невольно устремились на поэта. Одухотворенный, он стоял, опираясь одной рукой на спинку грубо сколоченного стула, а второй помогал своей выразительности и страсти. От судьбы Палей получил все: ум, талант, красоту, преисполненное любовью к Богу и ближним сердце. И его — обаятельного, блестяще образованного, отлично воспитанного молодого человека любили все.

Сделав небольшую паузу, князь продолжал:

*Господь во всем. Господь везде:
Не только в ласковой звезде,
Не только в сладостных цветах,
Не только в радостных мечтах,
Но и во мраке нищеты,
В слепом испуге суеты,
Во всем, что больно и темно,
Что на страданье нам дано...*

— А вот совсем недавнее, господа, — Палей поднял вверх обе руки и на одном дыхании продекламировал:

*Мы докатились до предела,
Голгофы тень побеждена:
Безумье миром овладело —
О, как смеется сатана!*

Аплодисменты. Сергей Михайлович достал платок и без стеснения промакнул им глаза...

А Палей читал и читал... О вещей птице Гамаюн, о спящих под деревянными крестами защитниках Отечества... Иоанн Константинович попросил свое любимое стихотворение «Черные ризы» и его просьбу дружно подержали все.

*Черные ризы... Тихое пенье...
Ласковый отблеск синих лампад,
Боже всесильный! Дай мне терпенья:
Борются в сердце небо и ад...
Шепот молитвы... Строгие лики...
Звонких кадильниц дым голубой...
Дай мне растаять, Боже великий,
Ладаном синим перед Тобой!
Выйду из храма — снова нарушу
Святость обетов, данных Тебе, —
Боже, очисти грешную душу,
Дай ей окрепнуть в вечной борьбе!
В цепких объятьях жизненных терний
Дай мне отвагу смелых речей.
Черные ризы... Сумрак вечерний...
Скорбные очи желтых свечей...*

Князя не заметили, как подкравшийся вечер наполнил их комнату свежестью и тонкими ароматами уральского лета. В дверь тихо-тихо посту-

чали, почти поскреблись. Игорь Константинович поспешил открыть. В коридоре стояла инокиня Варвара.

— Ваше сиятельство, матушка Лисавета просит всех в свою келейку, — монахиня низко поклонилась и поспешила в комнату Великой Княгини.

— Господа, Их Высочество приглашают всех нас к себе, — громко объявил князь Игорь. И добавил: «Незамедлительно!»

В комнате, занимаемой Великой Княгиней и инокиней Варварой, стояла приятная прохлада, одобренная благородным, ни с чем не сравнимым, запахом ладана. Елизавета Федоровна встретила князей, как всегда приветливой, кроткой улыбкой.

— Ну, что, родимые, все собрались? — Великая Княгиня с удовлетворением отметила, что вместе с князьями пришел и Федор Михайлович Ремез. Тогда давайте встанем на молитву. Она у нас последняя в этом мире.

— Это почему, Элла? — удивленно спросил Сергей Михайлович.

Все застыли в ожидании ответа.

— Дом Романовых будет истреблен, князь. И сегодня наша очередь идти на Суд Божий. Его Величество и моя сестрица с детками уже предстали пред Всевышним и с нетерпением ждут встречи с нами. Смиритесь и положитесь на Волю Его.

— Элла, мы ничего не понимаем. Что ты говоришь? С чего ты такое взяла?

— Чувствую я это, Сережа, и знаю, что не ошибаюсь. Жить нам осталось недолго. Давайте помолимся перед смертью и достойно встретим ее, ибо будет она мученической для плоти нашей, зато радостной для души.

Вопросов больше никто не задавал. Елизавета Федоровна в дальнейшие разговоры тоже не вступала. Единственно посоветовав князьям взять с собой документы и самое дорогое их сердцам, она повернулась к любовно развешенным в «красном углу» иконам с уже зажженными Варварой свечами, и начала молитву: «Благословен Бог наш всегда ныне и присно и во веки веков!..»

2. ОСКАЛ САТАНЫ

Карп Савельев — крепкий, средних лет, мужик, знатный в округе плотник возвращался с удачного калыма. Рядом с ним, нога в ногу, бойко шел его сын Ванюшка, тоже крепкий, но еще по-детски угловатый парнишка. За плечами у него была небольшая котомка, а в руках он нес тяжелый ящик с инструментом. Время от времени Карп пытался забрать ящик, но Ванюшка строго пресекал его благие порывы:

— Ты чего, тятя? Ай, мало наломасался? Руки, чай, и по сей час гудят. Куда тебе еще таку тяжесть?

— Да и ты не баклуши бил, хорошо пособлял. Один бы я за неделю ни за что не управился. Ноне хотя и до ночи провозились, зато свершили сполна. И расчет получили, слава Богу. Мать-то как рада будет!

Так перебрасываясь словами, плотники вышли из Синячихи на проселок, ведущий к Алапаевску. Этой ухабистой, но самой короткой лесной дорогой мало кто пользовался кроме пешеходов, она лежала в стороне от большого и пересекалась капризным болотистым ключом. Настроение было приподнятое. За пазухой у Карпа лежал бережно завернутый в тряпицу щедрый расчет за сруб баньки, который они с Ванюшкой сладили давнему знакомому, Ерофею Мельникову. Сверток грел сердце, вдохновляя плотника

на радужные мечты. Особенно ему не терпелось порадовать свою Настену. За последнее время семейство Карпа поиздержалось в конец. Что творилось вокруг — ничего не поймешь. Красные, белые, брат на брата, сын на отца. Кто прав — кто виноват? Строиться люди перестали, а это беда для Карпа. Ведь только топором в своих золотых руках он и добывал смолоду пропитание семье. Сейчас как бы хорошо калыму побольше! Ванюшка подрос — помощник. Вон ведь как ладно работал у Ерофея...

Мысли плотника прервал неожиданно долетевший издалека и быстро приближающийся многоногий конский топот. Скакали явно не верховые, потому что чуткое ухо Карпа сразу уловило побряхтывание нагруженных повозок и приглушенный стук колес на ухабах. Остановились. Прислушались.

— Кого это несет середь ночи да еще по такой дороге? А, тять?

— А кто его знат, сынок? Время ноне больно не спокойное. Давай-ка схоронимся от греха. Береженого Бог бережет.

— И то правда. Айда вон в те кусты. Там нас не заметят. Да и больно прытко скачут, не до нас им.

Быстро свернув с дороги, плотники притаились в густых зарослях ольхи. Поставив ящик с инструментом на землю, Ванюшка облегченно вздохнул и, поудобнее устроившись, стал внимательно всматриваться в темноту, размытую синевой яркой июльской луны.

— Тять, а что ежели бандюки на Синячиху нарыхтаются нагрять?

— Все может быть, Ванюшка, все может быть. Ты приумолкни пока да приглядывайся, коли мимо поскачут. Все одно, кого ни наесть, признашь, у тебя глаза-то позорчее мово будут. Только разговоров не веда, лежи молчком.

Щемящую тишину глубокой ночи все настойчивее будоражил шум пока неизвестного приближающегося движения. И все стихло. Враз, как по команде.

— Слышь, тять, — снова не выдержал Ванюшка, — никак у ключа остановились. Там мосток больно хлипкий, не поедут они дальше, увязнут.

Карп тоже это понял, и любопытство пересилило чувство опасности. Здесь было что-то не так!

— Давай поближе подлезем. Ты струмент-то с котомкой оставь, налегке сподручней будет.

— А не потеряю?

— Нет, место приметное. Да и светать, чай уж скоро начнет.

Согнувшись чуть не до земли, короткими неслышными перебежками Карп с сыном быстро одолели расстояние, разделявшее их от таинственных конников. То что они увидели из своей засады окончательно сбило их с толку. У ключа остановился целый обоз. Повозки смешались, вокруг копошились люди — дюжины две, не меньше. Все, кроме нескольких человек, были с винтовками, штыки которых хладнокровно холодила луна. Присмотревшись, Ванюшка едва сдержался от крика.

— Смотри-ка, тятенька, это же царские! — громкий шепот сына заставил Карпа вздрогнуть. — Ну, что в школе у околицы жили. Помнишь? Вон та, в белом платке, я ее видел в церкви и другую, во-он под руку-то которая взяла, тоже видел... И офицеров видел! Только ноне они без формы чего-то...

Карп до боли в глазах стал всматриваться в темноту. Тем временем приехавшие стали торопливо перебираться по мостку через ключ. Резкие,

но негромкие окрики вооруженных расслышать он не мог. Но понял сразу — князей привезли на расправу. Иначе с чего бы это ночью да еще в такую глухомань залезать? Повернув голову в сторону сына, он тихо прохрипел пересохшим горлом:

— Сынок, молчи и не шевелись. Смертоубийство будет ноне. Молчи!

Карп снова стал внимательно следить за развертывающейся картиной. Одолев мосток, вся толпа напрямки стала втягиваться в глубь леса. «Куда это их, горемычных, повели антихристы? Стрелять будут аль штыками заколют?» От этих мыслей холодный пот заструился по спине мужика далеко не из пугливого десятка. Прикидывая мысленно, какое место облюбовали бандиты для расправы над царской родней, он невольно остановился на давно заброшенной Нижне-Селимской шахте, которая как раз и была поблизости.

Скорбное шествие удалялось. И, вроде как прочитав его мысли, Ванюшка полоснул по сердцу догадкой:

— Это они их к Селимскому провалу повели. Готовая могила, там и порешат из ружей. Больше идти здесь некуда.

Не ответив сыну, а только подождав его рукой, Карп поднялся с земли и, хоронясь за деревьями, стал быстро пробираться к Селимке, как он называл эту хорошо знакомую ему шахту бывшего железного рудника. Кроме нее в округе было еще несколько брошенных копей, но Селимка пугала всех своей глубиной. Местные всегда обходили их стороной, боясь ненароком попасть в ничем не прикрытые провалы.

Вскоре деревья поредели, а потом и вовсе почти пропали. Кустов, правда, было достаточно — черемуховые заросли, орешник, ольховник... Это начинался рудник. Метрах в десяти от горловины шахты, заросшей по краям бурьяном, но хорошо просматривающейся под луной, отец с сыном остановились. Забравшись в самую середину густого раскидистого сплетения ореховых веток, они решили дождаться финала теперь уже без сомнения кровавого действия.

Первыми к шахте подошли двое с винтовками за плечами. Осмотрелись вокруг, обошли провал. Остановились в нескольких шагах от притаившихся плотников. Один не спеша скрутил «козью ножку», заправил ее махоркой из кисета и закурил. Вспыхнувшая газетная бумага на мгновение осветила его лицо. Карп сразу признал в нем бывшего заводского рабочего Василия Рябова. Вскоре подошли алапаевский комиссар юстиции Ефим Соловьев, председатель ЧК Николай Говырин, чекист Петр Старцев, начальник красноармейского отряда Иван Кучников, член совдепа Михаил Заякин и кто-то в гражданском — его Карп в Алапаевске раньше не встречал.

— Мы этих тварей как — залпом али по одиночке? — Соловьев злое улыбку, потирая руки. Убивать людей ему было привычно и даже в удовольствие. Чего только стоит истязание им отца Герасима, алапаевского священника!

— Никаких залпов, ты что, Ефим! На стрельбу сразу народ сбежится. Нам это ни к чему. Что б все тихо было. Понял?

— Так че, Петро, живьем что ли? — послышался глухой и надрывный голос Мишки Заякина.

— В сам деле, может, уж лучше пристрелить, а? — нерешительно предложил только что подошедший еще один член совдепа Иван Абрамов.

— Может-не может, сказано: никакой стрельбы, и нечего здесь рассусоливать! Я правильно говорю, товарищ Сафаров?

Человек в гражданском, к которому обратился Петр Старцев, молча кивнул головой в знак согласия. Чувствовалось, что это был какой-то начальник, скорее всего из Екатеринбурга.

К провалу подтянулись остальные участники событий. Затаив дыхание, Карп всматривался в лица подошедших. Помогал ему уже начинавший брезжить рассвет. В большинстве все были знакомые, алапаевские. Узнал он и обреченных узников. Их выдвинули из общей толпы, поставив в ряд на самом краю шахты. Старцев что-то сказал на ухо Кучникову, и тот быстро привел несколько вооруженных винтовками красноармейцев. Рябов с товарищем и эти приведенные, отойдя от начальства в сторону, окружили Старцева. Говорили тихо, до Карпа долетели только слова чекиста:

— ...Не стрелять! Бить прикладами в голову и сразу сбрасывать в шахту. Тихо и быстро! Ясно? Опосля завалим хлабьем, и баста. Рябов, приготовь гранаты. Ну, пошли, а то светать начинает.

Карп не верил своим ушам. «Как это так? Живьем? Людей? В яму! Господи, не попусти такого зверства! Да разве так можно?» — у здорового, русского православного мужика голова шла кругом. Он не мог поверить, что еще и на такое способны большевики, за девять месяцев своей власти не раз уже демонстрировавшие алапаевцам бессмысленную, чудовищную жестокость.

Вслед за Старцевым, стремительно направившимся к выстроенным у последней черты земной суеты своим жертвам, поспешили и остальные. Запыхавшись только незнакомый Карпу красноармеец, друг Василия Рябова. Отвернувшись в сторону, он быстро перекрестился три раза и, поправив винтовку на плече, догнал уходящих.

Все стихло. Карп слышал, как колотится у него в груди, казалось увеличившееся в размерах, наполненное кипятком сердце. Ванюшка подполз ближе к отцу, но тот даже не повернул головы. Карп обратился в слух и зрение.

От толпы бандитов отделились двое: человек в гражданском и Петр Старцев.

— Будем знакомиться, господа хорошие, айто сгините и никто знать не будет, что за выползки романовские топтали здесь землю нашу, — Старцев издевался над Августейшими особами и не пытался скрыть это. — А вот товарищ Сафаров пропишет вас в «Уральском рабочем». Он редактор этой нашей, большевистской, газеты и член облсовета, друг товарища Ленина. Так уж снизойдите до нас недостойных — представьтесь, не побрезгуйте...

Молчание. Отступающая ночь не хотела больше скрывать место дикой расправы. А занимающееся утро 18 июля 1918 года готово было разрядить нависшее над местом казни напряжение звоном порванных струн земной жизни ни в чем не повинных людей, любящих Россию-матушку и оставшихся верными ей до конца.

— Брезгуют, товарищ Сафаров. Как же — князя-а-а. Вот этот, самый главный у них — генерал, Сергей Михалыч, — Старцев кулаком ткнул в грудь Великого Князя. — А эту курицу зовут Лизаветой. Ишь, вырядилась как, прямо святоша! Женка она бывшая московского губернатора. Помните, порешили его в пятом годе?

Карп дивился выдержке и спокойствию обреченных. «Они все поняли, поди, — думал он, — и молчат — не связываться же с хриstoppодавцами».

...Три брата — Ванька, Игорь и Константин — великокняжеские отпрыски, Константиновичи какие-то, — продолжал ерничать Старцев. — Это Варька — прислужница Лизаветы. Предлагал я ей уйти от греха, так отказалась. Дура! А эти я и не знаю точно кто — ай жида, ай немца. Этот вот Палей, а тот — Ремез, Федька, вроде.

— Все ясно, Петр. Спасибо, — человек в штатском впервые открыл рот. — Рабочие и крестьяне, — обратился он к Августейшим, — завоевавшие свою, советскую, власть, не могут мириться с тем...

Вдруг негромко, но стройно и решительно прервало начавшего свою речь Сафарова величавое «Боже, царя храни...»

— Прекратить!

Беспомощный, сорвавшийся на визг окрик Старцева утонул в недрогнувшем вдохновенном пении гимна:

*...Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный.*

— Не сохранил, не сохранил ваш боженька царя-Николашку! Нет его больше, со всем своим выводком сгинул. Мы, большевики-ленинцы, теперь и цари и боги! Заткнитесь, когда с вами власть разговариват!

...Боже, Царя храни!

— Кучников, кончай этот балаган! Хватит с ними цацкаться!

По команде своего командира красноармейцы подскочили к поющим и торопливо стали завязывать им глаза широкими полосами какой-то темной материи. Первый удар в голову прикладом винтовки получил Иоанн Константинович.

— Так его, собаку, так! Еще разок его, ишь певучий какой! Так его! — ощерившись, похлопывая себя по ляжкам в галифе, прыгал на полусогнутых ногах вокруг избиваемого князя Ефим Соловьев.

Пение прекратилось, и на какое-то мгновение начавшуюся бойню приостановило восклицание Елизаветы Федоровны: «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят!»

...И Великая Княгиня стала следующей жертвой.

Неожиданно один из бандитов упал, сухо охнув. Винтовка выпала из рук. Нелегким, видимо, был кулак генерала.

— Ты, морда буржуйская! Ты, распротудыт... Ты чего размахался, гад? — Старцев коршуном налетел на Сергея Михайловича.

Другой удар уже в его лицо, неприкосновенное, как он сам считал, лицо чекиста, был болезненным и обидным. Забыв о своем же запрете нарушать тишину, Старцев выхватил из кобуры наган и в упор выстрелил в Великого Князя. Поспешившие на помощь красноармейцы стали прикладами сталкивать все еще стоявшего на ногах генерала в провал.

— Рябов, — взревел осатаневший от боли и злобы Старцев, — забрасывай их гранатами! Слышишь? Гранаты в шахту!

К горлу Карпа подступила тошнота. Он машинально обхватил за плечи Ванюшку и так сжал их, что мальчонка едва не вскрикнул.

— Сынок! Не могу я такое видеть. Не могу! Я бы их...

— Тише, тятя, тише, — зашептал в испуге Ванюшка. — Услышат бандюки, и нас с тобой туда же... Терпи, счас нам шевелиться никак не можно.

— Что они-то терпят, родимые! И за что?

Карп упал лицом вниз, широкие плечи его вздрагивали. Мужик плакал от жалости к мученикам и своего бессилия. Ванюшка и не знал, что отец может плакать. А сейчас Карп плакал. Плакал, скрипя зубами, с корнем вырывая траву вокруг себя. Он не поднял голову на хлопанье рвущихся в глубине провала гранат. Он не видел, как в шахту сталкивали остальных людей. Как стали заваливать их зажженным хворостом, заранее наготовленным сухостоем, загодя нарезанным дерном, снова и снова забрасывать гранатами...

И вдруг из-под земли явственно донеслось: «Иже херувимы тайнообразующе, и Животворящей Троице трисвятую песнь припевающе...» Все замерло. Какой-то красноармеец с искаженным страхом лицом вдруг медленно опустился на колени и начал рвать на себе волосы, неистово крича:

— Звери, звери мы! Что мы понаделали, звери? А-а-а-а! А-а-а-а! Прости нас Господи, если сможешь! Прости! Звери мы, звери!..

А потом студящий душу хохот. И снова: «Звери мы, звери! Безлюдии проклятые!.. Душегубы мы! Душегу-уу-у-бы!..»

— Все уходим! К подводам! — снова голос Старцева — командный, но уже с заметным изломом.

Карп вскинулся во весь рост, перекрестился и, ни слова не говоря, схватил Ванюшку за руку.

— Пошли и мы отсюда, сынок, пошли скорей!

Не помня себя, плотники добежали до первой своей утайки, забрали вещи и осторожно вышли на дорогу. Вскоре впереди прошумел удаляющийся обоз с убийцами. Карп остановился, смахнул рукавом пот со лба и, повернувшись к лесу, перекрестился. Ванюшка тоже перекрестился и... замер. Остолбенел и Карп. Он побледнел и снова начал креститься, творя окаменевшими губами молитву. В предутренней тишине до их слуха донеслось продолжающееся пение «Херувимской»:

...Яко да царя всех подыдем,
ангельскими невидимо дориносима чинми...

Слышались два голоса — мужской и женский. Вырывавшиеся с 60-метровой глубины, они казались завернутыми в тончайший бархат. Такими они были теплыми, осязаемыми, что их хотелось поймать и прижать к груди, к самому сердцу, но только очень осторожно. Очень осторожно! Малейшая неловкость — и нет этих голосов, рассыплются в прах, и никогда-никогда их больше не услышишь.

3. БЕГ НАД КРОВАВОЙ РЕКОЙ

Конец июля 1919 года. Гражданская война в самом разгаре. Верховный Правитель России адмирал Колчак еще в силе, он все еще надеется спасти Отечество от произвола заседавшей в Кремле продажной, до отвращения трусливой, а от того жестокой и лживой шайки авантюристов, обезумевших от свалившейся на них власти и запаха крови развязанной ими междоусобной бойни. Но нет единства в Белом святом движении. Нет! Это и беспокоило, огорчало адмирала больше всего.

Ударной силой его 150-тысячной армии были Ижевская и Воткинская дивизии под командованием генерала Каппеля, сформированные из мастеров и рабочих уральских заводов, поднявших в конце 1918 года восстание против большевистского беспредела. Поистине русскую отвагу и героизм

проявляли на фронте отдельные боевые части, полностью состоящие из церковнослужителей и верующих. Это полки «Иисуса Христа», «Богородицы» и «Николая Чудотворца», «333-й имени Марии Магдалины полк», «Святая Бригада», Православная дружина «Святого Креста». И вот если бы эту силу подкрепить армиями Корнилова и Юденича... Увы, кроме генерала Деникина и атамана Семенова бывший царский генералитет Верховного Правителя признавать отказывался.

Ставка Главнокомандующего временно разместилась в заштатном сибирском городке Ишим. Адмирал сидел в наспех обустроенном кабинете, читая фронтовые донесения и новости из губерний. Крепкий ароматный чай, приготовленный адъютантом, был забытым на краю стола. Ничего утешительного в донесениях не было. Разрозненные белогвардейские силы терпели одно поражение за другим, Ленин эшелонами гнал в Германию награбленные в церквях, монастырях и музеях золото, серебро, драгоценные камни, оклады икон, церковную утварь, вскрытые и выпотрошенные серебряные раки святых, просиявших в земле русской, бесценные произведения искусства... Так покупался Брестский мир! Так продавалась Россия! Так погибала православная Русь!

Внимание Александра Васильевича привлекло донесение о мученической смерти Пермского архиепископа Андроника: большевики-антихристы выкололи ему глаза, обрезали нос, щеки, уши и в таком виде водили владыку по городу, прежде, чем расстрелять. В других подобных телеграммах сообщалось, что в Троицкой Лавре была вскрыта и опрокинута рака Сергия Радонежского, в Воронежской губернии изуверы надругались над мощами Тихона Задонского, на Иртыше пароходным колесом заживо разорвали епископа Тобольского и Сибирского Гермогена, в Киеве изувечен и расстрелян митрополит Киевский и Галицкий Владимир...

Колчак вспомнил недавний доклад начальника Особого отдела Армии о телеграмме достойно служившего в «Святой Бригаде» Зиновия Пешкова — родного брата Якова Свердлова, который был правой рукой Ульянова-Ленина. Открыв папку с входящими документами, адмирал без труда нашел копию этой телеграммы: «Яшка, когда мы возьмем Москву, то первым повесим Ленина, а вторым — тебя за то, что вы сделали с Россией!» Адмирал прочитал и задумался. «Да, об этом мечтают, наверное, многие. Но это не выход, Зиновий! Жестокость порождает жестокость, а от этого в первую очередь страдают простые люди. Мы этого не должны допускать, не имеем права. Наша сила в мече духовном, и эта сила будет непобедимой в крестовом походе против чудовища насилия, поверь мне... А это что? Как я мог оставить здесь этот документ?»

Главнокомандующий бережно взял в руки плотный лист желтоватой бумаги. Это было послание ему Патриарха Тихона. «...Как хорошо известно всем русским и, конечно, Вашему Высокопревосходительству, перед этим чтимым всей Россией Образом ежегодно 6 декабря в день зимнего Николы возносилось моление, которое оканчивалось общенародным пением «Спаси Господи люди Твоя» всеми молящимися на коленях. И вот 6 декабря 1918 г. верный Вере и традиции народ Москвы по окончании молебна, ставши на колени, запел: «Спаси Господи». Прибывшие войска разогнали молящихся, стреляя по Образу из винтовок и орудий. Святитель на этой иконе Кремлевской стены был изображен с крестом в левой руке и мечом в правой. Пули изуверов ложились кругом Святителя, нигде не коснувшись Угодника Божия. Снарядами же, вернее, осколками от разрывов, была отбита штука-

турка с левой стороны Чудотворца, что и уничтожило на Иконе почти всю левую сторону Святителя с рукой, в которой был крест.

В тот же день по распоряжению властей антихриста, эта Святая Икона была завешана большим красным флагом с сатанинской эмблемой. На стене Кремля была сделана надпись: «Смерть вере — опиуму народа». На следующий день, 7-го декабря 1918 г., снова собралось множество народа на молебен, который никем не нарушаемый подходил к концу! Но, когда народ, ставши на колени, начал петь «Спаси Господи!» — флаг спал с Образа Чудотворца!..

...На следующее раннее утро по Благословению моему Образ был сфотографирован очень хорошим фотографом. Совершенное Чудо показал Господь через Его Угодника Русскому народу в Москве. Посылаю фотографическую копию этого Чудотворного Образа, как Мое Вам, Ваше Высочайшее превосходительство, Александр Васильевич — Благословение — на борьбу с атеистической временной властью над страдающим народом Руси...»

Дочитав текст до конца, адмирал, осторожно свернув лист вчетверо, достал из внутреннего кармана кителя фотографию изувеченного Образа Николая Чудотворца, вложил ее в послание, благоговейно прикоснулся к нему губами и тщательно разместил все в том же кармане. Застегнув китель, Александр Васильевич через силу протянул руку к подстаканнику, смочил глотком холодного чая пересохшее горло, встал из-за стола. За окном уже начинало смеркаться, но зажигать свет не хотелось. Мысли путались в неспособности понять логику происходящих в стране событий.

Он, потомственный военный, человек глубоко верующий, всем сердцем любящий Россию, не мог четко сформулировать причину, побудившую большевиков спровоцировать братоубийственную гражданскую войну. Чтобы удержать власть? Чтобы ее защитить? Но этот простой до примитивизма ответ отвергался разумом ученого. Неужели какая-то мифическая народная власть дороже жизни тысяч, десятков, сотен тысяч обманутых и ни в чем не повинных людей? А от кого так называемые большевики эту власть защищают? Самодержавие свергнуто, Августейшее семейство зверски истреблено... Да и вообще, что это за власть, если за нее надо платить кровью, слезами, оскверненными святынями, национальными богатствами, русскими землями?..

Нет, такая власть к добру не приведет! Если даже она и сумеет удержаться в Кремле, то все равно, рано или поздно себя скомпрометирует тупой жестокостью, политической несостоятельностью и экономической беспомощностью. Но той великой, могучей России уже не будет. А может, как раз этого и добиваются кремлевские марионетки? Ведь им совершенно безразлично, что будет завтра с нашим Отечеством. Их задача подорвать его мощь именно сейчас, в данный исторический момент и не самый удобный для России. Так кому это выгодно? Германии? Пожалуй, не только Германии, а всей Европе. Ведь им не нужна сильная Россия. Они боятся ее. Им сломить, растоптать ее надо. Вот, пожалуй, ради чего поддерживается этот прогерманский режим. Но Россию не убить! Никому и никогда!..

За дверью кабинета послышалась возня и перебранка адъютанта с кем-то, видимо, из просителей. Думать больше ни о чем не хотелось. Чувствовалась усталость, начинающая граничить с раздражением. А вот этого Колчак не любил, стараясь не подпускать раздражения ни при каких условиях. Он не спеша допил свой чай и открыл дверь в приемную.

— Главнокомандующий занят! Вы меня понимаете, батюшка?

— У меня дело неотложное, ваше благородие! Александр Василич непременно меня примет, вы только доложите. Христом Богом прошу, ваше благородие...

— Завтра, батюшка, завтра. Господин адмирал уже никого не принимает. Будьте любезны освободить помещение!

— Не пойду я никуда! Мое дело не терпит отлагательств, ваше благородие. Допустите меня...

Спорящие не замечали стоявшего на пороге кабинета адмирала. Колчак молчал, внимательно рассматривая настойчивого посетителя весьма колоритной внешности. Судя по одеянию, это был монах, много дней находившийся в пути. Лицо не выглядело уставшим, но одежда требовала срочного вмешательства по приведению ее хотя бы в относительный порядок. Главнокомандующий догадался, что перед ним не кто иной, как тот самый игумен Серафимо-Алексеевского монастыря Пермской епархии о.Серафим, сопровождающий из Алапаевска останки Августейших мучеников.

— Отец Серафим, с благополучным прибытием! — Колчак громко, чтобы обратить на себя внимание уже не на шутку разгорячившихся участников спора, приветствовал священника. — Прошу вас.

Адъютант вытянулся по струнке, а обрадовавшийся монах, воспользовавшись любезностью Главнокомандующего, проворно шмыгнул в открытую дверь кабинета.

— Чай и бутерброды! — через плечо бросил адъютанту Колчак, плотно закрывая за собой дверь кабинета. — Располагайтесь, отец Серафим, не стесняйтесь. Генерал Дитерихс докладывал о вас...

— Да, да! Михаил Константинович замечательный человек, дай Бог ему здоровья! Он много пособлял мне в Алапаевске. Без него я ничего бы не смог сделать.

— Ваша миссия благородна и чрезвычайно важна для России, для укрепления веры нашей православной. Вы приняли ответственное и совершенно верное решение — нельзя оставлять извергам на поругание тела Царственных Мучеников. Станется с них и того, что уже сотворили. А вот я до сих пор не могу простить себе, что нам не удалось разыскать место сокрытия убиенного семейства Его Величества.

— Что делать, Александр Василич? На все Воля Божия! Молиться будем, молиться! — отец Серафим встал с предложенного ему кресла и благоговейно перекрестился на икону, висевшую в адмиральском кабинете.

— Против Воли Божьей мы бессильны, правда ваша. Ну, а как вы добирались до Ишима? — сменил тяжелую тему разговора Колчак. — Расскажите в подробностях.

— По молитвам Елисаветы Феодоровны! Без документов оно опасненько, конечно, было. Но добрались, слава Богу! Десять ден до Тюмени ехал один с гробами. Нос не высунешь — босяков вдоль дороги множество. Ну, думаю, проверять полезут. Обошлось. В Тюмени двух послушников Господь Бог сподобил. Полегче стало. Так вот и добрались до вас.

— Погода жаркая, гробы-то, наверное, потекли?

— А вот и нет пока! — лицо священника озарила счастливая улыбка. — Извольте убедиться, я препровожу вас к вагону.

— Действительно, отец Серафим, идемте, посмотрим на ваш святой груз. Да и надо определиться с дальнейшим маршрутом. Ведь вам теперь на Омск и дальше, до Читы?

— Воля ваша, Александр Василич! По мне, хотя б и на край света, лишь бы уберечь Мучеников, упокоить их по-христиански.

Вместе вышли из кабинета. Чай с бутербродами остались нетронутыми.

— Мы на станцию, через час вернемся, — ответил Главнокомандующий на вопросительный взгляд адъютанта. — Соболаговолите приготовить для гостя баню и ужин на троих.

Колчак шел, сдерживая обычно стремительный шаг, не заставляя без сомнения уставшего, голодного, путающегося в подрыснике уже немолодого монаха спешить за собой. Вагон с гробами уже отогнали в тупик. Он одиноко чернел на фоне догорающего дня символом несказанного горя России в этом пока еще относительно спокойном сибирском краю. Помощники о.Серафима — послушники одного их Тюменских монастырей — сидели на шпалах и о чем-то разговаривали. Завидев приближающихся к ним о.Серафима и высоких чинов военного, они проворно встали, поправили свое немудреное одеяние и с почтением поклонились.

— Здравия желаю, господа! — Колчак приветливо улыбнулся послушникам. — Извольте показать ваш груз.

— Открывайте вагон, православные, не мешкайте, — поддакнул адмиралу о. Серафим.

Послушники ухватились за скобы раздвижных створок, и Верховному Правителю представилась дорожная обитель от Рода Царского убиенных. Восемь деревянных гробов стояли в ряд у дальней стены вагона. Над ними висел образок Николая Чудотворца — самого почитаемого на Урале и в Сибири святого. Ближе к выходу были набросаны какие-то лохмотья, прикрывавшие три охапки высушенной травы, служащие, видимо, постелью сопровождающим. До идеальной флотской чистоты было, конечно, далеко, но чуткие ноздри дворянина не уловили никакого запаха тления. Сняв фуражку, Колчак перекрестился. «А ведь они совершают великий подвиг, — взглянув на о.Серафима и его помощников, подумал адмирал. — Помогим им, Господи!» Стараясь не выдать нахлынувшего вдруг тяжелого чувства безысходности и скорби, он круто повернулся на каблуках и, не попрощавшись с послушниками, уже на ходу приказал растерявшемуся, было, монаху:

— Отец Серафим, следуйте за мной!

Купола Богоявленского собора неотвратно погружались в ночную синеву...

4. СТАНЦИЯ «ВЕЧНОСТЬ»

На другой день, в полдень, вагон о.Серафима прицепили к поезду, следующему через Омск в Читу. Главнокомандующий выдал монаху открытый путевой лист на сопровождение груза военного значения. С этим документом он чувствовал себя спокойнее. Но не знал этот верный слуга Бога, Царя и Отечества какие неимоверные трудности предстоит ему преодолеть прежде, чем он с чистой совестью сложит с себя полномочия спасителя останков Мучеников долга и чести, которыми по его глубокому убеждению еще будет гордиться Россия и краситься Церковь Православная.

Не знал он, что ему не удастся выполнить наказ генерала Дитерихса при благоприятных обстоятельствах вернуться на Родину вместе со своим грузом. Не сложатся такие обстоятельства в поруганной антихристами России! Зато не ведал игумен Серафим и о том, что по Промыслу Божьему он

сможет осуществить заветную мечту Великой Княгини Елизаветы Федоровны быть погребенной на Святой Земле. А еще даже в страшном сне не привидилось бы о.Серафиму, что в июне 1947 года начальник Русской Духовной Миссии в Пекине архиепископ Виктор будет вынужден распорядиться: Августейшее Семейство Государя и всех убиенных и умученных большевиками от Рода Царского вычеркнуть из диптиха и никогда не поминать Их на проскомидиях, заупокойных ектениях и панихидах. Не предполагал добросердечный монах, что совсем скоро, морозным утром 7 февраля 1920 года, с санкции председателя Совнаркома Ульянова-Ленина его благодетель адмирал Александр Васильевич Колчак будет расстрелян без суда и следствия на берегу одного из притоков Ангары. С улыбкой подарит он перед смертью свой серебряный портсигар командиру расстрельной команды. И не трудно представить ликование о.Серафима, доживи он до 1992 года, когда Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 31 марта/4 апреля прославил Великую Княгиню Елисавету Феодоровну и инокиню Варвару в лике святых преподобномучениц.

...Дверь монашеской кельи, устроенной рядом с русской церковью Святой Марии Магдалины в Гефсимании, выпустила в недолгую свежесть летнего Палестинского утра заметно состарившегося, но все такого же, как и прежде, подвижного о.Серафима. Он быстро прошел по дорожке к храму, построенному почти сорок лет назад Императором Александром III в память его матери Императрицы Марии Александровны, открыл только у него хранившимся ключом боковой вход в подвальное помещение. Тщательно выбеленное, хорошо проветриваемое и от того сухое, оно освещалось лампадой перед небольшим иконостасом у двух гробов, накрытых черным бархатом с белыми кистями. Здесь покоились нетленные мощи Великой Княгини Елизаветы Федоровны и ее верной келейницы инокини Варвары. Господь принял святые души этих мучениц в светлые Небесные Обители на вечное блаженство.

Встав на колени, о.Серафим совершил ежедневное молитвенное правило об упокоении своей духовной дочери и вместе с нею замученных. Потом он сел на скамеечку, неприметно стоящую у самого входа в крипту, и умиротворенно погрузился в старческую полудрему, порой с удивительной отчетливостью открывающую перед ним, казалось, давно забытые страницы его долгой монашеской жизни. А было и не раз, в такие минуты ему являлась Елизавета Федоровна — просто ли для беседы, с советом ли каким, помощью.

Вот и в то утро образ духовной дочери предстал перед о.Серафимом настолько зримо и осязаемо, что он вздрогнул и приоткрыл глаза.

— Грустишь, батюшка? Вижу — грустишь...

— Верно говорите, Ваше Высочество, взгрустнулось ноне маленько. Матушку-Расею вспомянул. Березки наши кудрявые, луга разнотравные, звон малиновый в вечеру... Эх, кабы взлететь птицей вольною, да хоть одним глазком глянуть на родимые места. Не бывать тому, видно, не бывать. Нет на то Воли Божией. Грешен я без числа...

— А я счастлива, что упокоил ты меня в Святой Земле. Это наша духовная родина, отец Серафим, место истинного отдохновения от бременной суеты мира земного. Вспомни-ка, батюшка, как добирались мы сюда. Сколько натерпелся ты, пока переправлял нас через Кровавую Реку. Мосток узкий, плохонький, а река глубокая, шумливая. Антихристы рыщут в городах и весях, на станциях да полустанках... В одном только месте ждали нас в

сердечной радости и духовной чистоте — это на Святой Земле. Но как же далеко она была, как далеко. И ведь добрались!

— По вашим молитвам помогал нам Господь. Одолевать Реку Кровавую я не страшился. Другое пугало меня, Ваше Высочество. Ведь что нес тот бурлящий поток! Люди, люди... Плывущие, захлебывающиеся кровью и слезами, а то и захлебнувшиеся уже... А между ними кресты покореженные да разваливающиеся гробы с размытых православных погостов, купола с порушенных храмов Божиих... Все смывала на своем пути эта сатанинская река. Наше смывала, расейское, православное, родное. Вот горе-то какое! Сердце разрывается, а чем помочь? Как?

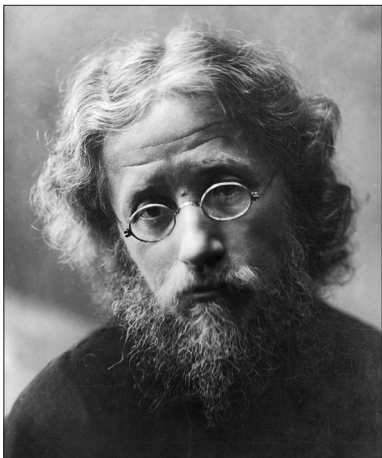
— Долго еще, батюшка, будет бурлить Кровавая Река по России. А потом иссякнет, высохнет. Одумается народ русский, вознесет покаянные молитвы ко Господу Богу нашему Иисусу Христу. И зазлатятся купола на новых храмах, встанут из руин оскверненные антихристами святыни. Поверь, отец Серафим, обретет наше любезное Отечество прежнюю славу и могущество, вернется к вере православной. Будь покоен! И нас вспомнят, и помолятся за души наши грешные...

Видение исчезло так же неожиданно, как и возникло. Радостный о.Серафим проворно встал со скамеечки, снова опустился на колени в молитвенном благоговении: «...Вечная память святым Алапаевским мученикам. Слава Богу за все!»

Отец Серафим поправил огонек в лампадке и тихо вышел, плотно закрыв за собой дверь станции «Вечность» — последней остановки на скорбном пути Великой Княгини Елизаветы Федоровны Романовой, а в тайном постриге — схимонахини Алексии.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Протоиерей Борис НИКОЛАЕВСКИЙ

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С.Н. Корытиным и Н.Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало
в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г.

«Вопрос о личном спасении уже давно решен в Церкви Православной». А это — важнейшая истина христианского вероучения, она ближе всего соприкасается с действительностью, с жизнью реальной, на практике показывает, в чем заключается истина. В то же время этот вопрос — один из труднейших для пояснения.

Но пора, слушатели мои, перейти нам с духовного млека (как говорит Апостол), которым питаются младенцы, на твердую пищу — для взрослых людей. Давайте понемножку углубляться в учение Церкви Православной и в таких очень серьезных и очень важных вопросах.

Господи, благослови и помоги нам!

Господь Иисус Христос пришел в мир, чтобы всякий *верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 1), чтобы возвратить нам вечную жизнь, которую мы потеряли.

Проповедь об этой вечной жизни или о спасении от вечной гибели и составляет главный предмет и задачу всей апостольской и церковной проповеди. *Сия же вся писана быша да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его* (Ин. 20, 31).

Эта вечная жизнь есть конечная цель всех стремлений всякого истинного христианина. Составляет то высочайшее благо,

которое дает смысл жизни по Христу, и без которого эта жизнь была бы бесцельной и непонятной (1 Кор. 15, 30–32). Эта вечная жизнь должна начаться здесь, на земле, иначе ее и там не будет. *Верующий в Сына* (уже здесь, на земле) *имеет жизнь вечную* (Ин. 3, 36).

Тем более, следовательно, нам, ищущим спасения, надо ясно понимать, в чем заключается жизнь вечная, какие свойства делают ее высочайшим благом для человека.

Что же это такое — «жизнь вечная»?

Это — *не пища и питие* (Рим. 14, 4), как говорит апостол Павел, то есть не что-то внешнее для нас, а наоборот, что-то происходящее «внутри нас», — в наших мыслях, чувствах, деланиях, в постоянном направлении жизни нашей. *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 23, 1), — сказал Господь Иисус Христос. И добавил: *Ищите же Царствия Божия и Правды Его, а остальное приложится вам* (Мф. 6, 3).

И еще замечательно то, что эта жизнь вечная должна начаться здесь, на земле. *Истинно, истинно говорю вам: слушающий Слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь* (Ин. 5, 24).

Видите, какое это великое дело!

Следовательно, и проповедь о вечной жизни слишком серьезное дело!

Благослови нас, Господи, и помоги нам!

В Святом Евангелии Господь Иисус Христос совершенно ясно и определенно указал, в чем заключается жизнь вечная. Вот слова Господа в Евангелии Иоанна, в Своей молитве Отцу Небесному пред Своими страданиями Он говорит так: *Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, Единого Истинного Бога и Его же послал еси Иисуса Христа* (Ин. 17, 3).

И говорят нам учителя Церкви Православной, что в этих словах — и сущность, и содержание вечной жизни. Святые отцы об этом говорят все единодушно, может быть, лишь разными словами.

А как же можно узнать Господа? Разве так же, как мы узнаем предметы и вещи, окружающие нас?

Например, цветок — мы его рассмотрим, руками возьмем, можем разделить на части, каждую часть рассматривать отдельно. Или птицу и животное — мы видим и рассматриваем внимательно его внешний вид, слышим его голос, можем рукой погладить и т. п.

Ясно, что в духовном мире наши средства познания не годятся. Глазами нашими мы Господа Бога сейчас не увидим, да и вообще, как говорит Апостол: *Бога никтоже виде* (Ин. 4, 12). А все же, как можно узнать Господа? В Евангелии приведены и такие слова Господа Иисуса Христа: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). По-русски это будет так: «Счастливы чистые сердцем, потому что они Бога узрят».

Здесь не только указано, что Бога можно увидеть лишь сердцем, а еще добавлено, что счастливы те, которые узрят Бога так. Как же не захотеть такого счастья? Ведь мы, люди, везде и всегда желаем друг другу счастья. Не это ли — путь к счастью, то, о чем Господь говорит? Будем думать, что эти слова значат:

Чистые сердцем Бога узрят.

А ведь у сердца глаз нет... Оно не смотрит глазами... Дело сердца — различные переживания: радость, горе, тоска и другие чувствования. Сердце все это переживает и на своем опыте узнает, как приятна радость и как ужасно отчаяние и тоска безысходная. Вот и говорят святые отцы, что «познание Бога совершается не рассудком, а есть переживание в себе присутствия Божия, каковое переживание дает человеку непосредственно ощутить Божественную жизнь, и приведение к опытному познанию Божественного Существа».

Чтоб подойти хоть немного к пониманию этих слов, я приведу вам пример живой из нашей жизни.

У меня есть одна больная: она ходить не может, руки и ноги у нее сведены тяжелой болезнью — ревматизмом. Я ее приобщаю. И она говорит, что после каждого Причастия Святых Таин три дня она живет такой радостью, что и сказать не может, не умеет.

А иначе как же может быть? Ведь она приняла Пречистое Тело и Кровь Того Самого Господа, Который ходил по земле в Палестине, а сейчас живет в Свете Неприступном — *восседит на Престоле Огнезračном одесную Бога Отца*. Весь Радость, весь Милость и Жалость к человеку, чем может ознаменовать Свое присутствие в человеке, как не радостью, как не милостью Своей: Он спешит обрадовать, утешить, приласкать человека. И вот больная эта на собственном опыте узнала, как радостно быть с Господом, своим сердцем переживать эту радость единения с Ним...

А мы с вами, когда хорошо помолимся Господу, часто испытываем так называемое умиление. Что это такое — объясняет нам преподобный и богоносный старец Серафим Саровский: «Умиление, — говорит он, — есть благочестивое чувство, соединяющее в себе печаль о грехах с тихим и кротким утешением». Ведь таких чувств на земле негде взять, их в магазине не купить, и соседка не даст. Это веяние Духа Святаго и признается одним из первоначальных даров Святаго Духа. И как же отрадно в эти минуты сердцу!

И если нам — с нечистым сердцем, в суете мирской живущим, такие минуты доставляют отраду, то что же будет, когда сердце очистится совсем и станет постоянным такое состояние, когда Господь с нами!

Воистину счастливы чистые сердцем! Зато пустыnnики и уходили дальше-дальше от людей, чтоб скорее добиться чистого сердца, чтоб люди не разрушали их счастья недобрыми словами и поступками.

А что вы испытываете, когда от искреннего сердца пожалеете бедняка или калеку, который просит милостыни, и скорее побежите, чтоб дать ему, что можете, чтобы хоть немногим утешить страдаль-

ца? Разве в эти минуты у вас на сердце не слышатся райские песни? Ведь вы рады бываете, пожалуй, даже больше того, кому вы подаете! Не напрасно святой Апостол говорит: *Блаженнее (то есть отраднее, радостнее) давать, нежели принимать.*

И почему все это? Да потому, что Господь Сам посетил вас и утешил за то, что вы сделали дело, завещанное Им. Вот как радостно быть с Господом!

Или, как говорит святой Климент Александрийский, «быть подле Бога».

Или, как говорит протоиерей Авраамий Некрасов, ученик Серафима Саровского: «Со сладким Иисусом все для тебя будет сладко: самые скорби покажутся тебе манною небесной».

Почивший в 1944 году Святейший Патриарх Сергей в своей книге «Православное учение о спасении» говорит: «Человек тогда действительно и не призрачно познает Бога, когда ощутит Его непосредственно, когда Бог будет для него не только бесконечным Величием, а перейдет внутрь человека, станет началом, одушевляющим человека и строящим его по Себе» (стр. 91–92).

Такое познание вполне может быть названо *жизнью*, поскольку это не работа только рассудка, а именно переживание, ощущение жизни Божественной в самом себе.

Святитель Григорий Нисский говорит очень остроумно и просто: «В человеческой телесной жизни здоровье есть благо, но блаженство не в том, чтобы только знать, что такое здоровье, а благо — быть здоровым на самом деле».

Так и Господь называет блаженством не знать что-либо о Боге, а иметь в себе Бога, «жить с Богом».

Многие из вас, может быть, подумают; да может ли это быть? Уж не сказки ли батюшка рассказывает?

Нет, родные мои слушатели, не сказки это, а самая глубокая тайна жизни христианской. Нет ничего удивительного, что мы этого не слышали. Мало ли чего мы не слышали, да оно есть. Надо смотреть не то, что мы этого не слышали, а согласно ли это со Словом Божиим. А это все со Словом Божиим совершенно согласно, даже все это и находится-то, как увидите дальше, в Слове Божиим. Оттуда и взято. Я же говорил в начале беседы: «Полно молоком питаться, пора и за твердую пищу браться». Не все же время вам передавать рассказы из жизни святых Божиих — надо подумать и о том, чем же святые жили? В чем суть, так сказать, их жизни?

Вы говорите, что я говорю необычное, чего никогда не бывает? А как же вы читаете вторую главу книги Деяний Апостольских о том, что произошло в день Пятидесятницы? Может быть, читаете и не верите тому?

А ведь это первое свидетельство, что жизнь Богообщения началась на земле. И притом самое яркое, живое свидетельство, на глазах у огромной толпы.

«Дух Святой сошел на Апостолов и на глазах у всех произвел в них удивительную перемену. Апостолы получили особые, доселе не имевшиеся у них силы и свойства, что Божественное стало обитать в их существе, жить с ними и руководить их жизнью. Для верующих это и было исполнением обещания Спасителя о ниспослании Духа Святого и ярким свидетельством того, что внутренняя жизнь Богообщения началась на земле». С тех пор Святой Дух неизменно пребывает в Церкви Христовой и сообщается верующим христианам в Таинствах Церкви.

Святой преподобный Серафим Саровский говорил: «Вся жизнь христианина должна быть направлена к тому, чтоб стяжать Духа Святого Божьего» (стяжать — то есть приобрести, сделать своим, близким).

И все святые Божии об этом думали и этого стяжания искали и молились о том. А мы с вами чего ищем, когда в молитве «Царю Небесный» просим Духа Святого? — *Прииди и вселися в ны* («поселись в нас», то есть «надолго» или даже «навсегда»). Стяжание Духа Святого Божьего до настоящего дня было главной целью христианина и будет так до скончания века. Богообщение — вот к чему стремится истинный христианин. Припомните, как мы поем припев в акафисте ко Причащению Св. Таин: *Иисусе, Боже сердца моего, прииди и соедини меня с Тобою навеки*.

Вот этого общения с Господом мы и просим здесь.

Не думайте, что это слово — «Богообщение» — я сейчас придумал; нет, это у святых отцов существует более 1000 лет. И наука богословская это полностью разработала. Вот как говорится у них:

Весь процесс спасения каждого человека совершается при Свете Богообщения, то скрытого, то явного. Сила Божия соединяется с силою человеческою, очищает человека от всякой скверны и постепенно приготавливает в его душе обиталище для Господа.

Два периода в жизни духовной должен пройти человек: сначала Богообщение, а потом Богоявление.

В первом случае понимается как бы внешнее, неполное единение Духа Божьего с духом человека. Человек чувствует Божественную силу, которая ему помогает, чувствует, что он и поддерживается только ею; но, с другой стороны, также чувствует, что в душе его еще остаются греховные привычки — страсти (он, например, еще раздражается, сердится, судит людей, готов обмануть, гордится и т.п.), понимает, что и к Богу душа стремится, и в мире земном ей многое еще нравится и тянет к себе; он хочет любить Господа всей полнотой своего существа, а этого, между тем, еще нет, ибо сердце отчасти одновременно любит и греховное.

А Богоявление есть совершенный вид Богообщения, когда Дух Святой совершенно вверяется человеку и поселяется в нем.

Есть у меня письмо Оптинского иеросхимонаха к своему другу, где он рассказывает, как добился Богоявления и что он чувствовал в то время (но прочесть нам это письмо нет времени).

Вернемся к основному вопросу беседы: что же прежде всего узнает человек при такой близости к Господу Богу?

А вот, например, что узнал в самом себе в жизни Богообщения святой пророк Давид и нам поведал, что узнал. А именно: *Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив*. И это истинно так и есть.

И мы с вами, если посмотрим внимательно на прожитую нами жизнь, те же слова скажем, не столько устами, сколько сердцем, умом своим, чувством своим, всем существом своим. Я думаю, что вы со мною вместе скажете так, как я всегда в молитве говорю Господу:

«Сколько раз я оскорблял Тебя, Господи! Как грубо и дерзко нарушал я Твою святую волю! Каких самых ужасных оскорблений не наносил Тебе, Господи мой! Но... стоило мне остановиться, одуматься, осмотреться, — когда ужас охватывал мое бедное сердце и я бежал к Тебе, плакал, молил Тебя, — Ты неизменно прощал меня, несчастного. Все прощал, все забывал, как будто ничего и не было...

Твой слуга, властью Твоей облеченный, произносил слова: “Прощаю и разрешаю”, и этот окающий груз слетал с меня, и я вставал облегченный, примиренный и радостный.

Но, увы! Недолго так было. И я снова падал, снова служил своим прихотям, своим страстям и через них — врагу Твоему, Господи! И опять давил меня этот мерзкий груз. И снова, и снова повергался я перед Тобой в слезах, горько вопила душа моя: Пощади! Пожалей! Прости! Помилуй!...

И снова я встречал только ласку и привет. Твой, Господи! Снова Ты брал погибающую овцу в руки Свои, нес ее к сонму своих св. Ангелов и с радостным Лицем говорил им: “Порадуйтесь со Мною: Я нашел овцу погибшую!” Опять “прощаю и разрешаю”, и опять я, примиренный, покоился на любвеобильной груди Твоей.

Но... горе мне! И это было недолго!... И я снова падал, снова страдал, кричал и вопил...

И Ты, дорогой наш и милостивый Господи, снова прощал и снова нес на руках Своих... Господи мой! Господи!

Да будет ли конец и граница Любви Твоей?

И тихий, нежный голос слышен был в сердце моем: “Не бойся, только веруй! Упал... вставай! Я жду тебя. Я люблю тебя... Я Кровь Свою за тебя пролил, всю до конца... Я люблю тебя... Иди ко Мне, неразумный, обремененный грехами. У меня найдешь покой!”»

Бог есть Любовь (1 Ин. 4, 10), — говорит святой Иоанн Богослов. И тебя, грешника, любит Он. «Бог есть Любовь», и тебя любит. А чего не сделает для любимого? Все сделает. Как рада мама, когда напавший ребенок придет в слезах и скажет: «Мама, прости!» Так рад прощать и Господь, только бы мы прощения просили... «Бог есть Любовь».

Любовь есть основной закон Божественной жизни, и чистое сердце это узнает, поймет и почувствует безмерно лучше, чем мы.

Чудесно сказано у Святейшего Патриарха Сергия в его книге «Православное учение о спасении»:

«Человек созерцает в Боге, видит в Нем прежде всего Любовь, Любовь, которая стремится жертвовать собой, стремится наделить своими благами всех, кто только может их воспринять. Человек сознает, что он не заслужил такой любви, что, наоборот, его неблагодарность заслуживает самого строгого наказания, а совсем не любви, такой дивной любви... бескорыстной... всепрощающей.

И вот, чувствуя изливающиеся на него щедроты дивной Господней любви, может ли чистое сердце не загореться в ответ на эту любовь такой же безграничной и бескорыстной любовью, какую видит в Боге?

Истинно надо быть чудовищем диким, чтобы остаться равнодушным, когда все сердце трепещет, когда слезы радости льются, когда все существо тянется, летит навстречу Любви Божественной.

А раз засияло в сердце Великое, Светлое Солнце Любви, тогда для человека пропадает все: и сам он, и будущие награды, и закон справедливости, — и остается только Один Господь Бог, для Которого человек и живет, позабывая даже, будет ли он сам участником этого Царства Божия...

Ради этой любви святой пророк Моисей просит изгладить его из книги жизни, если народ Израильский не будет прощен Богом. Ради этой любви святой апостол Павел желал быть отлученным от Христа, если Господь отвергнет, не простит его родной народ.

Такой человек горит любовью, а любовь состоит в самопожертвовании, в готовности отдать для любимого все, в том числе и самую жизнь».

Наш учитель епископ Феофан Затворник говорит об этом то же, что я сейчас сказал, даже теми же словами. Послушайте:

«Ты спросишь: как можно возлюбить так? А представим себе, сколько раз оскорбляли мы Бога после бесчисленных благодеяний, от Него полученных. И Он не переставал умолять нас. Сколько раз мы бежали от Него, но Он все не покидает нас. Он Сам прибегает к нам и зовет и влечет к Себе — если размыслим о всем этом и тому подобном, то можем и мы возжечь в себе такую любовь.

В этой все позабывающей любви и состоит верх христианского совершенства, потому что, только проникаясь такой любовью, человек станет подобным Богу, приобретет то познание Бога, которое составляет содержание жизни вечной».

Теперь, надеюсь, немножко понятны стали слова Господа Иисуса Христа: *Сей же есть живот вечный, да знают Тебя, Единого Истинного Бога, и Его же послал еси Иисуса Христа.*

Говорю «немножко понятны», потому что полностью их понять можно только сердцем, а не умом только, как это есть сейчас.

Но пойдём дальше.

Вы, любящие другого человека, по-настоящему любящие, скажите: что бы вы не сделали для любимого, только бы ему было приятно, только бы порадовать его? Да все бы сделали, и вот сию минуту бы сделали, не откладывая на завтра. Вы стараетесь узнать, догадаться, что ему принесет отраду, чтоб порадовать любимого неожиданным подарком. А если бы сам он сказал, чего он хочет от вас, из кожи бы вылезли, чтоб сделать это.

А любящим Господа Иисуса Христа нет нужды догадываться и искать, чего Он хочет от нас, потому что в Евангелии Им Самим просто и ясно все указано. Там все заповеди Его, все Его пожелания. Там все сказано, а еще крепко прибавлено: *Если кто любит Меня, заповеди Мои соблюдет* (Ин. 14, 15).

Итак, понятно, что любящий Господа ловит каждое слово Святого Евангелия, боится пропустить что-нибудь, чтобы не забыть: и то, и это начнет немедленно выполнять, что желает его дорогой, любимый Отец Небесный. У такого одна забота — каждый шаг жизни своей направлять по Евангелию, с радостью исполнять все.

А как же сознательный грех? Сознательное нарушение заповедей Божиих?

Да как оно может появиться в любящей Господа душе? Такой грех (сознательный) станет ненавистен, человек побежит от него, как от огня, как от самого страшного горя. Маленькое пятнышко отлично видно на чистом белом платье, так и маленькая соринка греха видна на чистом сердце, и как она угнетает его! Чистое сердце горько плачет и кается, если недружелюбно посмотрит на другого человека, а мы такой грех ни во что не считаем и не замечаем его.

А знаете, как такая жизнь называется?

Святость!

И вот эта святость есть отличительное свойство жизни вечной.

Сознательного греха тут быть не может, разве грех немощи человеческой, а исполнение заповедей Евангельских — так называемая «добродетель» — станет законом жизни. Человек станет святым Божиим. А почему он станет святым? Что его побуждает исполнять заповеди?

Может быть, надежда, что он на том свете награду получит? Да у него и мысли о награде быть не может. Сколько бы он ни сделал для Господа, ему все кажется мало, хочется еще, еще больше. Он ненасытимо жаждет больше и больше трудиться для Господа. Так радостна ему эта работа. И расстаться с этой работой не может. Для дорогого, для любимого — да надо всю кровь отдать до последней капли, как это и делали святые мученики. И как радостно чувствовать, что я делаю что-то приятное моему Господу, Которого люблю всем своим существом! Какая тут дума о награде, когда сама добродетель выше всякой награды.

И в нашей жизни земной мать не имеет награды, когда ночи проводит у кровати больного ребенка. Для нее высшая награда — сознание, что она выходила свое дитя. Вырвала из рук смерти. Она и не думала о награде, и это так понятно; ведь она любит дитя свое.

Так и в духовной жизни. Человек живет для Христа, живет во Христе, как говорил праведник, близкий нам.

А таким людям Господь сказал:

Если любите Меня, пребудете в любви Моей, то есть и Я люблю вас.

Вот тут и есть разгадка всех загадок и непонятных мест в сегодняшней беседе. Эту разгадку дает нам святой Иоанн Богослов: *Бог есть Любовь, и пребывающий в Любви пребывает в Боге, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4, 16).

Здесь высший, сокровеннейший вид Богообщения, то, что называли Богоявлением.

А вот слова Самого Господа: *Кто любит Меня, тот соблюдет Слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

И еще: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим и Я возлюблю его, и явлюсь к нему Сам* (Ин. 14, 2).

Видите, как величественно и прекрасно учение Святой Православной Церкви и как оно строго согласно со словами Божиими!

Теперь остается добавить немного.

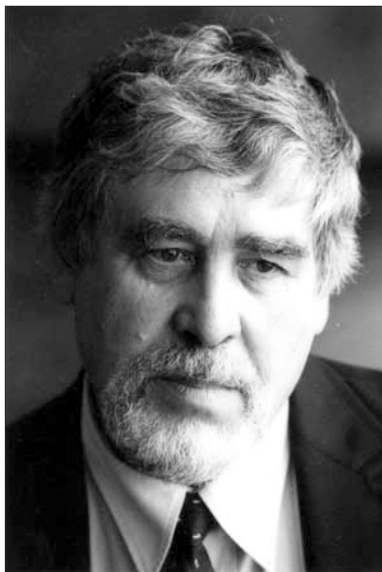
«Господь любит праведников», — поет Давид, и Он еще здесь, на земле, наделяет их такими благами, о которых ухо не слыхало и око не видало. Господь все делает любящим Его. Сам любит их. Он рад наделить их блаженством неизреченным, ибо Его блаженство и состоит в том, чтобы расточать Свои неизреченные блага любящим Его. Для Него нет больше радости, как давать всякую радость тем, кого Он Сам полюбил.

Вот она — жизнь вечная, и как счастлив тот, кто имеет ее! Такой, если и умрет, оживет, а вернее, не умрет, *а перейдет от смерти в живот* (Ин. 5, 24). Так сказал Сам Господь, а для Него нет ничего невозможного!

Аминь.

ПОЭЗИЯ

Владимир СКИФ

РУССКИЙ ШТЫК

Владимир Скиф (Владимир Петрович Смирнов) — родился в 1945 году на станции Куйтун Иркутской области. Работал в школе учителем. Служил на Тихоокеанском флоте в морской авиации. После армии работал на авиазаводе. Учился на отделении журналистики ИГУ. Член Союза писателей России. Живет в Иркутске.

ПОЖАРЫ

Пожар! Пожар! Смотрите, братцы,
Горят Одесса, Петербург.
И Киев начал разгораться...
На всех пожарах страх, сумбур.

Олигархические стаи
Горят, горят. Огонь жесток.
Уже Свердловск и Томск пластают,
Во всю горит Владивосток.

Вон запылал «Норильский никель»,
Как будто не в своем уме.
В самой Москве — пожар великий,
От шапок, вспыхнувших во тьме.

Пластают шапки. Шапок горы.
Поэт стоит и говорит:
— Неужто все в России воры,
Ведь шапка каждая горит?!

ШТЫК

Я не знаю — как? Откуда?
Но к судьбе моей впритык
Приникает, словно чудо,
Самородный русский штык.

Он встает из ниоткуда
В зримом образе своем.
Словно зимняя остуда,
Светит жалом-острием.

Современные Пилаты
И Иуды всех веков!
Это к вам идет расплата —
Частокол живых штыков!

СТАРОМУ РУССКОМУ ВОИНУ

Твоя жизнь тоской просвечена
И святою сединой.
Твоя сабля кровью мечена
И Гражданскою войной.

Нынче жизнь твоя бессмысленна,
Мир избавлен от любви.
Но твои бывшие выстрелы
Все гудят в моей крови.

Дай мне саблю безупречную!
Я средь поля на скаку

Своего врага извечного
На два стона рассеку.

СВИСТ

Я слышал свист по всей земле родимой,
Аж в трубку заворачивался лист.
Свистела жизнь, а может, я, гонимый
По белу свету, превращался в свист.

Свистел камыш,
свистел в машине поршень,
И нес ее в неведомый предел.
В бугристом небе кривоклювый коршун,
Как будто бритва, крыльями свистел.

Свистело небо над Кремлевской башней,
Свистел дырою — взорванный вагон.
И, пролетая над страной падшей,
Свистел закон, как будто бы дракон.

Дела — свистели — бизнесменов юрких,
Тела — свистели — проданных невест,
И ртами тьмы, как воровские урки,
Свистел у дома каждого подъезд.

Свистел мужик, пропивший жизни повесть,
Свистел дурак, страну свою круша.
Свистела горлом — раненая совесть,
Свистела болью — голая душа.

САВВЕ ЯМЩИКОВУ, художнику-реставратору, писателю, патриоту России

Нас, когда мы — в славе, в силе,
Не сомнут, как дураков.
«Сохраним народ России!» —
Крикнул Савва Ямщиков.

«Сохраним!» — из дальней дали,
Из Сибири отзовусь.
Пол-России опростали
От народа... Гибнет Русь!

От заводов до текстилен
Промотали по торгам.

Словно доллар, покатали
Русь к заморским берегам.

А она еще трепещет,
Еще силится вздохнуть,
Вместо Волги кровью плещет,
Заливая Крестный путь.

Где же взять такие силы,
Посреди каких веков,
Чтоб спасти тебя, Россия,
От бесчисленных врагов?

ДНО

Не луна восходит. Лезвие.
Мутно небо. Ночь мутна.
Крылья, что ли, мне подрезали:
Я уже коснулся дна.

Прохожу по дну. Здесь топчется
Нищий воин и студент.

Здесь заточка вором точится,
Наркоту сбывает мент.

Дно дырявое качается,
Сквозь него летят года.
Но здесь тоже отмечается
День Победы иногда...

ПАМЯТИ МАМЫ

Вот и мамы не стало,
жизнь мелькнула, как дым.
Выйду в поле устало, крикну зверем седым.

Только голос мой зыбкий растворится во мгле.
Берестяною зыбкой свет качнется к земле.

Вспыхнет снежная замять посреди облаков,
И откроется память, будто створки веков.

Я смотрю из оконца: вижу — избы в снегу,
Мамин след у колодца... Я за мамой бегу.

Там скрипит коромысло, тяжелеют шаги.
Слышу мамины мысли: «Боже мой, помоги!»

Мама как-то неловко — жизнь несет на весу...
Ледяную веревку я за мамой несу.

Белый Харик дымится...
Я — к морозу приник.
Индевеют страницы моих будущих книг.

Индевеют составы, остывает народ...
Вот и мамы не стало. Дымный морок идет.

Пропадают в угаре и земля, и страна.
В темень катится Харик, будто в бездну луна.

Но я верю: прольется звездный свет у ворот.
Из святого колодца — мама воду несет...

ГРАД

Крупный град сорвался с высоты
И упал, нарушив неба крепи,
Будто кто-то подпилил болты,
Тяжкий вес державшие на небе.

Град на небе время коротал:
То дробился, то кормился рвением
Вниз сорваться. Наконец, упал
И громил теплицы с вождельем.

Мужичонка у теплицы встал,
Защищаясь шиферным осколком,
Из теплицы градину достал
И застыл в молчании недолгом.

А потом с улыбкой произнес
Лишь одну-единственную фразу:
«Слава Богу, душу не разнес,
Ну, а крышу мы починим сразу».

ДОРОГА К ХРАМУ

Храм православный.
У Храма
Черная-черная ель.
А у дороги, что справа,
Виден глубокий туннель.

С боем в туннель мы входили,
Чтобы да Храма дойти,
Даже окопов нарыли —
Биться друг с другом в пути.

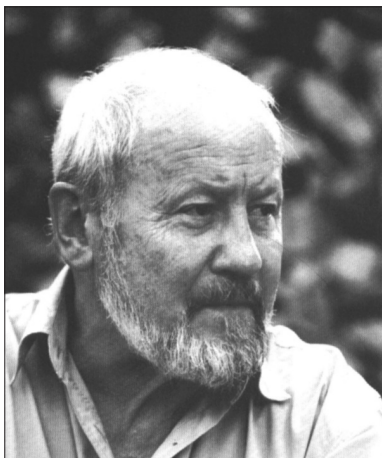
Шли и устои ломали
Памяти, сердца, страны.
Чьи знамена поднимали?
С чьей приходили войны?

Все поломать мы успели,
Каждый десятый убит...
Хоть бы дойти нам до ели,
Той, что у Храма стоит.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Родная РЕЧЬ

Юрий ЛОЩИЦ ЯЗЫК — ИЕРАРХИЯ СМЫСЛОВ

Юрий Михайлович Лощиц — родился в 1938 в селе Вале-гоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

Может быть, среди писателей найдутся те, кто не знает историю возникновения понятия «литератор». Слово это в русский язык попало из старой латыни и производно, как мы легко можем догадаться, даже не заглядывая в словари, от «литера» — буква. За 100 лет до Рождества Христова в Древнем Риме появилась первая школа, в которой первым и пока единственным предметом была грамматика латинского языка. Грамматические школы существовали в Риме и до той поры, но в них изучали только греческий язык, поскольку он считался образцовым и законодательным для всего эллинистического мира. Из чего легко сделать вывод: и грамматическое описание латинского языка, и его алфавит (последнее видно невооруженным взглядом) могли появиться лишь под сильнейшим воздействием авторитетного греческого эталона. К этой немаловажной исторической преемственности мы еще вернемся позже.

Что до самого понятия «литератор», то в первой римской школе таким именем звали преподавателя, который знакомил учеников с буквами и слагаемыми из них смыслами. Думаю, в этом факте нет ничего обидного для современного писателя. Ведь мы по сути, пусть и опосредованно, продолжаем заниматься тем же самым. И найдется ли поэт или прозаик, ни разу не грезивший о том, чтобы хоть одна строчка из написанного им попала в школьный учебник?

У каждого из нас, имеющих дело с языком как главным для писателя средством самовыражения и общения, рано или поздно возникает потребность обобщить свой — или не только свой — опыт. А то и при- дать ему облик декларации. Я вовсе не посягаю на последнее. Но все же

для начала хотел бы немного сменить масштаб и рассмотреть современную проблему языка в контексте переживаемых Россией событий.

Экспериментально внедренная на пространствах бывшего СССР псевдорелигия по имени демократия всячески вытесняет или намеренно обходит стороной традиционные представления об иерархическом устройстве мира. И понятно, почему так делается. На место Бога эта гуманистическая псевдорелигия лстиво предложила отдельного человека, суверенную личность, с ее правами и свободами. Там, где человек предается демократическому «безудержу», вседозволенности, представление о Боге как о начале удерживающем, как о Вседержителе, Пантократоре, становится неуместным анахронизмом. Удивительно ли, что в таком перевернутом с ног на голову мире чрезвычайному натиску подвергаются все общественные институты, в которых наиболее отчетливо прослеживается принцип иерархической соподчиненности. Назову хотя бы монархический способ управления государством, церковь, армию и школу.

Как известно, принцип небесной и земной соподчиненности, впервые разработанный в богословских трудах средневекового христианского автора «Ареопагитик», чаще всего изображается в виде лестницы, связывающей ступенями нисхождения и восхождения небо и землю.

Думаю, вовсе не случайно «Лестницей» еще в конце восьмидесятых была названа бойкая телевизионная программа, которая сыграла роль ошеломляющего сигнала к демократическому вторжению. Многие помнят вызывающий антураж той передачи: на полутемной лестнице, круто нависающей над сценой, в самых прихотливых позах расселись школяры разных возрастов. А внизу, на ярко освещенной сцене, — те, кто обязан отвечать на дерзкие вопросы вошедших в раж подростков, — сбитые с толку учителя, опешившие министры. Теперь не они учат, а их учат, им дают наставления, им выставляют оценки, над ними подшучивают, их вгоняют в краску. Той «Лестницы» давным-давно нет, но вирус анти-иерархии, ею запущенный на телевидении, никуда не исчез. Те же амфитеатры и трибуны в виде лестниц, только их население, уже весьма подуставшее от демократических затейников, ведет себя более смиренно и покладисто, в духе советского «одобрямса».

Как бы кто ни старался, но и армия, и школа, и любая земная власть, и любое земное сообщество, словом, все-все в богоустроенном мире остается сущностно иерархичным. Естественно, что принцип иерархии не может не присутствовать и в языке как таковом, потому что именно язык собирает, реализует в себе весь без остатка опыт существующих в мире иерархических соотношений. Еще в XVIII веке эту его иерархическую составляющую твердо обозначил М.В. Ломоносов в своем учении о «трех штилях: высоком, посредственном и низком» («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке»). Только злонамеренность или небрежность могут это ломоносовское определение оценить как схоластическое и устаревшее. Мы и в современном русском языке безошибочно узнаем высокий кирилло-мефодиевский извод церковно-славянского слога и торжественный гражданско-государственный стиль с его равнением на словесную архаику (не случайно же сами понятия «государство», «гражданин», «правительство», «общество», «собрание», «управа», «законодательство», «учреждение», «на-

каз», «воззвание» и многие-многие другие вошли в строй языка еще в древнейшие времена).

Легко отличается этот стиль от стиля «посредственного», как его обозначил Ломоносов, вовсе не желая тем унижить. На самом деле это по сути срединный, самый большой, самый изобильно пополняемый пласт языка. Подпитываемый сокровищами из славянских книг тысячелетней давности, обогащенный классическим наследием отечественной поэзии и прозы девятнадцатого и двадцатого веков, он сегодня, по сути, и представляет собой нашу действующую литературную норму.

Увы, в последние полтора десятилетия границы этой нормы у всех на глазах сильно прохудились. Как раз в эти сроки она испытывала и продолжает испытывать на себе совершенно бешеный натиск. И сразу по двум направлениям: со стороны иноязычных, в первую очередь английских (в сленговом американском варианте) внедрений; и со стороны прибалтийского словесного примитива, обильно поступающего с эстрады, со страниц молодежных журнальчиков и газет.

Ломоносову, выходцу из северной крестьянской среды, был безусловно чужд всякий языковой пуризм. Говоря о «низком штиле», он вовсе не считал его подлым, непригодным для литературных нужд. Речь идет о здоровом бытовом просторечии как совершенно незаменимой части многодиалектной языковой панорамы. В его иерархическом построении важно не то, какой стиль лучше, какой хуже, а то что сам язык лишь в этом упорядоченном облике богат и разнообразен, а при потере различающих признаков может превратиться в свалку, в чудовищное нагромождение обесмысленных словесных трупов. Не об этом ли сказал поэт: «И как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова»?

Ломоносов обозрел весь словарный корпус родного языка.

Но этот же самый принцип языковой иерархии обнаруживается и на уровне одного-единственного слова, когда мы извлекаем его из словаря. Морфологический анализ конкретного слова, которым занимаются в средней школе, легко подтверждает, что корень слова, в отличие от префиксов и окончаний, при создании того или иного смысла иерархически первостепенен. Меня, к примеру, всегда восхищает красота наших великолепных уменьшительно-ласкательных суффиксов. Сколько легких, играющих оттенков смысла, когда слышим «дедушка», «дедуля», «дедок», «дедка», «дедичка», «дедище»... Но разве любой из этих прекрасных суффиксов можно поставить на место краткого и прочного, как дуб корня «дед»? Получится ерунда. Корень — это своего рода крошечная икона, стоящая в красном углу слова. Маленький Пантократор, удерживающий летучие и прихотливые смыслы.

Когда приступаем к обзору частей речи, то и здесь без труда просматривается присутствие все того же основополагающего принципа: мы ведь начинаем знакомство с этим хозяйством не с междометий, союзов, наречий или прилагательных, но с двух главных монолитов осмысленной речи — с существительного и глагола.

Когда от отдельного слова переходим к предложению, опять обнаруживаем все ту же постоянно действующую иерархическую соподчиненность. Не зря же, следуя ей, анализ давно узаконил деление на главные и вто-

ростепенные члены предложения, а сверх того определил целую область обслуживающих смыслов в виде придаточных предложений.

Этимологическое рассмотрение состава национального языка также руководствуется иерархическим подходом. Именно в соответствии с ним наука о происхождении слов предпочтительное внимание уделяет наиболее древним, корневым пластам родной речи, выявляя ее индо-европейские истоки и оставляя на потом материал более поздний или привнесенный со стороны.

На заре христианской эры апостол Павел говорил: «Ина слава солнцу, и ина слава луне, и ина слава звездам; звезда бо от звезды разнствует в славе». (1 Кор. 15;41). То есть, ни на земле, ни на небе нет и не будет арифметического равенства. Эту очевидную истину, которую в своих лукавых целях всячески скрывает псевдорелигия по имени демократия, в XVIII веке наглядно представил в графической аллегории современник Ломоносова Григорий Сковорода. Он изобразил Бога в виде водного источника, обильно наполняющего большие и малые сосуды. И написал под рисунком: «Неравное всем равенство».

Ломоносов свое знаменитое, часто цитируемое сравнение русского языка с другими европейскими взял, что называется, вовсе не с потолка, поскольку был для своего времени выдающимся полиглотом и практически знал не менее двадцати европейских языков, старых и новых. В той же своей работе о «трех штилях» он без всякого кичения говорит об одном заметном преимуществе русского языка, обеспеченном тем, что со времени создания Киевской Руси письменность наша произрастала на основе всем понятного «славенского речения», «высокого штиля». Кирилло-Мефодиевское языковое наследие с самого начала явилось своего рода алтарем растущего в веках здания русского языка. Именно это наследие обеспечивало языковое единство и преемственность.

«Народ российский, — пишет он, — по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того ж немецкого народа».

Как известно, не только в Германии, но и в других романо-германских языках создание национальных письменностей сильно запаздывало, поскольку богослужение везде совершалось на жестко декретируемой латыни. Вообще надо сказать, что этот повсеместный диктат латыни привел в конце концов к большой неразберихе, существующей и по сей день. При возникновении национальных письменностей в той же Германии, в Италии, в Англии, во Франции, в Испании, в Польше, в Чехии и т.д. пришлось создавать свои варианты латинских алфавитов, мучительно и зачастую совершенно неловко приспособливая ограниченную в своих ресурсах классическую латиницу к артикуляционным особенностям разных народов. Но при этом, и по сей день, процветает миф об универсальности латиницы, о том, что она является самой совершенной алфавитной системой в современном мире. Как в средние века, так и теперь латиницу навязывают разным народам и письменностям. Но если в средние века такая практика диктовалась одним

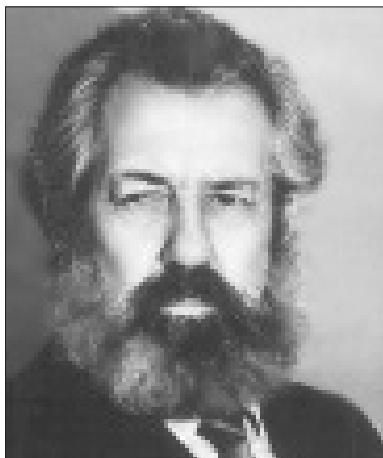
лишь Ватиканом, то сегодня добавился еще один центр внушений и внедрений. Имя ему — новый мировой порядок. Современный глобализм, как бы ни маскировал свои цели демократическими обещаниями, будет и впредь выказывать свою волю к одноалфавитному миру. Так легче управлять, легче контролировать. Антихриста народы легко узнают по его автографам, набранным на компьютерах английской латиницей. И по его слоганам о всемирной победе демократии.

Но вернемся к сегодняшним тяжбам. Достаточно посмотреть какие удручающие зазоры существуют в разных национальных латиницах между написанием и произношением, между орфографией и орфоэпией, чтобы убедиться в том, что латиница из рук вон плохо справляется со своими глобалистскими обещаниями. А ведь мы уже слышим в печати, что и русскую письменность пора срочно переводить на латынь, а то мы в очередной раз отстанем от прогресса. В порядке эксперимента я попробовал перевести на латынь (в компьютерном английском варианте) хотя бы свою недлинную, всего из пяти букв состоящую фамилию. «Л» и «о» поддались мне сразу, но когда дошел до звука «щ», выяснилось, что для передачи его на письме англичанину понадобятся сразу пять букв — *shtsh*, а для звука «ц» еще две буквы — *t* и *s*. Итак, моя фамилия вырастет в длину ровно вдвое. Попробовал прибегнуть к польской латинице, но в ней наше «щ» изображается с помощью четырех букв — *szcz*. Попытался воспользоваться немецкой латынью, но здесь картина оказалась еще хуже. На русское «щ» немец, при всем его образцовом рационализме, тратит аж семь букв. Ну, все, решил я, немцы меня никогда и ни за что не переведут на свой язык. Хотя бы потому, что наше «щ» для немца просто несъедобно.

Впрочем, я вовсе не хочу зубоскалить ни над немцами, ни над англичанами. Люди вовсе не виноваты в том, что в разных языках наличествуют свои артикуляционные особенности, такие же устойчивые, как цвет кожи. Но с тех, кто подгоняет сегодня все языки под латинский достаточно куцый эталон, можно спросить: что их, по сути, заботит? Проблемы лингвистики? Заботы об удобстве информационного общения? Или чистая политика? Впрочем, о чистоте нынешних глобалистских претензий говорить не приходится.

Но у нас, к счастью, есть своя иерархия ценностей. Есть свой древний, непрестанно развивающийся язык, обладающий сегодня, как и десять, как и тридцать лет назад, прекрасными средствами для того, чтобы оставаться языком межнационального общения. Язык, который в этом его межнациональном служении, благородном и хлопотном, не смогли пошатнуть все еще слышные там и тут вопли о русификации. Вопли щедро оплачиваемые, кстати, из мировых центров внедрения латиницы. Есть у нас и наша великолепная кириллица, замечательно приспособленная к фонетическому своеобразие славянской звуковой палитры. Да и не только, подскажут мне многие граждане России, славянской.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Борис СПОРОВ

ПОЭТ И КОСМОС

*Лермонтов
и Вл. Соловьёв:
затмение критика*

Борис Федорович Споров — родился в 1934 году в Актюбинске. Работал на заводе, на строительстве Горьковской ГЭС слесарем, электросварщиком, сборщиком и монтажником. Заочно получил среднее и высшее образование. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

1.

Лермонтов, может быть, как ни один из русских поэтов заставляет задуматься о взаимоотношениях Неба и Земли, Бога и Человека — и о поэте, как о творце космоса. И это не потому, что много у него стихотворений-молитв — все его творчество пронизано осознанием и узнаванием Творца, так что от избытка чувств и глаголют уста поэта. Лермонтов христианин, а потом уже поэт. И как всякий гений, созидая свой космос, он лишь на время выходит из своего творения — и тогда вступает в конфликты, угрюмо молчит или раздраженно досаждает, потому что *«звуков небес заменить не могли... скучные песни земли»*.

Литературная критика и по сей день судит о Лермонтове, прежде всего, как о продолжателе Пушкина: тут и «Кавказский пленник», и стихотворные размеры, строфы и строки. Право же, о таком продолжательстве допустимо говорить, когда и вовсе нечего сказать. Ведь только литературные шизофреники никого не продолжают, оставаясь каждый сам по себе непревзойденным классиком. А уж если с кем и связывать Лермонтова, так это с Гоголем. Иногда так представляется, что нет в русской литературной классике более родственных натур, чем Гоголь и Лермонтов. Только один пришел к завершению, другой — сражен на полпути.

* * *

Напряженное созидание, вера и сомнения, падения и поиски до последнего часа — таково мятущееся достоинство творческой личности, даже если эта личность гениальна. Гений — творец, стихийно он и подражает Творцу. От сотворения мира духовное творчество не прекращает-

ся — а иначе и жизнь, воссозданная волей Всевышнего, омертвеет. Человек потому и сотворен по образу и подобию Божию, чтобы продолжать и возвеличивать творение Бога. Творческая личность, прежде всего, духовная личность — и творчество ее должно рассматриваться и оцениваться непременно с позиций духовно-нравственного начала, что и является базовым в обществе здравомыслящих людей.

Просматриваются три типа творческой личности: первые приходят к Божественному или духовному завершению /исходу/; вторые — соблазняются, завершая свой путь нередко богоборчеством или нравственным помешательством; третьи не успевают завершить predetermined пути. Ограничиваясь количественно, к первым можно отнести Пушкина, Гоголя, Достоевского; ко вторым — Белинского, Л. Толстого, Маяковского; к третьим — Лермонтова, Чехова, Есенина.

Иногда мы забываем, не помним или вовсе не подозреваем, что имеем дело с творцами, которым от Бога дана способность созидать. Мир вокруг человека и сам человек призваны совершенствоваться — и не малая роль в этом отводится писателю, поэту, творцу. В идеале, одаренный словом человек должен бы завершать земную жизнь святым, каковыми ее завершили святители Игнатий (Брянчанинов), Иннокентий (Борисов), Феофан (Говоров). Но грешен мир, грешен человек — и не так-то просто одолеть греховность в миру.

С чем приходит творец к исходу, до какого уровня духовности и мастерства поднимается, к чему подвигает других, что оставляет в наследство и что необходимо воспринять из этого наследства нам, современникам и потомкам? — вот условный ряд первоочередных вопросов для рассмотрения литературной критикой.

* * *

Гений — вечный творец. И творчество гения — не самоцель, а средство для совершенствования мира и человека. Вот какая ответственность возложена и на поэта.

Взгляните на классиков литературы XIX века — какое напряжение в плену человеческой ярмарки! И в ярмарке этой вряд ли кто из них в процессе созидания не впадал в сомнения, не срывался в пропасть — даже атеизма, как это случилось в Молдавии с Пушкиным... А уж о демократах и Толстом и говорить не приходится.

Созидая, поэт проникает всюду, ему до всего есть дело; и не просто проникает — стремится всюду вжиться, все пережить. Надрывы и падения, разочарования и утраты — все через себя, через свое ранимое сердце... Случается, из чрезмерного преклонения говорят о святости отдельных писателей, поэтов, творцов. Это глубокое заблуждение. Творец в миру — никогда не был святым и никогда таковым не будет. И замечательно выразила Ахматова: *«Когда б вы знали, из какого сора...»*. Писатель — дитя грешное, ибо он весь мирской грех вбирает в себя, несет в себе, чтобы познать и раскрыть его, тем самым разоблачить; он сгорает на мирском огне, и лишь единицы выходят из этого огня очищенными как золото.

Такой вот видится творческая личность. И критик-литературовед призван растолковать и духовную личность поэта, и воссозданный им космос; призван раскрыть то, чего читатель раскрыть самостоятельно не может. Не

технология стихосложения, а душа творений взывает к нам — и следует четко обозначать, к чему и куда ведет творец своего читателя... Заметим на будущее, что при оценке произведений нельзя совмещать художественное решение темы, художественный прием, и авторскую идею — первое лишь средство, второе — цель.

* * *

А теперь буквально несколько слов о Гоголе и Лермонтове. Дело в том, что в основу их становления, следовательно, и творчества была положена здоровая христианская вера — они с детства воспитывались в Православии, о чем говорят и биографические сведения.

Гоголь писал молитвы в прозе, Лермонтов — в стихах. Гоголя не понимали и даже извращали, Лермонтова — тоже. Уныние и страдания Гоголя свойственны и Лермонтову. Гоголь склонен был к игре, к своеобразному юродствованию, Лермонтов — тоже играл. Гоголь понял в конце концов, что не все из написанного достойно опубликования, понимал это и Лермонтов, когда говорил о невозможности опубликования ранних своих стихов. Поэту не хватило «Выбранных мест...», чтобы четко раз и навсегда утвердить для будущего свое мировосприятие... Фигурально же говоря, работали они в одном космосе.

2.

Критика XIX века отнеслась к творчеству Лермонтова весьма благоклонно. И в этом значительная заслуга принадлежала Белинскому — как и у Гоголя до «Выбранных мест...». А в общем критика как будто терялась — по крайней мере первые полвека после смерти поэта: и молитвы, и с демоном заигрывает и даже олицетворяет его. Не было достойной критики, достойного исследования — и до сих пор нет... Так продолжалось до появления новых критиков, из которых особенно следует остановиться, конечно же, на Вл. Соловьеве.

Не знаю, ради каких «гусей» была написана статья «Лермонтов», но сделана она ловко. Даже можно решить — убедительно. Хотя изначально приемы использовались не совсем достойные. Так автор в первой же фразе без оговорок навешивает ярлык: *«Я вижу в Лермонтове прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которые для краткости можно назвать «ницшеанством», — ярлык авансом. А далее автор ловко обыгрывает подходящие и неподходящие акварели, то есть следствия. Не согласен — опровергай! Только ведь такие ярлыки не смываются, и уж тем более, когда заигран демонизм.*

«Лермонтов несомненно был гениален, т.е. человек, уже от рождения близкий к сверхчеловеку...» — Сразу и отметим, что очень уж хлопочет Соловьев о *«сверхчеловеке»* и *«сверхчеловечестве»*. Иногда трудно даже уяснить — то ли это категория Ницше, то ли Соловьева: автор играет понятиями, а применительно к Лермонтову тем более — то сверхчеловек демонический, то божественный. — *«Ни у одного из русских поэтов нет такой силы личного самочувствия, как у Лермонтова...он любил главным образом лишь собственное любовное состояние...»* — Поэтому личность гения

и воплощается в его творения, и обвинять в этом поэта нелепо. Таким его и следует принимать, из этого исходить при критическом разборе. — *«Это одиночество и пустыньность напряженной и в себе сосредоточенной личной силы, не находящей себе достаточного удовлетворяющего ее применения, есть первая основная черта лермонтовской поэзии и жизни... Вторая, тоже от западных его родичей унаследованная <...> способность пророческая; и если Лермонтов не был ни пророком <...> ни таким прорицателем, как его предок Фома Рифмач, то лишь потому, что*

*Дума (портрет Лермонтова).
Л.О. Пастернак. Сепия. 1891*

он не давал этой своей способности никакого объективного применения..» — Вот две «основных черты» поэта, и обе по воле Соловьева унаследованы от Фомы Рифмача, шотландца XIII века. Не слишком ли далеко? Но ведь натяжка для того, чтобы убедить в демонизме — у него, мол, в крови, в генах. Единственный, пожалуй, случай в литературе, когда вот так обосновывается предпосылка в оценке гения. Но зато какова критическая вязь философа: *«Ясно, что эти две черты лермонтовского самочувствия прямо вытекают из <...> его мизантропи[и]...»* — Вот и развернулся ярлык — **человеконенавистничество, демонизм, предтеча Ницше**. И опять же из «второго зрения», из «чародейства» истекает дар пророчества. А почему бы не иначе: окажись Лермонтов в монастыре, на службе у Бога, появился бы в XIX веке еще святой, православный подвижник, пророк. Нет, из «чародейства». — Заданный суд. А это уже не литературная критика. — *«С ранних лет, ощутив в себе силу гения, Лермонтов принял ее только как право, а не как обязанность, как привилегию, а не как службу. Он думал, что его гениальность уполномочила его требовать от людей и от Бога всего, что ему хочется»*. — Только это ведь сказано от ума, от умствования издалека. Что ж, повторим: гениальность Лермонтова от Бога, а не от Фомы Рифмача. Нельзя же путать Божий дар с яичницей.

Плохо обошелся гений с собой, загубит себя — *«...попусту сжег и закопал в прах и тлен то, что было ему дано (Кем? — Б.С.) для великого подъема как могучему вождю людей на пути к сверхчеловечеству?»* — Обратите внимание на «критическую вязь»: — Но как же он мог кого-нибудь поднимать, когда сам не поднялся?» — В данном случае «сверхчеловечество» — продукт изыскания Философа. Соловьев лепит модель, подходящую для собственных рассуждений. — *«А если ты чувствуешь, что оно (злое*

начало. — Б.С.) настолько сильнее тебя, что ты даже бороться с ним отказываешься, то признай свое бессилие, признай себя простым смертным, хотя и гениально одаренным». — И Соловьев цитирует цепочку стихов на тему «демон» и комментирует: «Все эти описания лермонтовского демона можно бы принять за пустые Фантазии талантливого мальчика, если бы не было известно <...> что уже с детства <...> рядом с самыми симпатичными проявлениями души чувствительной и нежной, обнаруживались у него резкие черты злобы, прямо демонической». — Опровергать бессмысленно, потому что доводы исходят из непонимания художественных приемов поэта. Хотя можно бы и иначе оценить гениального ребенка, который в три года потерял мать, а затем фактически и отца. А бабушка, чтобы восполнить утраты, воспитывала из сироты баловня — порочная вседозволенность. Но гениальный ребенок уже пережил ад утраты и воздавал за пережитое.

«В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усытая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный камень сбивал с ног бедную курицу», — воспроизводит Соловьев и делает далеко идущие выводы: — Кто из больших и малых не делает волей и неволей всякого зла и цветам, и мухам, и курицам, и людям? Но все, я думаю, согласны, что услаждаться деланием зла есть уже черта нечеловеческая. Это демоническое сладострастие не оставляло Лермонтова до горького конца; ведь и последняя трагедия произошла оттого, что удовольствие Лермонтова терзать слабые создания встретило, вместо барышни, brave майора Мартынова как роковое орудие кары». — Злая наивность! Здесь уже текст говорит сам за себя. Зато далее следуют страницы прямо циничного обвинения и содержания. И невольно приходит догадка: уж не лицо ли это автора статьи с его метаниями от православия к католицизму, с его погоней за голосами — сначала в Европу, затем на Ближний Восток?.. Ведь Соловьев доходит до неприличного: «...тогда как порнографическая муза Лермонтова — словно лягушка погрузившаяся и прочно засевшая в тине». — Конечно же, во всех нас в различной мере обитает демон, да и понять столь неразборчивую ненависть Соловьева трудно, если обходиться без демонизма.

И как подтверждение торжеству зла — «Герой нашего времени», «Валерик» и последняя редакция «Демона». — «Герой этой поэмы (повести «Демон» — Б.С.) есть тот же главный демон самого Лермонтова — демон гордости, которого мы видели в ранних стихотворениях». — Следовательно, заметим на всякий случай, для памяти: достаточно рассмотреть «Демона», чтобы воспринять или отвергнуть «демонизм Лермонтова». Тем более, что Соловьев отмечает в поэме «великолепие стихов» и «замечательность замысла». — «...увлечение сынов Божиих красотой дочерей человеческих есть падение, но для демонизма это есть начало возрождения». — Очень поучительно и кстати замечено. С этого и надо бы начинать. Демон — олицетворение человеческого зла — ступает на путь возрождения, не сознавая, что Красота — категория божественная, относящаяся непосредственно и к демону, и к человеку. Ибо Красота — это путь к Идеалу, т.е. к Богу... Но из страсти ничего доброго не вышло. Природа зла одолевает, потому что не произошло раскаяния, следовательно, начало возрождения — на лжи.

«Итак, натянутое и ухищренное оправдание демонизма в теории (?), а для практики принцип фатализма, — вот к чему пришел Лермонтов перед своим трагическим концом... Фатализм Лермонтова покрывал только его дурные пути». — Соловьев находит *«оправдание демонизма»* там, где фактически предстает «демон побежденный». Дуэль представлена фаталистическим экспериментом. — *«На дуэли Лермонтов вел себя с благородством, — он не стрелял в своего противника, — но по существу это был безумный вызов высшим силам».* — Интересно, каким же это силам? Заметим: Пушкин стрелял — и за это был осужден Соловьевым, Лермонтов не стрелял — тоже осуждение. А если это не фатализм, не эксперимент, а элементарное нежелание убивать человека из-за ерунды? Но такой вариант даже не допускается к рассмотрению.

«Если жизненный путь продолжается за гробом, то, очевидно, он может продолжаться только с той степени, на которой остановился. А мы знаем, что, как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, так же низка была его степень нравственного усовершенствования». — И все-таки остановился Лермонтов на высоконравственной степени — он не стрелял в человека, именно в которого, возможно, и вошел демон.

Мне кажется, что в статье проявился прежде всего эгоизм самого автора, тщеславие и зависть. Можно и так сказать: философ заигрался. И все-таки, скорее, это была попытка вторичного убийства Лермонтова — с Пушкиным подобным образом справиться не удалось (см. статью Вл. Соловьева «Судьба Пушкина»). В случае с Лермонтовым легче — здесь замешано на демонизме... Статья оказалась такой, что в дальнейшем критика XX века уже не могла перешагнуть через нее. Однако, как искони замечено: нет худа без добра. Именно после этой статьи критика откровенно размежевалась — началась открытая борьба за Лермонтова.

3.

Вот и посмотрим на «Демона», как на выражение *«лермонтовского демонизма»*.

Тему повести можно и так обозначить: сети искушения и зла. Содержание не сложное и даже по-своему расхожее. Юная грузинка (Тамара) — воплощение любви, добра и красоты — сосватана, жених спешит, жених в дороге, однако он нарушил «обычай прадедов своих» — не помолился в чтимой всеми часовне, что на пути, — и наказание последовало незамедлительно. Караван попал в засаду; конь вынес, но «злая пуля осетина» настигла жениха... Невеста в отчаянии. Но уже вскоре ее начинают одолевать искушения. Сознывая свою незащищенность, Тамара уговаривает родителей отпустить ее в монастырь, где она надеется быть под защитой Спасителя. Однако и в святой обители искушитель преследует. И час падения — ее последний на земле час...

Как же подстучить к такой теме? Как в нехитрое содержание вложить творческий гений, чтобы повесть стала произведением вечного искусства, достоянием всеобщей культуры? — Это главная для поэта задача.

В том-то и гениальность, что Лермонтов прозрел, увидел космическое решение темы.

Во все годы своего творчества поэт находил и обновлял темы добра и зла, привлекая при этом и обитателей иных миров. Достаточно вспомнить стихи «Ангел» (1831) и «Мой демон» (1829, 1831). Хотя это лишь проба, подступ к теме (в то же время уже идет работа над «Демоном»): если в «Ангеле» наличествует некоторое движение, естественное действие, то в стихах «Мой демон» — лишь описательная характеристика бытующего на земле абсолютного зла... Это путь. Зато в повести «Демон» — решение уже совсем иное: космическое, созидательное.

Поначалу автору, наверно, был необходим дополнительный взгляд, со стороны, извне. Монтаж двойного, тройного видения в художественном произведении обычно впечатляет. Автономный, земной вариант не годится — на занижение. Земля предлагала по-земному возвышенные Любовь, Добро и Красоту, и ничего лучшего к этому, наверно, не могло оказаться, как прямое общение носителей добра и зла: Ангел и демон — вот это и стало художественным торжеством. Так, возможно, поступил бы Байрон, так поступил Лермонтов.

Итак, художественное решение было найдено. Но предстояло нелегкое воплощение — обитателей иных измерений необходимо было сделать видимыми и говорящими языком земли, то есть соединить нематериальное с материальным. Задача в общем-то неразрешимая. Потому, наверно, Ангел и демон в повести так и остались как бы недоговоренными, схематичными, на грани. Казалось бы, можно дать свободное развитие, но тогда потусторонние силы вовсе материализуются. Смахивает же на пушкинского Дон Гуана лермонтовский демон, когда прохаживается под окнами кельи Тамары — только гитары и не хватает! Но и отстраняться от земли рискованно — можно утратить силу земного образа. Это был, пожалуй, наиболее трудный момент в работе. Ведь если взять даже Мефистофеля Гете, то он весь на земле и держится лишь на изобразительных средствах...

Литературоведение революционных демократов и соцреализма представляли искусство как отражение действительности. С одной стороны такая прямолинейность отучала от поиска и созидания, от обновления искусства, сводя нередко творчество к механическому воспроизведению; с другой стороны — порождало ответные крайности в форме всевозможного авангардизма, как вызов догме. За последние два века мы многое обрели, но многое и утратили, к примеру, созидательное, космическое понимание искусства.

Искусство не богаче жизни, но оно не может быть, не должно быть, только слепком земной реальности — без приложения творческого, художественного восполнения или воссоздания.

Искусство концентрированное потока жизни; и как уже отмечалось — художник творец, он продолжает творческий процесс, олицетворяет космос, тем самым наследуя и обогащая Божие творение. Творческий процесс не поддается контролю даже свыше — свобода воли и выбора остаются неизменными. Высокое слово, высокое искусство, не только отображает или воспроизводит земное, но нередко созидает и то, что в общественной жизни еще когда-то будет, а возможно, и вовсе не будет, потому что это и личностный мир, личностное мирозерцание, личностное творение. Отсюда естественным образом вытекает и пророчество художника, творца космоса.

И проявляется пророческий дар настолько естественно, что поэту и не обязательно напряженно философствовать, поэту необходимо лишь вдохновение — и он без раздумий изречет:

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет...*

И это не подачка со стола земли, а порождение нового космоса — космическое мышление. Порождения такие зачастую и вовсе не совпадают с земными представлениями, как то было, например, и в творчестве Гоголя («Портрет», «Нос», «Вий» и др.), как это обернулось и с «Демоном» Лермонтова, а позднее проявилось в творчестве Достоевского, Лескова, Булгакова... И бесспорно, как уже отмечалось, первичное для творческой личности — религиозно-нравственная основа. От этого зависит и художественный и философско-созерцательный уровень, и степень воздействия на среду людей. И воспринимающий творца и его творения становится сотворцом нового космоса.

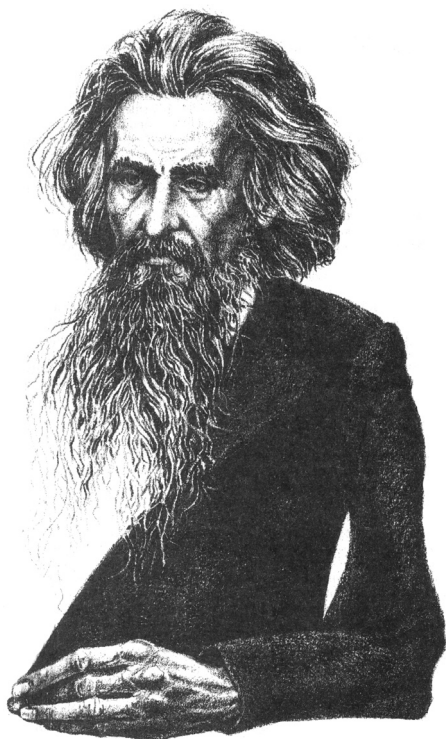
Религиозно-нравственная основа не является достоянием только творческой или гениальной личности, более того — это достояние общественное, поэтому и является **базисом** неповрежденного общества людей. Именно духовно-нравственная насыщенность оплодотворяет творческие личности и народы. Как личность, так и народ может утратить свое бывшее достоинство — и причиной тому утрата духовно-нравственной основы, базиса.

* * *

Прежде чем сказать еще несколько слов о художественном образе демона, уместно будет напомнить, как воспринимает и оценивает демона, скажем, Тамара, в каком содержании сам демон представляет себя, в конце концов каким видит демона критик Соловьев, делая столь демонические выводы.

Л е р м о н т о в: *«Печальный демон, дух изгнания... с печальным взором... с душой, открытой для добра; и мыслит он, что жизни новой пришла желанная пора ...и вновь остался он, надменный, один, как прежде, во вселенной, без упования и любви!»* — Нет, не клеймит поэт носителя абсолютного зла, и этим самым как бы предоставляется «духу изгнания» возможность для возрождения. Однако для Лермонтова абсолютное зло, как это и есть на самом деле, уживается «на грешной земле», в грешниках, так что и возможность возрождения, конечно же, адресуется прежде всего людям, сподвижникам зла.

Т а м а р а: *«Пришлец туманный и немой... то не был Ангел-небожитель... то не был ада дух ужасный... он был похож на вечер ясный — ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!.. Мой друг случайный... О, кто ты? речь твоя опасна! Тебя послал мне ад иль рай? Чего ты хочешь?.. Молчи, не верю я врагу»*. — Надо сказать, что в наземных условиях героиня повести ведет себя мужественно и по-женски искренне, что, кстати, свидетельствует о том, что Лермонтов не только свою, демоническую, любовь признавал. И уже это одно снимает, казалось бы, обоснованные обвинения Соловьева. Только лукавый и закоренелый оболъститель способен был искушить героиню. Особенно следует обратить внимание на средства искушителя. Как Спасителю при искушении дьявол за поклонение ему

В. Соловьёв.
С картины Ю. Селиверстова

предлагает в царство весь мир, так и Тамару демон соблазняет миром, властью — *«И будешь ты царицей мира, подруга первая моя»*. Господь устоял перед соблазном и достойно ответил искустителю: *«...отойди от меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи»* (Мф. 4,10). Могла бы устоять и юная Тамара, но демон использует и другое средство — возможность сострадания, искупления: *«Меня добру и небесам ты возратить могла бы словом. Твоей любви святым покровом одетый, я предстал бы там, как новый Ангел в блеске новом; о! только выслушай, молю; я раб твой, я тебя люблю!»* — Вот ведь что одолеть надо было любящему сердцу! И в какой-то момент наверно Тамара верит в возрождение демона — и соблазняется, хотя до этого она определила его точно: *«...не верю я врагу»*.

А н г е л: *«Дух беспокойный, дух порочный...»*

Д е м о н: *«Я тот, чей взор надежду губит, я тот, кого никто не любит... я царь познания и свободы (Вспомните «вино свободы» в сатире «Пир Асмодея»! — Б.С.), я враг небес, я зло природы... Хочу я с небом примириться, хочу любить, хочу молиться, хочу я веровать добру... В любви, как в злобе, верь, Тамара, я неизменен и велик»*. — И категории-то все человеческие! Демон воссоздает достоверный образ: и лживый, и лукавый и обольстительный во зле — как перестроенный вор в законе, *«неотразимый, как кинжал»*... Однако Лермонтов смягчает его в абсолютной злобе, приземляет, как и Гоголь смягчал адские «хари» в «Мертвых душах», подводя их под человеческие мерки. Ведь иначе мертвящее абсолютное зло оттолкнет — и в нас останется только ужас «черной дыры» — и все. Как лев с ягнёнком играет Демон с Тамарой — и удержать эту игру можно лишь на струнах искренности и доверия. И Лермонтов блестяще справился с этой задачей.

С о л о в ь ё в: *«Итак, — идеализованный демон вовсе уже не тот дух зла, который такими правдивыми (?) чертами был описан в прежних стихотворениях гениального отрока... Демон поэмы не только прекрасен, он до чрезвычайности благороден и, в сущности, вовсе не зол»*. — Заметим, в демоне нет ничего прекрасного — прекрасны стихи поведи! И вовсе не понять, о каком благородстве говорит философ, но тут уж все зависит от личного внутреннего состояния и мировосприятия. Демон смертельно зол — его «благородные» чувства смертельны, как яд, от его «благородства» Тамара и умирает. Не видеть этого, не понимать, значит, или утратить художественное восприятие, или опоясаться недобрым умыслом.

«Когда-то у него произошло какое-то загадочное (?) недоразумение с Всевышним, но он тяготеет этой размолвкой и желает примирения. Случай к этому представляется... Однако возрождения не происходит. После смерти жениха и удаления Тамары в монастырь демон входит к ней, готовый к добру, но видя Ангела, охраняющего ее невинность, воспламеняется ревностью, соблазняет ее, убивает и, не успевши завладеть ее душой, объявляет, что он хотел стать на другой путь, но что ему не дали (?), и с сознанием своего полного права становится уже настоящим демоном». — А как же иначе: игра завершилась — все и возвратилось на круги своя.

Заметим, что желание примирения — земное, ко всему исходит от поэта. Это необходимо для художественного решения темы повести, как и должно при любви к мирскому. И уж вовсе опрометчиво: *«объявляет, что он хотел стать на другой путь, но что ему не дали»*. — Такого у Лермонтова в повести нет! Кроме проклятий ничего от демона уже не исходит.

«Демон» — художественное произведение. Однако Соловьев даже не попытался проникнуть или заглянуть в творческий космос поэта. Ведь не полноценный же образ потустороннего демона воссоздал поэт, а лишь образ того, что присутствует на земле в похотях зла, в непрестанных искушениях и страстях.

Уточним, что в оценке и характеристике демона, предложенной выше, реально участвуют двое — Лермонтов и Соловьев; и если их доводы и суждения соотнести — философ выглядит надменным, но беспомощным.

Демона человеку не дано познать или хотя бы видеть; абсолютное зло не может проявиться в образном выражении. А любое побуждение к добру даже в мыслях, обернется ложью и злом — такова природа зла:

Увы! Злой дух торжествовал!

И вот с этих позиций, с этой точки зрения доступный или художественный демон, дух зла, воссоздан мастерски. Что же до демона духовного, то он — **побежденный**. Тамара *«любила и страдала»* — этим и побежден дух зла перед Лицом Господа.

Не таково ли и земное, казалось бы, исходящее непосредственно от человека зло? В своей жизни любой из нас наблюдал или пережил нечто подобное любви Демона и Тамары: и клятвы, и прожигающие слезы, а главное — вера своим чувствам, своей лжи, обещающим возрождение. Но увы — до соблазна, после чего — торжество зла. Поведение демона /поэтическое/ соответствует производному поведению (злу) человека. Это и помогает понять изнутри замысел автора, войти в сопереживание и в той или иной мере обрести нравственный потенциал возрождения. И никакого здесь соблазна малым сим, о чем волнуется Соловьев, нет. Напротив, именно в этой повести нравственно Лермонтов возвысился: он раскрывает и показывает зло — оно становится явным; высвечивает беспомощность абсолютного зла, а это уже победа.

*Пред нею снова он стоял,
Но, Боже! — кто б его узнал?*

*Каким смотрел он злобным взглядом.
Как полон был смертельным ядом...*

И когда демон не смог овладеть душой Тамары, когда он видит ее душу в объятиях Ангела, от которого получает и словесную отповедь, тогда и Лермонтов подводит черту:

*И проклял демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упования и любви!..*

И в этом «побежденный» заключается все, ради чего, собственно, и была написана повесть: **разрушительное действие зла на земле — и тщетность перед Господом. Абсолютное зло — это ведь и наказание Божие.**

4.

Думается, слишком уж намеренно обвинял Соловьев поэта в демонизме. Понять это сегодня нетрудно. Ведь со дня опубликования статьи прошло более ста лет. Россия пережила две Мировых войны, революции, более разрушительные, нежели войны; и до сих пор мы переживаем «*черный год*», предсказанный Лермонтовым. Так что в XX веке Россия испытала всю прелесть истинного сатанизма. И в то же самое время поэт Лермонтов стал уже неотделимой частью национального самосознания. Читатели и теперь могут, прочитывая, не понять «Демона», найдутся и такие, которые не поймут и «Песню про купца Калашникова», но зато все они поймут «В минуту жизни трудную» или «Бородино».

И вот в таких, в новых, условиях с какой объективностью мы должны бы воспринять суждения Соловьева, кого осудить или отвергнуть? — следует оговорить, что последнее не входит в наши задачи, но ведь написано со значением:

«...Пушкина в этом случае вдохновлял какой-то игривый бесенок, какой-то шутник-гном, тогда как пером Лермонтова водил настоящий демон нечистоты». — А как же иначе, если «порнографическая Муза»! Но ведь кроме слов зацепистых здесь ничего и нет. На слове еще и задержимся.

Как же осторожно следует обращаться со словом, относиться к слову, употреблять слово. Ведь за каждое из них придется отвечать... Тем более, что в нашем случае время и теперь уже рассудило. Не прижились на нашей почве ни «сверхчеловек», ни «сверхчеловечество» по Ницше и Соловьеву, не прижился и «демонизм Лермонтова», а вот повесть «Демон» прижилась — и это само по себе уже о чем-то говорит. Но не перешагнуть через завалы Соловьева. Философ обвиняет Лермонтова в демонизме и, как видно из статьи, делает это с легкостью. А ведь обвинение нешуточное — попытка вторичного убийства поэта.

И вот что еще очевидно: обвиняя в демонизме, критик даже не затрагивает ту часть творений поэта, где прямо присутствует свет Божий. Но если,

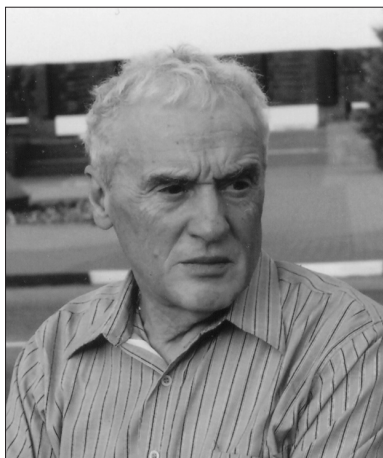
Исповедь Мицри. Л.О. Пастернак. Сепия. 1891

по Соловьеву, демонизм, а для всех очевидно — свет Божий, то наверно следовало бы разобраться в такой несовместимости. Ведь нельзя же служить Богу и сатане одновременно. Если же согласиться с таким родством, значит, поставить под сомнение Божие присутствие в нашей жизни, иными словами — отказаться от Бога... Вот ведь куда уводит лукавый.

Походя критик с иронией говорит, что в наследство поэт оставил «*несколько истинных жемчужин его поэзии*» — и не больше... Однако, как уже отмечалось, литературный критик призван разобраться в том, в чем рядовой читатель разобраться не может. Если же глубокомысленно философствовать, а попутно навешивать ярлыки, на фоне личной праведности обвиняя в грехах других, — такое не для прояснения, но для помрачения, а это уже не литературная критика, скорее, поправление.

* * *

Я не намеревался вступать в полемику по вопросу навешивания на Лермонтова ярлыков «демонизма», не намеревался и доказывать обратную точку зрения, потому что предмет для полемики и доказательств не т: непонимание и искажение не оспаривают, на них лишь указывают — для всего остального человеку даровано Богом разумение.

**Александр
КОРОЛЬКОВ**

АНТИПОД БЕССЕРДЕЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

*Духовно-нравственный
потенциал
русской философии*

Александр Аркадьевич Корольков — родился в 1941 году в Алтайском крае. После школы работал слесарем, в 1965 году окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, зав. кафедрой в РГПУ им. А.И. Герцена, член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Небрежение русской философией, и даже пренебрежение к ней, не иссякают. Недавно появившийся сборник интервью «Кто сегодня делает философию в России» (М., «Поколение», 2007) изобилует презрительными приговорами: «Русская философия за полной банальностью вообще неинтересна» (Галковский).

Составители предоставили страницы А.М. Пятигорскому, который, судя по всему, активно дает интервью на сокровенную тему, по крайней мере, мне довелось познакомиться с его высказываниями в «Литературной России» за 16 июня 2006 года (24, 2260), где он был представлен как «известный российский философ», хотя такой титул редактор приписал явно вопреки воле интервьюируемого. «Никакой русской философии нет», — категорично пригвозждает Пятигорский Россию к столбу безмыслия. Правда, вопреки логике, он в другой фразе утверждает: «Самостоятельных русских философов, кроме Розанова не было». В третьей фразе список расширяется, но при условии, что философы именуются не русскими, а московскими: «Есть ли философы в Москве? Их всего четыре», — так отвечает наш бывший соотечественник, правда, называет из своего тайного списка одного: «Из ныне живущих могу назвать только одного Владимира Калининченка. Это настоящий философ. Прирожденный русский философ». Итак, из трех-четырех фраз выстроилась цепочка от иллюзорности феномена русской философии, через единственного самостоятельного философа Розанова, к единственному прирожденному русскому философу. Правда, из всех рассуждений этого автора нескрываясь выпирает самое бесспорное — истинным философом, не русским, но имевшим отношение к России,

остается лишь Пятигорский. Хотя, пожалуй, и иметь отношение к России он не желает, если обратиться еще к одному диалогу: «Должна ли русская философия быть литературой?» — «Простите, давайте для начала уберем слово «русская», — последовал ответ.

Далекий от философских дискуссий читатель может подумать, что речь идет о клиническом случае русофобии, но с горечью приходится свидетельствовать, что оценки русской философии как периферийной или эфемерной, не столь редки. Неясным в этих оценках остается одно: с какой культурой, или хотя бы территорией соотносят свои писания подобные амбициозные мыслители?

Не иссякло и идеологическое отсечение пластов русской философии. Воспроизведу суждения влиятельных авторов. Во время Российского философского конгресса в мае 2005 года в Москве А.А. Зиновьев прочел лекцию, она опубликована в журнале «Философия образования» (2006, № 2), выходящем в Новосибирске.

Зиновьев, как известно, был выслан из СССР за литературную критику коммунизма, но с не меньшей страстью в последние годы жизни он клеймил и русское православие, именуемое им тоже идеологией. «Православие — это феодальная дореволюционная дремучая средневековая идеология. Каким бы марксизм ни был <...>, тем не менее, эта идеология была на несколько порядков выше с точки зрения образования людей, просвещения»¹.

Зиновьев немало написал сочинений по математической логике, его не заподозришь в алогизмах. Получается, что для него не только Ленин и Сталин, но и марксисты рангом пониже, вроде Марка Борисовича Митина, которого как раз Зиновьев, самый блестящий острослов Института философии АН СССР, называл в свое время «Мрак Борисович», а вот эволюционировал к тому, чтобы считать его «на несколько порядков выше», просвещеннее Ильина, Бердяева, Флоренского, Эрна, Булгакова, Зеньковского, Красавина.

Подытожу затянувшееся цитирование современных воинствующих отрицателей духа русской культуры, неотъемлемой от традиционной религии, созидавшей всю историю нашего отечества, редким по ненавистничеству призывом Ю.И. Семенова, автора монументальной и прочитанной многими в 60-е — 70-е годы XX столетия книги «Как возникло человечество» (М., 1966). Итак, даю без комментариев этот шедевр: «Русская религиозная философия была мертворожденной. Некоторое время она существовала, как упырь на живом теле философской мысли России. В последние годы была предпринята попытка гальванизировать этот труп. Но долго это продолжаться не могло. Чтобы не заражать живых, покойник должен быть похоронен. И чем скорее, тем лучше»².

Существует ли национальная философия, или по определению, по замыслу, по своему месту в совокупности знаний и творчества, философии противопоказано быть национальной, ведь она претендует на постижение предельных оснований бытия?! Если быть последовательным в такой пос-

¹ Зиновьев А.А. Постсоветизм // Философия образования. 2006. № 2. С. 8-9.

² Семенов Ю.И. О русской религиозной философии конца XIX — начала XX века // Философия и общество (научно-теоретический журнал). 1997. № 4. С. 137.

тановке вопроса, то следует усомниться и в персонификации философии. И тем не менее, хорошо известно, что в отличие от науки, которая лишь косвенно и ритуально чтит своих первопроходцев, философия, как и искусство, как и художественная литература — это непременно авторство; нет иной философии, кроме поименно представленной, ибо чтобы прикоснуться к темам философии, надо вновь и вновь открывать Платона, Декарта, Канта, Хайдеггера, Лосева.

Пытались не однажды выразить все существо философии в разнообразии ее проблем, но даже и при таких попытках неизменными оказывались опорные имена: никак не заговорить о логике без Аристотеля и Гегеля, а философская антропология ущербна, если не безжизненна, без Григория Нисского, Макса Шелера или В.И. Несмелова.

Национальный облик философии не всегда ярко выражен, но все-таки не случайно утвердились словосочетания — греческая философия, французский экзистенциализм, американский прагматизм и тому подобные.

Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель с их критицизмом и системосозидательством неотделимы от немецкого духа и культуры. Можно что-то заимствовать из их философии, развивать какие-то сюжеты, но в своей полноте их сочинения могли появиться только в Германии.

Философия персонифицированно выговаривает, прежде всего, национальные проблемы, через них устремляясь к Абсолюту, через них становясь интересной и востребованной для других национальных культур. Немецкий мыслитель В. Шубарт, знаток русской художественной литературы и философии, отмечал: «Можно без преувеличения сказать, что русские имеют самую глубокую по сути и всеобъемлющую национальную идею — идею спасения человечества»³. Эта идея осознана и отражена русскими философами, писателями — от Ф.М. Достоевского до И.А. Ильина и даже А.В. Гулыги.

Когда в 80-е годы, на излете существования большого нераздельного государства — Советского Союза, стало возможным во все большей степени говорить о русской религиозной философии, для меня этот вопрос не был равнозначен возможности изучить и пересказать идеи наших философов прошлого, ибо главный вопрос в другом — возможно ли преемство исканий в русской философской традиции? В 1990 году я пытался несвоевременно предложить на философском факультете Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, где работал четверть века, создание новой *кафедры — русской философии*, подчеркну, именно *русской философии*, а не ее истории только, то есть, чтобы возник коллектив, способный не только комментировать учения, концепции прошлого, но всматриваться в противоречия сегодняшнего бытия, стать самосознанием народа, изувеченного принудительной идеологизацией, отторжением от исторически укоренной веры, развивать темы философии, заявленные русскими мыслителями и существенно ими разработанные.

Такая задача оказалась преждевременной. «После перерыва» (С. Хоружий) не может в одночасье появиться слой философов, подхватить эстафетную палочку русской философии. Даже те, кто смогли общаться с живыми носителями русской мысли, не всегда схватывали в ней самое глубинное,

³ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 194.

сокровенное, а может быть, они оказывались не вполне людьми русской культуры по воспитанию, по мироощущению. Наиболее зримо это обнаружилось в личности В.В. Библихина, на протяжении ряда лет общавшегося с А.Ф. Лосевым, украдкой записывающего беседы с ним и оставившего нам, читателям, это сокровище. Казалось бы, один из образованнейших людей России, прекрасный переводчик, в общении с последним из уцелевших русских религиозных философов XX столетия, неминуемо должен был напитаться духом подлинно русского мышления и мировоззрения. Ничего этого в Библихине обнаружить не удастся. Он не стал и не стремился стать, русским философом, даже в веровании его пригнуло куда-то к католичеству, то есть по меркам XIX века его трудно назвать русским человеком, ибо первым мерилom русскости тогда считали православную воцерковленность. Возможно те, кто лично общался с Библихиным, знают иного Библихина, мне приходится судить о нем по опубликованным трудам, а это не всегда абсолютно верное суждение о человеке.

Мы долго числили, например, Генриха Степановича Батищева в ряду теоретиков материалистической диалектики, и до сих пор он более всего известен своими трудами о диалектических противоречиях и соответствующей логике, о творчестве, о метаморфозах активности человека; немногие знают, что еще в 70-е годы он с сожалением говорил в частных искренних беседах, что Э.В. Ильенков, его учитель, своим талантом реанимировал угасающую силу марксизма, и что в последние годы жизни Батищев осознал себя русским человеком, православным, устремленным к монастырю; при его аскетическом образе жизни такой переход был вполне реален. К сожалению, Г.С. Батищев, обладавший высочайшей философской культурой, не успел сказать свое слово в собственно русских сюжетах философии, хотя дело не только, и не столько в сюжетах, а во внутреннем стержне размышлений: на основе диалектической культуры и нового для себя освоения религиозно-философской литературы он мог шагнуть к такой трактовке творчества, личности, которой не знает европейская традиция философствования.

Русские философы XIX — начала XX веков редко рефлексировали по поводу собственного вклада в философию. Симптоматично, что две яркие статьи о русской философии были написаны для немцев, на немецком языке — это попытки объяснить европейцам особенности русских исканий: «Русская философия» А.Ф. Лосева (1919) и «Сущность и ведущие мотивы русской философии» С.Л. Франка (1925). Если Лосев не страшится говорить о национальных достоинствах отечественной мысли, то Франк, приверженец научной философии, лишь в этой статье для немцев отступает от своей приверженности рационализму. Приходится оговаривать это обстоятельство, так как в других работах, особенно в полемике с Эрном, верх берут его рационалистически-европейские привязанности. «Статья Эрна, — писал он, — сплошной панегирик русской философской мысли... Такого огульного и безмерного национального самомнения в области философии нам до сих пор не приходилось встречать»⁴.

«Национальное самомнение» Эрна (Арефьева Владимира Гавриловича) проявилось, если прочитать его статью, в том, что он противопоставил *ра-*

⁴ Франк С.Л. О национализме в философии // Русской мировоззрение. СПб., 1996. С. 104.

цию западной философии и *логос* русской философии, обоснованно, как доказано многими исследователями за истекшие десятилетия, соотнося русскую философию с греческой; русский *логос* у Эрн троичен: космический, дискурсивно-логический и божественный, в то время как западная мысль из этой троицы сохраняет лишь дискурсивно-логический компонент.

С.Л. Франк желает оценить русскую философию мерками европейского научно-рационалистического мышления, но это желание не реализуется у него последовательно. Пытаясь отыскать прообразы европейской философии в России, он обращается к сочинениям Льва Лопатина «Положительные задачи философии», хотя не удовлетворяется вполне им и поясняет: «Но лишь с работы Николая Лосского «Обоснование интуитивизма» (1905) возникает специфически русская научно-систематическая философская школа, которая, может быть, позднее, превратится в своеобразный эталон для русской научно-философской традиции»⁵.

В то же время, прекрасно зная о вненаучных формах философствования не только Шопенгауэра и Ницше, но Сократа и Платона, Франк допускает и в русском исполнении вненаучные вольности. «Собственной формой русского философского творчества выступает свободно написанная статья, которая крайне редко посвящена какой-то определенной философской теме <...> и затрагивает глубокие и важные мировоззренческие вопросы»⁶. В то же время, Франк, обозревая поле метафизических исканий русских мыслителей (писателей, богословов, а не только тех, кого бесспорно он мог бы отнести к профессиональным философам), приходит к обоснованному выводу о том, что «главным содержанием русского философского мышления является религиозная этика»⁷, в которой добро превращается в онтологическую сущность мира, последнюю требуется не только постигнуть, но ей покориться, то есть речь идет о религиозной онтологии, совпадающей с внутренним содержанием жизненных устремлений нации.

От такой постановки вопроса — совсем короткий шаг к констатации фундаментального вклада русской философии в нравственно-духовную проблематику человечества. Духовная жизнь личности, нации, человечества — не менее значима для философских размышлений, чем все иные, признанные бесспорно философскими вопросы.

«Самая плоть русской души уже пронизана зачатками духовности»⁸, — проницательно отмечал В.Ф. Эрн, — Россия — страна величайшего напряжения духовной жизни»⁹. Это величайшее напряжение духовной жизни не могло не отразиться в вершинных достижениях русской философии, которую И.В. Киреевский обоснованно назвал духовной философией.

Пристальное внимание к духовности, к духовной жизни личности и народа пронизывает все поиски русской мысли, в какой бы форме она ни выражала себя — в форме ли собственно рефлексии, в форме ли богословско-философских сочинений (как это часто было у Флоренского, Флоровского,

⁵ Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Русской мировоззрение. СПб., 1996. С. 150.

⁶ Франк С.Л. Там же. С. 151.

⁷ Франк С.Л. Там же. С. 152.

⁸ Эрн В.Ф. Время славянофильствует // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1992. С. 386.

⁹ Эрн В.Ф. Там же. С. 383.

Ильина, Булгакова и др.), или же в литературно-художественных жанрах. Духовно-нравственные искания высшего назначения человека, постижение абсолютных координат человеческого бытия, эти задачи и задания русской философии, определившиеся историческими особенностями ее культуры, становятся все более востребованными в мире, ибо разрастающийся утилитаризм, кризис идеальных оснований национальных культур побуждает искать пути сохранения духовности¹⁰. Бессердечная культура, о гибели которой много писал И.А. Ильин, не может быть вытеснена без человеческих усилий, а усилия эти станут осмысленными, если взоры обратятся к антиподу бессердечной культуры — русской философии.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

¹⁰ Подробнее об особенностях русской философии: *Корольков А.А.* Духовный смысл русской культуры. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2006.

ПОЭЗИЯ

МУЗЫ РОССИИ

*Когда пушки стреляют,
Музы молчат.*

Валентина АЛЕКСЕЕВА

«РОССИЯ — ЭТО МЫ С ТОБОЙ»

Валентина Александровна Алексеева — родилась в г. Шадринске Курганской обл. Окончила Псковский индустриальный техникум. Работала инженером-конструктором на заводе, оператором газовой котельной. Член Союза писателей России, прозаик, поэт. Публиковалась в журналах «Нева», «Молодая Гвардия», «Север», «Русская провинция», «Бежин луг», «Наш современник», в газетах «Литературная Россия», «Гудок», в литературных сборниках и альманахах. Издала шесть книг. **Живет в Пскове.**

Таков исторический опыт:
Коль пушки усердно палят,
Пугливые музы Европы
Стихают под гул канонад.

Но странно: лишь стоит насилью
Жестоко взвести курок,
Слетаются музы в Россию,
Как бабочки на огонек.

Какая такая приманка
На русской земле? В чем секрет,
Что даже конструкторы танков
Рождают поэтов на свет?

Гремит «бэтээр» на ухабах,
Снарядами пушки плюют,
И музы, как русские бабы,
На крыльях Россию несут.

* * *

Ветра над Ладогой, над Доном...
Простор да высь, куда ни глянь.
Россия — это не McDonalds.
Россия — Тула да Рязань.

Вся перепаханная танками,
Какую пядь земли ни тронь,
Россия — это не Останкино.
Россия — Порхов да Гверздонь.

Хлеб-соль да ласка — иноверцам,
А для своих — лишь пуд проблем.
Москва — она, конечно, сердце,
Да ожиревшее совсем.

Но нам ли гнуться под ударом,
Коль ухать с кручи не впервой...
Россия — не Чубайс с Гайдаром.
Россия — это мы с тобой.

* * *

Перрон, вокзал. Я снова дома.
Мой Псков, зеленый и седой,
Весь до балкончика знакомый,
Весь до кирпичика родной.

Быть может лучше есть на свете
Края, где вечная весна,
Я ж прикипела к стенам этим,
Я в эти улицы выросла.

Пусть упрекнут в идеализме,
Но в вашей мне тепло толпе,
Мои попутчики по жизни,
Мои соседи по судьбе.

КОНДУКТОРША

Она царит в салоне величаво,
Хоть горек этот ей собачий труд.
И красоты ее не замечает
Измученный усталый русский люд.

Да и сама она давно забыла,
Что лик прекрасный подарил ей Бог.
И материт подвыпивший верзила
Ее в пыли и грохоте дорог.

Ползет мороз из проржавелой двери,
Пока она отсчитывает медь.

Ее на трон бы!
В бархаты и перья.
Пред ней главу склонив, благоговеть....

Ночей не спать
в томительных мечтаньях
Под шелест поэтических страниц,
И под ноги бросать ей состоянья,
И взгляд ее ловить из-под ресниц...

Но в полусне тупой духовной лени
Мы водку жрем у бездны на краю.
Россия, Русь, как ты себя не ценишь...
Ни ширь, ни высь, ни женщину свою.

* * *

В этом мире железа и грохота,
В клочкотании вечных проблем
Я пыталась поладить с эпохой,
Я старалась понравиться всем,

Я прилежной была ученицею,
Не щадила здоровья и сил,
И платила судьба мне сторицею:
Песни пелись, и муж любил.

Но растаяла молодость пылкая,
Облетела пылью красота —
И стоят на пороге с ухмылкой
Нищета, суета и тщета.

И сейчас, в дни духовной стужи,
В суматохе пустых затей,
Ощущаю себя все ненужнее,
Все ненужнее для людей.

Только чувствую вдруг заботу
Чью-то в сумраке тяжелого дня.
Беспредельно высокий Кто-то
Почему-то любит меня.

Недостойную, бестолковую,
Растерявшуюся совсем,
Не оставь, не оставь меня, Господи,
Во взбесившемся мире сем.

* * *

Кончался год, кончался век,
Устав от бедствий.
И тихо-тихо падал снег,
И тихо-тихо падал снег,
Совсем как в детстве.

Как лебедь белый, легкокрыл,
И тепл как будто,
Он землю грязную укрыв,
Он землю мерзлую укрыв,
В метель укутал.

И позабыв про скорый бег
Причин и следствий,
Была возвышенно нежна
Душа твоя обнажена.
Совсем как в детстве.

И мысль, бесстрашна и важна
В печали строгой,
Что ты, прекрасна и нежна,

Ты никому здесь не нужна,
Лишь только Богу,

Шел одинокий человек,
Вон след оставлен.
И тихо-тихо падал снег,
И тихо-тихо падал снег,
Как в детстве давнем.

* * *

Ну что приуныли, братцы,
Иль под гору тошен путь?
Попробуем разобраться
И в души свои заглянуть.

Под шелест зеленых пачек,
Под звоны чужих монет
Ну вспомним же: нас богаче
На свете народа нет.

Ведь мы же с тобой, ровесник,
С гитарой у костра
Про Марс пели славные песни,
Мечтали вздохнуть до утра.

Так выше головы, люди!
Что попусту горевать?
Никто за нас с вами не будет
Россию с колен поднимать.

* * *

Любить узоры хохломские
И Гжель, нежнее облаков,
И вологодско-кружевные
Подзоры канувших веков,
Гордиться доблестью и славою
Под звон и блеск золотых наград,
Любить всесильнейшей державы
На Красной площади парад.

Любить в увечьях и морщинах,
Любить с клюкою и сумой,
И безлошадной, и в машинах,
И под крестом, и под звездой.
Тебя, ограбленную всеми
И все ж способную дарить,
Тебя, униженную всеми,
Любить,

любить,

любить,

любить.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Филипп КАЗИН

ПОСЛЕ ПРИЗНАНИЯ

*Варианты дальнейшей
политики России
в отношении Южной
Осетии и Абхазии*

Филипп Александрович Казин — родился в 1976 г. Кандидат исторических наук, преподаватель факультета философии и политологии СПбГУ. Автор статей по проблематике постсоветского пространства, отношений России с ЕС, российской внутренней политики и русского национального сознания, политологии СМИ. Живет в Санкт-Петербурге.

Зададимся вопросом — почему Запад так беспрецедентно яростен в бичевании России за ее действия в Абхазии и Южной Осетии? Что ему особенно не нравится? Чего он больше всего боится? Ответ таков: Россия своими действиями на Кавказе фактически поставила под сомнение самопровозглашенное право Запада на легитимное насилие в мировой политике. До 8 августа 2008 года только США и их союзники могли использовать армию и флот в гуманитарных целях за пределами национальных границ. Проще говоря, когда Запад кого-то бил, это было хорошо, а когда не-Запад — плохо.

Россия наказала агрессора, но вопреки воле гегемона. А это уже серьезно! Легитимное насилие — это ключевой атрибут власти. Только властелин может применять силу **по праву**. Если кто-то другой, то это — бунт, переворот, революция. Именно поэтому Запад столь истеричен. Россия фактически бросила вызов новому мировому порядку 90-ых годов, заявив: защиты и помощи достойны все народы, вне зависимости от степени лояльности их лидеров американским геополитическим интересам.

Теперь задача России состоит в закреплении таких политических итогов принуждения Грузии к миру, которые обеспечат безопасность, стабильность и учет российских интересов не только на Кавказе, но и на всем постсоветском пространстве. Первые шаги в этом направлении уже сделаны — сформулированы российско-французские принципы урегулирования конфликта, признана независимость Южной Осетии и Абхазии, получена поддержка ШОС и т.д. Но этого мало. Необходимо окончательно определиться с выгодным для нас дальнейшим статусом Южной Осетии и Абхазии. Какие

Осетия и Абхазия нужны России — независимые или входящие в состав России (и на каких условиях)? Подчеркну еще раз — Россия должна решить, что выгодно именно ей, а не Южной Осетии и Абхазии. Определенная и ясная позиция по этому вопросу должна стать результатом консенсуса не только политической элиты, но и всего российского общества.

Варианты развития ситуации

Рассмотрим весь спектр возможных вариантов решения вопроса по статусу Южной Осетии и Абхазии:

1. Сохранение независимости ЮО и Абхазии. Признание Западом их независимого статуса (Косовская модель).

2. Сохранение независимости ЮО и Абхазии. Отсутствие признания странами Запада и другими ведущими державами мира, кроме России (модель Северного Кипра).

3. Вхождение ЮО в состав России в качестве составной части Северной Осетии.

4. Вхождение ЮО в состав России на правах субъекта федерации.

5. Возвращение ЮО в состав Грузии (конфедеративная модель).

Первый вариант сегодня представляется невозможным, т.к. признание Западом независимости ЮО и Абхазии поставит крест на всей геополитической стратегии Вашингтона на Кавказе в течение последних 15-20 лет. Нет никаких оснований рассчитывать на изменение данной стратегии. Реакция Запада на последние действия России является лишним тому подтверждением. Что касается Южной Осетии, то проект с независимостью представляется еще и мало реализуемым. ЮО не является самостоятельной территорией ни в экономическом, ни в политическом, ни в социальном плане. Это прекрасно понимают сами лидеры ЮО. Именно поэтому их стратегия состоит в присоединении к России на правах субъекта федерации или части Северной Осетии. Абхазия, напротив имеет прекрасный потенциал развития в качестве независимого государства (черноморские курорты, сельское хозяйство, транспортный транзит и т.д.). Сухуми вероятнее всего ориентируется на модель Северного Кипра, т.к. не рассчитывает на признание своей независимости какой-либо из стран Запада в ближайшей обозримой перспективе.

Модель Северного Кипра представляется самой выгодной не только для Абхазии, но и для России (если исключить первый вариант). Чтобы понять его суть, необходимо сказать несколько слов о территории под названием Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК) — государства, непризнанного никем, кроме Турции, Азербайджана и ... Абхазии. (Этот факт, кстати, объясняет почему Турция заняла столь особую (почти промосковскую) позицию в текущем конфликте).

В 1960 году было создано государство — Республика Кипр, получившая независимость от Великобритании. Греческой и турецкой общинам были предоставлены равные возможности участия в управлении новым государством. В 1963 году разразился межобщинный конфликт и конституционный кризис, в результате которого правительство Кипра распалось. Начался конфликт между греками и турками-киприотами. Турки-киприоты лишились правительственных постов. С продолжением конфликта турки-

киприоты, проживавшие в сельских районах, оказались блокированы греками в местах компактного проживания. Такое положение длилось 11 лет, до раздела острова. В этот период между общинами происходили многочисленные конфликты. Несколько раз это приводило к тому, что Турция и Греция оказывались на грани войны. В июле 1974 при поддержке греческой военной хунты на острове произошёл военный переворот. В качестве ответной меры в соответствии с Договором 1960 года на Кипр были введены турецкие войска. Фактически, силовая акция привела к разделу острова на Север, контролируемый турками-киприотами, и Юг, контролируемый греками-киприотами. После 8 лет переговоров с Республикой Кипр Северный Кипр объявил о своей независимости в 1983 году. Новое государство стало называться Турецкой Республикой Северного Кипра.

Из-за своего статуса Северный Кипр сильно зависит от военной и экономической помощи Турции. В качестве валюты там используется новая турецкая лира. Любой самолёт, направляющийся на Северный Кипр, должен сначала приземлиться либо в Турции, либо в Азербайджане. Морские порты Северного Кипра объявлены Республикой Кипр закрытыми для всех судов. Турция игнорирует данное заявление. В экономике Северного Кипра доминирует сектор обслуживания, существуют также сельское хозяйство и лёгкая промышленность. Несмотря на трудности, местная экономика демонстрирует в последние годы впечатляющий рост, во многом обеспеченный стабильностью лиры, и бумом в секторах образования и строительства. Экономика ТРСК зависит от помощи Турции. В 2003-2006 годах было получено 550 млн. долларов. Количество иностранных туристов, посетивших ТРСК измеряется сотнями тысяч в год.

Турецкая Республика Северного Кипра содержит Силы Безопасности Турецкого Кипра (СБТК) численностью 5 тысяч человек. СБТК легко вооружены, и сильно зависят от помощи Турции, поставляющей также львиную долю офицерских кадров. СБТК возглавляются бригадным генералом армии Турции, и выполняют роль внутренних войск и пограничной охраны. В дополнение к ним, на Северном Кипре дислоцированы силы двух дивизий армии Турции (30-40 тысяч человек), официально называемые Миротворческими Силами Турецкого Кипра. Сохраняется также присутствие ВВС, ВМФ и Береговой Охраны Турции.

Чем этот вариант интересен для Абхазии и России? Он дает возможность фактически закрепить статус-кво в Абхазии — упрочить независимость (этого хочет абхазская элита), оставить в Абхазии российские войска и сохранить влияние (этого хочет Кремль), получить пространство для политического маневра по вопросу о статусе (это хотят все — даже Запад и Грузия). Подчеркну еще раз: Абхазия, именно потому, не будучи суверенным государством, признала Северный Кипр, что считает данную модель подходящей для себя. Турция, в свою очередь, не испытывает никаких проблем от того, что, кроме нее, никто из стран Запада Северный Кипр не признал. Де-факто все получают то, что хотят: Турция — прекрасный курорт, выгодное стратегическое положение и самоудовлетворение, турки-киприоты — защиту от Греции. Факт непризнания международным сообществом никоим образом не волнует. Собака лает, караван идет.

Для Южной Осетии наиболее реалистичным вариантом дальнейшего существования является третий сценарий. Однако он не лишен ряда сложнос-

тей: *Первый*. Власть в ЮО перейдет к руководству Северной Осетии. Пока не ясно, насколько юго-осетинское руководство готово пойти на подчинение Владикавказу. *Второй*. Ответственность за состояние дел в ЮО перейдет к северо-осетинскому руководству. Далеко не самый богатый субъект федерации (Северная Осетия) получит депрессивную территорию, которая будет существовать преимущественно на дотации из регионального и федерального бюджетов. Иными словами — прибыли мало, а головной боли много. Насколько это надо руководству Северной Осетии — вопрос открытый.

Наилучшим вариантом для руководства ЮО был бы, конечно, четвертый вариант. Но насколько это надо Москве? Получив статус субъекта федерации, регион стал бы очередным реципиентом федеральных средств. Кроме того, не понятно насколько Владикавказ будет готов признать за Цхинвалом равный с собой статус в отношениях с федеральным центром.

Пятый вариант сегодня кажется абсолютно нереальным, учитывая уничтожение Цхинвала грузинскими войсками и признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. Однако в долгосрочной перспективе этот вариант является все же возможным. При определенных условиях конфедеративный путь решения югоосетинской (и даже абхазской) проблемы с предоставлением Цхинвалу и Сухуму широких прав автономии в составе Грузии (и международными гарантиями конфедеративного договора), может снова стать актуальным. Что если Грузия откажется от вступления в НАТО, станет союзником России, вступит в ОДКБ, и т.п., то есть пересмотрит основные приоритеты своей внешней политики? Что, если в Грузии произойдет смена правительства и новое грузинское руководство предложит Абхазии и Южной Осетии такие условия конфедерации, на которые те согласятся? Если бы такое произошло, то, безусловно, это был бы самый лучший вариант развития событий и для России, и для Грузии, и для Абхазии, и для Южной Осетии. Но сегодня он представляется совершеннейшей фантастикой, к сожалению.

Интересы Северной Осетии в контексте грузино-юго-осетинского конфликта

Трудно переоценить значение Северной Осетии для дальнейшего развития ситуации в Южной Осетии. Как выглядят перечисленные выше варианты, если смотреть на них из Владикавказа?

Представляется, что самым выгодным вариантом для Северной Осетии является решение югоосетинской проблемы по модели Северного Кипра. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, пойдем от противного и рассмотрим сначала третий и четвертый варианты.

Третий: Северо-осетинская общественность, несомненно, поддерживает его. Власть же, по всей видимости, воспринимает этот вариант более сдержанно и предпочитает взаимодействовать с Южной Осетией следующим образом — оказывать реальную, но неформальную поддержку. Пока от североосетинских чиновников не слышно прямых указаний на возможность вхождения Южной Осетии в состав Северной. Вероятнее всего, последнее обусловлено не только соответствующими установками, данными руководителям Северной Осетии в Москве, но и их собственными интересами. В нынешней ситуации у них есть все возможности влияния на Южную Осетию в

экономической сфере, тогда как никакой ответственности за социально-экономическое положение там руководство Северной Осетии не несет. Трудно представить себе более выгодную для Владикавказа ситуацию: политическое и экономическое влияние на Южную Осетию оказывается, экономические дивиденды с этого имеются, ответственность за отношения с Грузией и Западом лежит на федеральной власти России, за миротворчество в зоне конфликта — на российской армии, за социально-экономическую ситуацию в Южной Осетии — на цхинвальском руководстве. Вхождение Южной Осетии в состав Северной, конечно, прибавит руководству последней популярности и влияния, но также забот, ответственности и головной боли.

Четвертый вариант — вхождение ЮО в состав России на правах субъекта федерации — в целом, менее выгоден для руководства Северной Осетии, чем предыдущий. Во-первых, население обеих Осетий не поймет этого шага, т.к. последний будет противоречить основному осетинскому лозунгу — воссоединению народа. Во-вторых, югоосетинские лидеры в составе России получают статус и возможности равные североосетинским. Это психологически вряд ли приемлемо для североосетинского руководства, которое за последние годы привыкло видеть в себе «старших братьев». Необходимость выстраивать новые отношения с ЮО на равных может вызвать серьезное напряжение в среде североосетинской элиты. В-третьих, экономические и лоббистские возможности ЮО резко усилятся, что также не очень нужно руководству Северной Осетии. Для Москвы, в свою очередь, лояльность Владикавказа намного важнее, чем преданность Цхинвала.

Из этого следует — североосетинскую элиту вполне устраивало положение, существовавшее до последней грузинской агрессии и она заинтересована в таком развитии событий, которое будет минимально усложнять ее положение и задачи по сравнению с ситуацией до 8 августа. Лучше всего эти приоритеты отражает модель Северного Кипра. Главный вызов, однако, состоит, в следующем — Южная Осетия должна очень постараться в налаживании мирной жизни и повышении уровня своего социально-экономического развития. Северная Осетия, в свою очередь, будет оказывать максимальное содействие ЮО, исходя из двух приоритетных для себя сценариев — реализации модели Северного Кипра или присоединении ЮО к России на правах части Северной Осетии. В Москве, в свою очередь, всем ясно, что любые решения по формату взаимодействия с Южной Осетией должны приниматься с учетом позиции североосетинских общества и элиты. Решения, противоречащие интересам последних, приниматься не будут.

Контуры пути

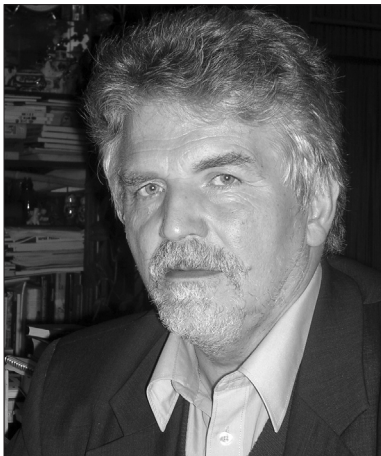
После событий, произошедших в последние недели в Южной Осетии и Абхазии, «переходный период» для этих республик заканчивается. В этой связи России крайне важно иметь на международном уровне компромиссный проект разрешения конфликта (модель Северного Кипра) и, одновременно, быть готовой экономически, политически и юридически к принятию в свой состав новых территорий. Ясность в этой связи должна присутствовать, прежде всего, во взаимоотношениях Москвы и Владикавказа, которому предстоит разделить с федеральным центром ответственность за процесс интеграции Южной Осетии в состав России, если таковому суждено начать-

ся. Но делать это надо крайне аккуратно и при условии четкого выполнения ЮО (и Абхазией) российских условий. Как известно, Брюссель более десяти лет готовил страны Восточной Европы к вступлению в ЕС. Что мешает Москве вести переговоры с ЮО и Абхазией столько, сколько нужно, выдвигать социально-экономические требования, содействовать Цхинвалу и Сухуму в выполнении своих обязательств и лишь, после достижения этими регионами хотя бы средне-российского уровня социально-экономического развития, принимать решение об их приеме в состав России. Взаимодействие по модели Северного Кипра дает все возможности для этого. Отсюда вывод — России следует внимательно присмотреться к турецкому опыту и дать понять и Южной Осетии и Абхазии, что Россия не исключает никаких форм дальнейшего взаимодействия с ними. Сейчас, когда Россия остановила геноцид в Южной Осетии, она имеет моральное право требовать от руководства Абхазии и Южной Осетии эффективной политики в сфере управления экономикой и социальной сферой своих республик, что иногда бывает ничуть не легче, чем вести информационную войну или командовать отрядами самообороны.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

ПРОЗА

Николай ДОРОШЕНКО

УШЕДШИЕ

повесть

Николай Иванович Дорошенко — секретарь правления Союза писателей России, главный редактор газеты Союза писателей России «Российский писатель». Родился 16 сентября 1951 года в селе Сухиновка Глушковского района Курской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (отделение прозы, семинар Ф.Ф. Кузнецова). Повесть Н. Дорошенко «Запретный художник», удостоена Большой литературной премии России. **Живет в Москве.**

Всегда остается ощущение обмана, если, рассказывая о жизни такой, какая она есть, мы не вспоминаем также и о людях, которые устремляются к жизни родной.

1.

В ночь на четвертое октября одна тысяча девятьсот девяносто третьего года Ренат Маратович вроде бы и не спал вовсе, а всего лишь, дочитав «Сияющие дали» Жака Атали, сначала мрачно размышлял о прочитанном, а затем, не погасив лампу и с опрокинутой на грудь книгой, блуждал в той пустоте, которая вдруг объяла его со всех сторон. И мысли его внутри этой пустоты обрели такую прозрачность, что он уже не мог их различить. Но — все-таки — он продолжал жить остатками своего упрямо непотухающего сознания...

«Сияющие дали» подарил ему бывший однокурсник Аболенский, давно уехавший в США, и вот теперь вдруг в Москву нагрянувший.

С криками: «Рен-н-нат!», «Дру-у-уг!», «Все ж таки я не забыл дорогу к твоей конуре!», он ввалился в казенное жилище Рената Маратовича прежде, чем тот успел открыть ему входную дверь на достаточную ширину. Затем долго душил все еще не пришедшего в себя хозяина своими крепкими объятиями и не менее мощным запахом дезодоранта. А едва они оказались на выгороженном книжными шкафами подобии кухни, неожиданный гость достал из своей сумки, как самую большую драгоценность, ворох каких-то бумаг, предложил Ренату Маратовичу с ними ознакомиться. Однако Ренат Маратович и с бумагами этими замешкался. И тогда нетерпеливейший Аболенский торжественно заявил:

— Это, дорогой мой Ренатик, анкеты! Заполнишь их, и тебе при-

шлют приглашение из Штатов! И ты, наконец-то, будешь жить в собственном доме на двести или даже на триста квадратов!

— ...?

— Ну что тут тебе непонятно?! — Аболенский красноречиво извлек из своей сумки какую-то замысловатую бутылку, сам весьма ловко откупорил ее, сам наполнил те чашки, которые хозяин поставил на стол, чтобы предложить гостю хотя бы чая. И весьма энергично провозгласил тост:

— За твою новую жизнь!

Но Ренат Маратович даже и выражением своего смутного лица не поспевал за Аболенским. Так что тот вынужден был опустить чашку и доложить куда более обстоятельно:

— Вот, представь, что лично я преспокойно имею в Штатах восемьдесят тысяч долларов в год чистыми. А тебе с твоими твердыми сплавами там платить будут сразу всю сотню тысяч! Или даже побольше! Ты понял? Потому что таких дешевых технологий, какие ты когда-то придумал, пока еще нигде в мире не существует! И, поверь, если вашу лабораторию давно прикрыли, то это не значит, что никто не продаст за зеленые тем же американцам всю вашу секретку! Сами же особицы продадут! Да и семьдесят цэрэушников не зря окопались в вашем Кремле в качестве советников. Кто не с ними, тот, как и ты, теперь уже в полном дерьме! Все умные люди отсюда давно слиняли! Чтобы напрасно не мучиться! Ты понимаешь это? И твое счастье, что твоя голова в тех же Штатах пока еще нужна. Но завтра уже и ты станешь вчерашним днем! И будет поздно литься отсюда! Так что заполняй анкеты и жди скорого приглашения на работу! Я сделал все, чтобы там, кому надо, тебя уже дожидались. Потому что я, Ренатик, никогда не забываю добрых дел! Ты мне кандидатскую кое-чем зарядил, и она меня до сих пор кормит! А знаешь, сколько тут у вас народу мечтает такие же анкеты заполнить?

Маленькие глазки Рената Маратовича с едва приметными серенькими зрачками наконец-то глянули на Аболенского хоть и с тихенькой, но вполне ясною благодарностью. Так что Аболенский, вдруг растрогавшись, приобнял его за узенькие плечи и сознался:

— Ты даже не можешь себе представить, как мне тебя не хватает в этих Штатах! Живу, как среди поленьев обструганных... А ведь хочется еще и человеческого общения!

— Я тоже рад, что ты меня не забыл... — вымолвил и Ренат Маратович.

— А у тебя тут вроде бы ничего и не поменялось? — Аболенский не без умиления оглядел самодельную кухоньку, которую Ренат Маратович выгородил из части своей служебной комнатухи еще в студенческие годы. — И вот эти бумажечки по-прежнему ты к стенам прищипливаешь... Ну-ка, ну-ка, если позволишь, я проведу некоторые археологические изыскания... — И он принялся читать: — «В Зуйкова, тепл. хар. добавить»... Что, Валя Зуйков не ушел из темы? А это что за «Кр. из. Рыкалина — пр.»? Впрочем, и Третьяков, и Рыкалин, и Кишкин, и Бочвар у меня тоже всегда под рукой... Слу-у-ушай, а ты, наверно, до сих пор без компьютера существуешь?! Кошмар! А это что за формула? Все-таки и без лаборатории ты продолжаешь копать?

Ренат Маратович был явно смущен тем, что его укромные записи нежданым гостем столь бесцеремонно прочитываются. И, не посмев выказать свое неудовольствие, он скуповато признался:

— Бывает, голову сломаешь над чем-то... А на пометочку нечаянно глянешь и все само проясняется...

Но Аболенский уже развернулся к кривеньким книжным полкам, на одной из которых — прямо-таки на уровне его любопытных глаз — стояла крошечная фотографийка...

В единый миг Ренат Маратович эту фотографийку схватил и спрятал в нагрудный карман своей рубахи. И Аболенский, взглянув на него с теперь уже нескрываемой жалостью, спросил:

— Конечно же, ты до сих пор не женат?

— Ну, у меня тут пока другие проблемы... — неохотно ответил Ренат Маратович.

— А вот когда ты получишь вид на жительство в Штатах, все московские невесты выстроятся к тебе в очередь, как в ОВИР! — воскликнул Аболенский и вдруг захохотал так, как, наверно, могут хохотать лишь те счастливицы, которые вид на жительство в Штатах уже получили.

После чего Ренат Маратович уже с нескрываемой обидой в голосе сообщил:

— Да никуда я отсюда не уеду...

— Ах, ты еще и не выездной?! Значит, сами они госсекреты распродают, а тебя, единственного во всей стране, держат в секрете? Ну что за чушь! Я никогда в это не поверю!

— Не в этом причина... — сказал Ренат Маратович совсем уж потерянно.

— А в чем? В чем?!

— Не стану же я теперь радоваться, что после смерти Петра Михайловича все только в моей голове и осталось...

— И что, ты не можешь распорядиться даже собственной головой? Да это ж смешно! Уже не только твоего бывшего научного руководителя, а и твоей страны давно нет! И все уже даже чужое себе в карман положили, а ты боишься, что твоя собственная голова тебе не принадлежит! Кому если рассказать, н-н-не поверят!

— Кто как хочет, тот пусть так и живет... И, вообще, я тебе все сказал... — с трудом разлепляя губы, сказал Ренат Маратович.

И только тут Аболенский догадался, что бывший однокурсник уже настолько обижен судьбой, что обыкновенное сочувствие ему может показаться куда большим счастьем, чем само счастье.

— Я, Ренатчик, в курсе всего... — сказал Аболенский. — Знаю и о том, что ты вынужден был из своего НИИ перейти преподавателем в какой-то вузешко... И о том, что у вас тут зарплату почти не платят... Клянусь, если стал я вытаскивать тебя из твоей черной дыры, то еще и потому, что именно тебе, хорошему человеку, я хочу помочь!

— А знаешь, как я переживал за Петра Михайловича... — Ренат Маратович кивнул на крупную фотографию лысоватого и необыкновенно веселого старичка, которая стояла на самой верхней полке. — Под нашу работу уже и производственный цех начали оборудовать на Урале... И я даже успел туда пару раз съездить... Да и квартиру мне ради такого дела уже пообещали в новом доме на Полежаевской... А в результате нашу лабораторию закрыли и я был рад, что не поспешил расстаться с метлой... Потому что на свою теперешнюю зарплату съехать со служебной площади и снять комнату я не могу... Да и у преподавателя теперь оклад меньший, чем у дворника...

— По-прежнему вокруг Гоголя подметаешь?

Ренат Маратович кивнул.

— Вот я ж и говорю, что в Штатах ты будешь личный газончик по утрам поливать! И ностальгировать по своему великому дворницкому прошлому! Помнишь, как мы в этой твоей конуре чуть ли не всем своим курсом собирались?!

— Было дело...

Они предались воспоминаниям, одинаково для обоих приятным. При этом больше говорил Аболенский, а Ренат Маратович лишь согласно мерцал своими чутьчку ожившими глазками.

— Так что, Ренатик, заполняй бумаги, чтобы я их успел увезти, и заживем мы с тобою, как люди! — сказал Аболенский очень уж задумчиво.

— Я это...

— Ну?!

— Потому что, если подумать, то никому я не нужен в твоей Америке! — выговорил вдруг Ренат Маратович таким жалобным голосом, что Аболенский даже вскочил от негодования.

— Ты что ли мне не веришь?!

— Конечно, верю...

— Тогда в чем же дело?

— Я другое хотел сказать...

— А по-моему, у тебя тут уже крыша поехала, честное слово! Синдром неудачника это называется!

— Причем здесь твои синдромы... Просто у меня тут уже и несколько студентов появилось, вполне головастых... И один аспирант моей темой всерьез заинтересовался... А я вдруг скажу им, мол, как хотите, мне на вас наплевать... И, например, в моем селе..., ну, в Пензенской области... Так вот, там школьная библиотекарьша до сих пор стенд с моими публикациями сохраняет... — И затем Ренат Маратович не без смущения добавил: — Среди татар, оказывается, есть много даже самых крупных ученых, а в твердых сплавах она только меня нашла...

Аболенский осторожно, как у постели безнадежно больного, присел к столу напротив Рената Маратовича, чтобы все-таки подсказать: «А ты знаешь, с какой радостью она будет выставлять на этом стенде еще и твои иностранные журналы!» Но — не успел. Столь безнадежно вдруг потеплели серенькие, в редких ресничках, глаза его бывшего однокурсника.

Всегда он вот так, вспомнив о своем селе, теплел глазами.

— А не бегаешь ли ты еще и по митингам? — разочарованно спросил Аболенский, а затем, понизив голос чуть ли не до шепота, добавил: — Может быть, ты надеешься, что все те патриоты, которые сейчас шумят у взбунтовавшегося парламента, когда-нибудь победят вашего компрадорского президента?

— Кто-то ж должен бегать...

— И что, ты думаешь, что вот так запросто такую рыбину, как Россия, кто-то сначала поймает в сети, а затем и нечаянно позволит ей вырваться на свободу? Ты думаешь, мир состоит из таких, как ты, не рукастых людей?

Ренат Маратович, чтобы сменить эту явно неприятную для него тему, сам вдруг взял со стола чашку и предложил: — Мы с тобою за встречу так и не выпили... Это ж, небось, какой-нибудь дорожный напиток?

Но и отпил только два маленьких глоточка.

— А по-моему, в тебе уже развился особый, еще неизвестный науке тип мазохизма, — в сердцах сказал Аболенский.

— Да не обижайся ты на меня, — попросил Ренат Маратович. — Лучше уж расскажи про свою Америку... Что там о нас теперь говорят?

Аболенский сразу же поскущел и ответил нехотя:

— Кому вы теперь нужны, чтобы о вас еще и говорить. Югославия теперь для всех куда большая мозоль, чем вы.

— Это почему же? — Не поверил Ренат Маратович.

Аболенский лишь усмехнулся:

— А тебя в этой конуре волнует только то, что о твоей стране в Америке говорят? Больше не о чем тебе озаботиться в этой конуре?

И опять лицо Рената Маратовича стало никаким.

— Ладно, — сказал Аболенский. — Я, как говорится, хотел лишь помочь...

Затем он покопался в своей сумке, извлек оттуда книжку, размашисто написал на ее обложке свой адрес и телефон.

— Вот, между прочим, на прелюбопытнейшей книжице свои координаты я тебе оставляю. К сожалению, она на английском. Но у тебя вроде бы и с английским проблем особых не было. Почитаешь и узнаешь, какое светлое будущее тут вам всем уже приготовлено и, может быть, поймешь, что скоро твоей библиотекарше не до стендов будет. И вообще, в отличие от Гитлера с его «Майн кампф», книгу эту написал очень и очень серьезный парень. Так что анкеты я оставляю. На всякий случай! И, поскольку прилетел я сюда всего лишь на три дня, то завтра уже с утра начну тебе звонить. А послезавтра утром я улетаю. Одним словом, ты поторопись с ответом!

А вручив столь, оказывается, непростую книгу, Аболенский очень уж суетливо принялся приводить новые аргументы в пользу того, чтобы Ренат Маратович анкеты заполнил немедленно. И лишь когда глаза крайне терпеливого Рената Маратовича посоловели, он, отчаянно взглянув на часы, стал прощаться.

Ренат Маратович даже из вежливости не стал его задерживать. Во-первых, Аболенский своим напором его действительно утомил. Во-вторых, ему вдруг захотелось в сию же секунду раскрыть подаренную книжку.

То есть, он давно привык спасаться в чтении. Даже газеты, где жизнь представляла перед ним в наиболее неутешительном виде, его успокаивали. Так, наверно, успокаивается и всякий беглец, когда удается ему всех своих преследователей держать в поле зрения. А тут, значит, появилась у него еще и книга, подаренная со столь многозначительным предисловием...

За чтением он не заметил, как наступили сумерки. Не вспомнил и об ужине. Когда затекла спина, он всего лишь позволил себе переместиться за шкафы, в спальный угол, чтобы там раздеться и улечься с книгой на узеньком диване. А покончив со чтением, попытался он представить, как в соответствии с планами главы Европейского банка реконструкции и развития Жака Атали очень стеснительная, всегда к нему приветливая библиотекарша из его родной школы во благо нового мирового порядка вдруг обретет *жидкообразное сознание* и в *поисках пищи* примется *кочевать* по России, превращенной в сплошную *трудовую зону*, как Аболенский изо всех сил будет пытаться оправдать свое право на проживание в *зоне элитной*...

То есть, именно вот это его сиротское размышление незаметно превратилось в простое наблюдение за тем, как в необъятных просторах теперь уже упорядоченного по плану Жака Атали мироздания тает ни к чему не причастное и никому не нужное, похожее на случайную соринку, его сознание.

И когда стал он даже для самого себя абсолютно невидимым и неслышным, то даже не по-человечески, а всего лишь, наверно, по-рыбьи он вдруг вострепетал и в единый миг из небытия вынырнул...

Долго-долго глядел на хоть и темный, но вроде бы живой воздух в проеме окна. Затем догадался, что уже не спит, что и оконный квадрат ему не снится.

Но не лежать же вот так, не вполне отчетливо понимая, спишь ты или не спишь?

Даже не взглянув на часы, он принялся одеваться.

Чай пил в немом раздумье над хоть и пустым, но все-таки неприятным сновидением. А затем, не громыхнувши дверью, не звякнувши ключом, как призрак, при любых обстоятельствах обреченный лишь на собственную, никому неведомую жизнь, он вышел из дома.

Впрочем, на улице все было более чем привычным: клочковатые силуэты ночных деревьев; пузырящийся в неверном свете фонарей, как под увеличительным стеклом, асфальт; мрачные, словно задушенные собственной тяжестью, дома...

Так что Ренат Маратович даже позволил себе потихоньку вздохнуть.

У почтамта он все-таки свернул в сторону Гоголевского бульвара. А вдруг и земляк Айдар уже вышел на свой участок? В присутствии его живой души неприятный осадок от обморочного сна сразу истаял бы из памяти навсегда.

Однако с Гоголевского бульвара на Рената Маратовича глянул только бронзовый Гоголь, осанкою напоминающий скорее крупного чиновника, чем писателя.

Оглядев памятник со всех сторон, Ренат Маратович наконец-то позволил себе нащупать в кармане наручные часы с давно лопнувшим ремешком...

И получилось, что из дома он вышел аж на добрую половину ночи раньше должного.

Зато тревога его, до сих пор невинная и потому мучительная, тут же обрела вполне вразумительное содержание: «Надо же было подняться в такую рань!»

Потому-то новый вздох у Рената Маратовича получился куда более смелым.

А набравши вот так, уже в полную грудь, прохладного воздуха, он и свои узковатые плечи распрямил до крайней возможности.

И окончательно перестал быть похожим на призрак.

Когда же по пути к Суворовскому бульвару пришлось ему насквозь пустынную по случаю ночи Ново-Арбатскую магистраль пересекать не сквозь бетонную нору подземного перехода, а открыто, по проезжей части, то придавать этому обстоятельству особое значение он не стал, — шел по отполированному машинами асфальту так, как это подобает лишь людям, истинную цену себе знающим.

Однако город спал. И никто не смог увидеть на широком, хорошо освещенном полотне магистрали столь, оказывается, кропотливо охраняющего свое человеческое достоинство пешехода.

2.

Суворовский бульвар встретил Рената Маратовича густою тенью.

Потому-то и не сразу он заметил высоченного молодого человека в белом плаще нараспашку и с портфелем в левой руке.

Этот ночной прохожий вроде бы как сначала всего лишь обозначился чуть впереди своим удивительным плащом, а затем вдруг стронулся навстречу Ренату Маратовичу. И едва они поравнялись, он столь внимательно взгляделся Ренату Маратовичу в лицо, словно попытался его опознать.

— Прошу прощения... — промолвил таинственный прохожий, когда Ренат Маратович, невольно уступил ему чуть ли не весь тротуар.

И не успел Ренат Маратович опомниться, белый плащ растворился.

Хотя, чтобы вот так внезапно исчезнуть, нужно было, наверно, спрятаться.

Например, в вон той машине, одиноко припаркованной к тротуару...

Но не станет же Ренат Маратович проверять — в машину занырнул столь странный тип или в иное, менее вероятное убежище?

Поборов свое волнение, Ренат Маратович решил, что наиболее уместно будет по поводу такого приключения лишь усмехнуться.

И какая-то гримаса, действительно похожая на усмешку, тут же на миг исказила его узкое, с мелкими скулами, лицо...

В густо заросшем кленами дворике, с которого Ренат Маратович привык начинать уборку своего обширнейшего участка, желтели, словно в рыбьей жир обмакнутые, всего лишь два фонаря. Так что, прежде чем взяться за метлу, надо было немножко обвыкнуться под их более чем скудным светом...

Но едва Ренат Маратович, встав на исходную позицию, наконец-то почувствовал себя готовым к битве с жухловато шуршащим под ногами кленовым ковром, лицо его подверглось изменениям, имеющим уже более чем чрезвычайный характер.

То есть, глаза Рената Маратовича стали похожими на две острующих иголки, а его узкий рот распахнулся так, словно в самый последний миг вдруг в нем лопнула какая-то самая главная пружинка. Что касается всегда обыкновенных бровей его, то они изогнулись даже не дугами, а жутковато неровными волнами...

Но даже и в столь ответственный момент я должен напомнить читателю, что в Москве имеется не один, а два памятника Гоголю. И именно во дворике на Суворовском бульваре таится Гоголь второй — более чем укромный, и, по причине полной немогущности выражаемого им образа, усаженный в бронзовое кресло, похожий, к тому же, на ту сплошную болячку, которую не каждому и покажешь. Слово ваятель, прозорливо предугадав, что лет через сто именно Ренату Маратовичу придется скрести метлою вокруг его творения, пригнул и примял великого русского писателя с такою же досадою, с какою примяла да пригнула Рената Маратовича теперь уже сама жизнь...

И получилось так, что все чрезвычайные изменения в выражении лица Рената Маратовича произошли тогда, когда он, прежде чем приступить к своему дворничьему занятию, по привычке взглянул на собственного, согнутого в три погибели Гоголя.

Нет, его Гоголь не исчез со двора. И, например, даже не разогнулся он в своем металлическом кресле.

Каким-то непостижимым способом Гоголь Рената Маратовича всего лишь раздвоился...

Но, при этом, если один из двух Гоголей сохранял размеры прежние, то другой оказался совсем уж маленьким. И оттого его мучительный силуэт выглядел куда более несчастным, чем сам оригинал.

Прошло две или три секунды, прежде чем Ренат Маратович, испытав потрясение от увиденного, в следующий миг разглядел под более мелким и более жалким Гоголем вместо бронзового кресла зауряднейший деревянный ящичек...

Так что, хотя наиболее верным бывает самое первое впечатление, не так уж редко оно затем оказывается неуместным.

Ренат Маратович, мысленно обругав себя и свое наваждение, на всякий случай прошелся мимо скульптурно застывшего на ящичке человека. И вынужден был отметить, что неподвижно пристывшего к ящичку незнакомца за Гоголя можно было принять только с большого переполоха. Ну, во-первых, лицо у якобы гоголевского двойника было вовсе не гоголевским. Например, нос у него был такой, что, при всем желании, глазом за него не зацепишься. И еще — двойник оказался вроде бы как бородатым. Хотя и борода у него была так себе — редкая, к тому же, как зорко разглядел Ренат Маратович даже в скупом свете двух фонарей, слегка смятая в правый бок. Да и вряд ли можно было дать «двойнику» больше двадцати лет. Считай, что только необычайная понурость головы, плеч и даже коленей (оказывается, колени тоже могут иметь понурый вид!) стала причиной столь же краткой, сколь и жуткой галлюцинации.

Кончилось тем, что Ренат Маратович все-таки вернулся на исходную позицию. И вскоре метла его начала проскребать в ночной тишине свою вполне законную прореху.

Однако, разоблаченного гоголевского двойника Ренат Маратович из виду уже не выпускал. И внештатно-жалостливое выражение его лица то и дело сменялось на служебно-подозрительное: «Ну, с чего ему среди ночи тут сидеть?..» Но, будучи человеком столь же решительным, сколь и деликатным, он предпочел дожидаться, когда все прояснится само.

То есть, начав подметать двор с самого дальнего угла, он стал честно соблюдать прямую линию своего неумолимо приближающегося к «двойнику» фронта, — может быть, намереваясь в самый последний, в самый что ни на и есть справедливый момент вдруг остановить метлу и торжественно объявить: «Вы меня, молодой человек, извините, но это не моя воля, это сама судьба заставляет вас подвинуться вместе с вашим, я извиняюсь, ящичком...»

Впрочем, когда дошло до дела, он только-то и пробормотал:

— Позвольте-ка мне подмести тут у вас под ногами...

— Да-да, пожалуйста... — жухловато, как и кленовые листья под дворничьей метлой, прошлестел голос якобы двойника.

— В крайнем случае, хотя бы передвиньтесь на чистое, — совсем уж сжалился Ренат Маратович.

— Нет, я уйду... — юноша виновато взглянул было на дворника, но тот, встретившись с ним глазами, вдруг воскликнул:

— Петров!.. Да вы же Евгений Петров со второго курса!

Однако, будучи узнанным, юноша не обрадовался. Пошатываясь, пошagal он прочь.

И позабытая было тревога опять вернулась к Ренату Маратовичу. Но теперь, при обнаружении всегда вроде бы разумного студента Петрова в столь жалком виде, она обожгла его, как чистейший спирт...

3.

Судьба к студенту Евгению Петрову действительно не благоволила. И дело вовсе не в том, что он уже проторчал в этом дворике, в ожидании неизвестно чего, не менее трех часов. А в том, что он никак не мог рассудить, как ему быть: продолжить свое сидение на хлипком ящике, подобранном на задворках у ближайшего продовольственного магазина, или уйти. Ведь, с одной стороны, если свидание тебе назначают очень уж важное, значит, оно должно состояться не позже объявленного срока. А с другой стороны, если это важное свидание вовремя не состоялось, значит, тому есть своя столь же важная причина. Но — кто может угадать, на сколько часов такая встреча может отложиться? Просиди ты тут хоть сутки, а всего лишь двух или трех мучительных минут не дотерпишь — не станешь ли потом казнить себя за излишнюю нетерпеливость?

К тому же, учитывая ответственность момента, молодой человек еще и пришел на свое свидание слишком поспешно. И, может быть, именно это, заведомо лишнее, время ожидания его в наибольшей степени вымотало. Так что теперь он тем более не мог понять, насколько здравым является его теперешнее отчаянье. А ведь тот человек, который в силу своих причин задерживается, наверняка не догадывается, что нервы у его ожидания накалились задолго до назначенного срока...

Все эти путанные умозаключения, а также промозглый ночной холод, хлипкий и ненадежный ящик, сыпучая, как песок, боль в висках, являющаяся результатом многих бессонных ночей, проведенных за колючей проволокой на площади у «белого дома» (так в то время называли здание Верховного Совета на Краснопресненской набережной, и именно оттуда отправился на это ночное свидание наш молодой человек), давно промокшие ботинки, в которых ноги уже не зябнут, а немеют — все это вскоре вынудило его превратиться в стороннего созерцателя собственных нестерпимых страданий. А когда появился здесь еще и дворник, то Евгений стал слушать также и энергичное шарканье его метлы. Или, вернее, не слушал он, а всего лишь весьма сосредоточенно рассматривал каждую шероховатинку, каждую звуковую крапинку в этих, заполнивших собою весь двор, шарканьях.

Но едва он, сначала потревоженный, а затем и почему-то опознанный дворником, направился к узкому проему в металлической ограде, сразу с бульвара во двор даже не вошел, а как бы впрыснулся доселе неведомый человек и — уцелился своим пристальным взглядом в нашего несчастного беглеца.

Минуту или, может быть, не больше секунды стояли друг против друга вот эти два чуть ли было лоб в лоб не столкнувшиеся человека. При этом неожиданно появившийся пришелец просверлил Евгения своим внимательным взглядом чуть ли не насквозь.

А кончилось все тем, что он, с виду очень важный, с дорогим, из тисненной кожи, портфелем в руке, одетый в столь же важный белый плащ, вдруг сделал вид, что оказался во дворе просто так (с этой целью он для начала неторопливо оглядел окружающие двор строения, затем, как особо усердный экскурсант, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую, принялся рассматривать едва освещенный рыбьим жиром фонарей памятник великому русскому писателю. Но и самый непроницательный человек не смог бы поверить в существование экскурсантов подобного рода, — которые, например, предпочитают изучать московские достопримечательности среди ночи!

Вот и дворник, бдительно оценивающий складывающуюся на его участке обстановку, узнав белый плащ, понял, что все это чревато весьма многими неожиданностями. Потому что, как ему показалось, белый плащ здесь появился не просто так, а ради его студента Евгения Петрова. Который, если рассудить, тоже тут оказался не случайно.

И действительно, охрипшим от холода и вежливого нетерпения голосом студент спросил у человека в белом плаще:

— Уж не вас ли я тут дожидаясь?

Незнакомец в ответ изобразил на своем холемом и вроде бы вполне не бандитском лице то ли всего лишь ласковую улыбку, то ли какое-то весьма странное, редко в природе встречающееся, но, опять-таки, очень уж ласковое удивление. И тут же отступил в сторону. При этом у Евгения Петрова должно было сложиться впечатление, что экскурсант вообще не понял ни единого его слова, что и улыбка у него скроена на иностранный манер. Ну, например, бывает, спросишь о чем-нибудь на Красной площади у оказавшегося рядом незнакомца, а он в ответ с приветливостью тебе улыбнется, и уже через секунду ты обнаруживаешь себя окруженным десятком одинаково улыбающихся американцев или одетых в одинаковые костюмы японцев. Как в фильме ужасов, ты тоже пытаешься улыбаться, но лишь для маскировки, чтобы в удобный момент была возможность немедленно покинуть эту экзотическую компанию.

Любого нормального человека такие встречи обычно повергают в меланхолию.

Евгений же, не получив ответа, быстрым шагом двинулся по бульвару в сторону Никитских ворот. Шагал он теперь легко. Так легко, что, наверно, всего лишь успел опомниться от неожиданной встречи с иностранным экскурсантом, а уже половину бульвара проскочил. И эта вдруг открывшаяся в нем способность к столь быстрой ходьбе вызвала-таки у него сомнение. Нехорошее предчувствие заставило его все же остановиться и осторожненько оглянуться. Но — ни единой души он не заметил на доступном обозрению пространстве. Только фонарные столбы мрачной одноногой шеренгой стояли вдоль тротуара; да еще ветер неохотно пытался пошевелить клочком газеты, распластанной возле покосившейся урны.

«А мне ведь в другую сторону надо!» — сообразил наконец-то наш молодой человек. И поспешил назад, теперь уже в сторону Арбатской площади.

Уж не знаю, чем это можно объяснить, но обратный путь показался ему куда более длинным. Шагал и шагал он, шагал и шагал, а доплелся только до урны с газетой. И новым ориентиром тут же избрал ближайший фонарный столб. Но — пока до него доплелся, окончательно выдохся.

«Так-так... так-так-так...» — он изо всех сил наморщил лоб, дабы понять этот фокус с меняющимися соотношениями времени и пространства. Но ни одна более или менее вразумительная мысль не захотела себя обнаружить в его измученной многими бессонными ночами голове.

— Значит так... — начал было рассуждать он теперь уже вслух. А поскольку и вслух рассуждать ему было по-прежнему не о чем, то оглядел он бульвар еще раз...

Ах, лучше бы он не всматривался в темную череду деревьев, отгороженных от проезжей части бульвара старинной, из тяжелого чугуна, решеткой. В таком случае он бы не заметил, как вдруг мелькнул среди кривоватых кленовых стволов знакомый белый плащ...

Ладно бы мелькнул этот плащ со стороны Арбатской площади. А то ведь получалось, что продвигается он вслед за нашим героем теперь уже со стороны Никитских ворот...

Но не могут же оказаться здесь сразу два человека с одинаковыми портфелями и в одинаковых плащах?!

А тогда почему пробирается незнакомец от Никитской? Значит, обогнал он Евгения по бульвару? А когда Евгений повернул в противоположную сторону, белый плащ, значит, тоже развернулся на сто восемьдесят градусов?

И все это, к тому же, происходило в крайне неуверенном свете ночных фонарей...

— А-а-а... — Евгений отчаянно поправил свою кривую бороду и ускориł шаг. А добежав до Ново-Арбатской магистрали, свернул, конечно же, в сторону Краснопресненской набережной.

И человек в плаще, словно самая быстрая молния, тут же беглеца настиг, свободной от портфеля рукой схватил его за локоть.

— Я вас узнал, — хлопочущим от волнения голосом вышептал Евгений. И тут же, не в силах оставаться в неведении дольше, уточнил: — Вы вчера ко мне подходили... И назвались Александром... Просто теперь у вас вместо куртки вот этот плащ...

— Куртку на плащ я поменял для конспирации...

Пошевелив оказавшимся на свободе локтем, Евгений спросил более спокойно:

— И почему же вы не сразу ко мне подошли?

— Я проверял, нет ли за вами хвоста...

— Кроме дворника, никого там не было...

— А дворник не показался вам странным?

— Он почему-то назвал меня по фамилии...

— За дворника вы его приняли только потому, что у него метла в руках! А глаза-то у него не лимитные. О-о, меня в этих делах не проведешь!

Евгений вынужден был согласиться, что дворник на обыкновенного лимитчика ничуть не похож.

— И что теперь я должен делать? — спросил он, вполне покоряясь судьбе.

— А теперь все то вам надо будет сделать, о чем накануне мы с вами условились... Я вам даю портфель и вы его доставляете по указанному в этой записке адресу. И там ждете дальнейших моих указаний. Я же буду действовать по обстоятельствам. Только путь ваш должен лежать не мимо «белого дома», а левее, например, через Бородинский мост... Или — возвращайте-ка вы на бульвар, затем по Старому Арбату дойдете до Смоленки, заглянете в мою бумажечку, уточните адрес... И далее, я повторяю, надо будет всего лишь ничему не удивляться. Мы очень тщательно вычисляли, к кому из ваших знакомых вам наиболее безопасно заявиться в гости. Чтобы никто не удивится даже столь раннему вашему визиту...

Евгению на миг показалось, что на холеном лице Александра промелькнула насмешливая улыбка. Но тот уже протянул ему портфель, торжественно сообщил:

— Вот вам ваш груз. А вот и адрес. Вы его сразу спрячьте. И помните, что документы в портфеле очень важные...

— Я понимаю...

— Тут не понимать надо, а действовать, как машина...

— Да...

— Как машина!

— Ага...

4.

Евгений, с тяжеленным портфелем в руках, послушно поплелся в сторону бульварного кольца.

Но дворник, столь непохожий на дворника, оказывается, уже подждал его у почтамта. И, чтобы Евгений его не заметил, он приотступил за одну из бетонных колонн почтамтовского фасада.

Евгений, тем не менее, его заметил. И с такой мучительной неприязнью взглянул он на него, что тот от неожиданности стушевался.

Затем Евгений на всякий случай оглянулся, увидел на проспекте выжидательно застывший белый плащ и почувствовал себя немного уверенней. И — остановился.

А что делать дальше — он все-таки не смог придумать.

Или нет, можно ведь свободной от портфеля рукой якобы завязать шнурок на ботинке...

Но шнурок только развязался, а сделать новый узел без помощи второй руки было невозможно. Если же портфель поставить на землю, то риск будет очень и очень большой. Потому что дворник стоял от него всего лишь в десяти шагах. И не уходил.

Евгений опять оглянулся.

До белого плаща было метров пятьдесят, не меньше...

Тут Евгений, вопреки здравому смыслу, оставил развязанный шнурок в покое и пошел к якобы дворнику.

Тот почему-то очень обрадовался такому повороту событий, и даже вышел из-за колонны ему навстречу.

— Почему вы за мной следите? — спросил Евгений весьма решительно, хотя прозвучал его голос еле слышно.

— Мне показалось... — дворник было заулыбался, но тут же и посуровел: — Короче говоря, я даже хотел постучаться знакомому милиционеру, который почтаamt охраняет, но вроде бы как тот тип в плаще от вас отстал... Очень уж странный тип... И я же вижу, что вы ему не обрадовались... Скажите, что ему от вас нужно?

— Но вы ведь не дворник?

— Ну, в каком-то смысле не только дворник...

Белый плащ, как показалось Евгению, теперь белел чуточку ближе. Поэтому Евгений спросил еще более настойчиво:

— И кто же вы на самом деле?

— Я преподаю у вас в институте...

— А почему же вы еще и дворник?

— Так у меня обстоятельства сложились... Ну, предположим, из-за жилья я со студенческих лет метлу свою не оставляю... Да. Может вас чаем напоить? Я тут близко живу... Пока метро откроется, вы у меня посидите...

Только тут Евгений разглядел, что перед ним стоит его преподаватель Ренат Маратович, которого студентки называли Ренатиком за его малый рост и очень уж добрый нрав.

— А следите вы за мной в качестве кого? — спросил Евгений растерянно.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, вы и дворник, и наш препод, и слежку за мной устраиваете...

— Вы меня просто не поняли... Короче говоря, если вы ни о чем не беспокоитесь, то и я беспокоиться за вас не буду... Очень уж странным мне показался этот тип в плаще. Да и время такое... Ну, что вас заставило тут среди ночи неизвестно чего дожидаться? Небось и родители ваши беспокоятся?

— Это мои дела...

— А ничего, что этот тип не уходит, а метро еще не скоро откроется? Я ведь могу милиционера в любой момент позвать.

Евгений, дабы не испытывать судьбу еще и милиционером, стал медленно отступать. Затем, развернувшись, почти бегом побежал в сторону белого плаща...

— Все-таки за вами следят, — сказал ему Александр совершенно спокойно. И достал из кармана мобильный телефон.

Евгений поставил портфель у ног.

Завязал шнурок на ботинке.

Оглянулся.

Дворник-преподаватель стоял на прежнем месте.

— Слушай, будь другом, подбери на Суворовском одного человечка и отвези его к моему дому... — это было сказано Александром в мобильный телефон. А затем он обратился уже и к Евгению: — Все, идите к Суворовскому, там через полминуты вас машина подхватит...

Евгений понял, что Александр меняет план его действий на ходу, в соответствии с меняющимися обстоятельствами.

— А ничего, что он увидит, в какую я машину сажусь? — спросил Евгений на всякий случай.

— За машиною он не угонится...

— Он, кстати, еще и у нас в институте преподает...

— Не будем терять время!

— Но он же не отцепится!.. Один раз он у меня зачет принимал часа два, пока мы все вопросы не разобрали... Очень уж он ответственный...

— Только ответственных и берут в спецслужбы... Главное, вы в машину садитесь сразу, как только она подъедет... А якобы дворника я возьму на себя. Короче, не теряйте время! А адрес у вас в кармане.

— Имейте в виду, — вспомнил Евгений, — у него еще и милиционер сидит в почтамте...

— Это уже мои проблемы... Впрочем, мы вместе на машине от этого хвоста улизнем.

И опять нечто похожее на ухмылку мелькнуло на лице у Александра.

Евгений отвернулся и, словно бы в продолжение всех своих умопомрачительных приключений, обнаружил, что на доселе пустынном Ново-Арбатском проспекте уже проросли, как грибы после дождя, тяжело экипированные милиционеры. Ближайший к ним милиционер при этом повернул свою голову в их сторону, и это было похоже на давно забытый военный фильм, где танк вдруг повернул круглое жерло своей пушки в сторону зрительного зала...

— Давай ускорим шаг! — сказал белый плащ, тоже, видимо, встревожившийся по поводу внезапного появления столь многих милиционеров на широких и потому хорошо просматривающихся тротуарах проспекта.

Евгений шаг ускорил, но — мысли его не поспевали за стремительным ходом всех этих, безусловно, важных событий. К тому же словно бы и в сам воздух что-то очень уж нехорошее было подсыпано. И воздух как-то очень уж гнетуще помертвел...

Поэтому Евгений уже не удивился, что дворник-преподаватель все-таки увязался за ними, увязался сразу, как только пробежали они мимо почтамта. При этом, как истинный филер, дворник-преподаватель делал вид, что всего лишь прогуливается. Но со стороны Суворовского бульвара вдруг вырुлила машина — черная и столь солидно посверкивающая, что сомнений не оставалось: именно на таких машинах лучше всего убегать от преследователей.

5.

Ренат Маратович теперь уже был убежден в том, что белый плащ играет с его студентом, как кот с мышью. И он счел своим долгом не отстать от обоих беглецов, вольного и невольного, во что бы то ни стало. И поговорить с белым плащом без затей, в присутствии его жертвы. А там будь что будет...

Но темная и приземистая машина его опередила. По-змеиному, даже не шурша, вытекла она с Суворовского бульвара, и — широко распахнулась ее дверца, белый плащ каким-то особо ловким движением вдруг скомкал давно потерявшего свою волю Евгения Петрова и воткнул его на заднее сиденье. И, тем самым, Ренату Маратовичу словно бы иголку в сердце вонзил...

От негодования у Рената Маратовича что-то в голове то ли сверкнуло, то ли даже взорвалось.

«Такси бы... Такси!» — вскричал он даже без дыхания, одною только великой энергией этого взрыва. Затем уже хоть и горестным, но совершенно ясным взглядом окинул он проезжую часть Суворовского бульвара, где не

только такси, но и любой иной машины пока еще не наблюдалось. И, от нетерпения загребая локтями воздух и пританцовывая, стал ждать...

— Такси! Такси! — закричал Ренат Маратович в полный голос, когда все-таки появился на бульваре синенький «жигуленок».

— Куда? — спросил водитель, в миг притормозив, вмиг опустив боковое стекло, вмиг высунув лихую, с кривою усмешкой, голову.

— За той иномаркой...

Одним только взглядом этого явно самодеятельного таксиста Ренат Маратович был усажен в машину. И таксист тут же нажал на газ, машина его, как выпущенная из лука стрела, полетела по Ново-Арбатской магистрали.

— Что-то случилось? — спросил водитель, вставляя в кривоватый рот сигарету.

— Просто надо мне не отстать...

— Да уж не отстанем!

— Но только у меня, может быть, денег маловато... — вспомнил вдруг Ренат Маратович.

— Ну, т-т-ты даешь...

— Я сгоряча сел к вам, а если... Я сейчас посмотрю, сколько у меня денег...

— Значит так. Я ехал к Киевскому вокзалу, и если иномарка твоя туда свернет, я тебя до Киевского вокзала не высажу! — Водитель, выхватил изо рта зажженную сигарету, показал Ренату Маратовичу два полных ряда весьма крепких и безукоризненно белых зубов. Словно бы это уже сама безграничная его удаль вот так открыто и щедро улыбнулась Ренату Маратовичу.

— Уж я вам так буду благодарен... — У Рената Маратовича даже голос задрожал. — Это я за студента своего беспокоюсь... Ну, вы же знаете, как теперь все случается... Бывает, хороший парень, а его на хорошесть этой и в наркоманы, и куда угодно втягивают... Потому что люди совестливые оказались в ловушке, а бессовестные уже ничего не боятся... И ничего не поделаешь.

Водитель опять обернулся к Ренату Маратовичу, но уже не зубасто, не с куражом, а с грустеньким пониманием. И даже глаза его сочувственно притихли.

— Если надо, — сказал он, еще и брови насупив, — я вместе с тобою этого студентика буду догонять. Они же все — ребята! Форсу у них много, а своего ума пока еще нету! Каждый день кто-то кого-то обязательно убивает. У моего знакомого сын тоже был студентом, а когда убили его, то выяснилось, что в какой-то банде он состоял... Потому что ребята этой кажется, что честным трудом уже не прожить!

— Да...

Таксист управлялся с машиной, как ловкая швея с иглой. Четко следовал за темной иномаркой, вкрадчиво свернувшей у гостиницы «Украина» под мост. И ему, видимо, эта гонка была еще и по нраву.

— Эх! — вскричал он, словно запел. — Как же иногда не хватает на эти лошадиные силы более или менее достойного смысла! Н-н-у, сядет где-то в Кунцево пассажир, чтобы успеть покушать кофе в Домжуре или на Никитской. А, как сказал поэт, «Нас мало избранных... Пренебрегающих презренной пользой...» Зараза, стал забывать даже стихи...

— «...единого прекрасного жрецов...» — как эхо, отозвался Ренат Маратович. А затем не удержался и добавил: — Я Пушкина тоже запоминаю.

— А я доктор филологии! Сергеем Михайловичем меня величают. А по Пушкину я спецкурс читаю в университете! Но по ночам бомблю на машине, чтобы семью кормить! Вот так-то!

— А я тоже преподаю, но и, в качестве дворника, метлою обороняюсь от обстоятельств...

— Милое, дарующее независимость, занятие! Я и сам долбил лед, когда учился! Так что мы с тобою, брат, одной закваски! И я, кстати, сразу это почувствовал! Все пять литров бензина, которые у меня остались в баке, я ставлю на кон! Польза *презренна*, если на кон только она поставлена!

— Я очень вам благодарен...

— А знаешь, в конце-концов, наркотики даже не так страшны! — сказал Сергей Михайлович опять-таки вполне лихо. — Страшнее всего эти... ну-у, как бы сказать... Извращенцы страшнее всего! Сейчас же столько всякой мрази развелось! Бандиты как влезли во власть, так и даже телевизор хоть не включай! Сплошная блатняра! И если от наркотиков можно человека вылечить, то сломанного мразью человека можно только на помойку выбросить! Такая, понимаешь ли, грязь изо всех щелей поперла! Потому как властью теперь именно грязь востребована! Как будто это не люди, а марсиане нас оккупировали! А? Ты чего молчишь?

— Если бы я не почувствовал, что парень не в себе, то я бы и не стал гнаться... Сидел на ящичке, весь околевающий, и не уходил...

— А знаешь, я недавно вез одну деваху... Глаза, как фонари... Все прелести на виду... Хотя и не шалава какая-нибудь, всего лишь в офис боялась опоздать. И я ей говорю, мол, хочешь, стишками тебя развлеку... И прочитал ей из Катуллы свое любимое: «По тебе иссушилось сердце, как цветок, проходящим плугом тронутый насмерть...» А она глаза выпучила. Ты че, говорит, туфту гонишь! Представляешь, эти нелюди уже превратили нас в туфту... Говорит, ты че туфту гонишь! И только потому что я, профессор, извозчиком у нее, амебы, подрабатываю!

— А я подметаю тот двор, где Гоголь в кресле сидит...

Филолога только подстегнуло упоминание о выдающемся классике:

— Я считаю, что тот сидячий Гоголь на Гоголя больше похож! Он, бедолага, умер от смятения, когда в России еще не было большего негодая, чем Чичиков! А что бы написал он сегодня, когда в России его Чичикову уже делать нечего!

— ...

— Гоголь Николай Васильевич хоть и был мужиком веселым, но заноза у него в голове болела, все-таки искал он выход из цивилизационного тупика! А теперь уже и тупика нет. Все продано! Сама человеческая история продана и предана! Вместе со всеми ее тупиками! Это все равно, если б торгашам-карфагенянам удалось прикупить себе еще и римских сенаторов! Ты можешь такое представить?! А у нас иуды нашлись! И все так повернули, что я, проданный и ограбленный, еще и виноват перед грабителями в том, что их за воровство ненавижу! Уж как они таких, как мы, клеймят по телевизору! Мол, мы это от зависти готовы их разорвать на куски... Тьфу!

— Да... — согласился Ренат Маратович. — И знаете, какую бы страшную ваша правда ни была, но слушаю я вас и успокаиваюсь. А вот когда правды мы даже и друг у друга не найдем...

— Доживем мы и до такого времечка!

— Потому что, есть люди, которым правда уже не нужна, которые из всего пытаются себе что-то выгадать, — вспомнил вдруг Ренат Маратович о визите Аболенского.

— Никто ничего не выгадает! Вон Европа жрет в три глотки, а на пользу ей жратва не идет, вымирают и немцы, и французы, и англичане не хуже, чем мы. Потому что без всякого смысла, только ради живота, человек жить не может! Вот мы с тобой гонимся за иномаркой почему? А потому что все еще хочется нам себя людьми почувствовать! Как сказал бы Архимед, дай моей жизни в качестве опоры хоть какой-то смысл, и я переверну мир!

Глаза у Рената Маратовича вроде бы как тоже лиховато заблестели...

6.

В отличие от Рената Маратовича и Сергея Михайловича, открывших для себя в простой процедуре погони редкое соответствие между формой и смыслом жизни, Евгений, сидя в абсолютно беззвучной, словно бы ему вдруг приснившейся, машине, всего лишь пытался наконец-то сложить из последних событий некую более или менее внятную картину.

Итак, вчера вечером сотни тысяч москвичей, собравшихся на Октябрьской площади, все-таки прорвались к «белому дому», смели и колючую проволоку, и цепи ОМОНа, которыми в течение многих дней был огражден от внешнего мира парламент вместе со всеми его самостоятельными защитниками. На Евгения, не успевшего подготовиться к этой внезапной победе, общее радостное возбуждение подействовало весьма странным образом: он вдруг испытал неодолимую усталость, ушел к той баррикадке, где довелось ему прожить несколько самых утомительных недель, лег на дощатый настил и стал глядеть в вечеряющее небо. Сначала кто-то его накрыл курткой, затем кто-то присел рядом с ним и принялся с жаром планировать свою жизнь теперь уже в «освобожденной стране», но, заметив, что Евгений уснул, оставил его в покое.

Но уже в сумерках Евгения вдруг разбудил высокий незнакомец — явно новичок, поскольку был свежевыбрит, одет франтовато и глядел на Евгения глазами ясными, бессонных ночей не знавшими.

— Петров? — спросил незнакомец с той нарочитой непринужденностью, которая сразу же Евгения насторожила.

— Вы Евгений Петров? — повторил свой вопрос незнакомец.

— Да...

— И что же вы тут делаете?

— А что я должен делать? — спросил Евгений весьма неприветливо.

— Вот именно! — Незнакомец, широко ступая, стал ходить вокруг продолжавшего лежать на досках Евгения. Затем, словно бы скомандовав себе остановиться, перестал шагать и продолжил: — Неужели вы полагаете, что от вас тут хоть что-то зависит? Ну, например, чем Хасбулатов лучше Ельцина? Да без Хасбулатова депутаты этого Ельцина давно бы скушали! А теперь, видите ли, он Ельцину войну объявил!

Евгений никак не мог понять, чего от него хочет этот неведь откуда взявшийся оратор, и потому принялся он внимательно глядеть на запоздалого жучка, перебегающего через широкий лист картона, брошенный по-

верх досок вместо матраса. Когда жучок приблизился к его локтю, Евгений неохотно отодвинулся, но жучок продолжал на него наступать. Пришлось покориться упрямству насекомого и подняться...

— А может быть, вы считаете, что это толпа сама прорвала блокаду? Вы думаете, омовцы разбежались, потому что толпы испугались? Думаете, эти баркашата не по сценарию спецслужб с автоматами перед телекамерами вертятся? Или, может быть, вы считаете, что грузовики с ключами от зажигания тут вам омовцами оставлены не для того, чтобы народ поехал на них к Останкино? Вам, как последним лохам, всего лишь предложили первыми начать гражданскую войну! И за это вы будете наказаны американскими кукловодами по полной программе! Нельзя же вас просто так, без всякого повода, тут всех перекосить... Россия, к сожалению, слишком великая страна, чтобы теперь, когда партийная верхушка ее продала, хоть что-то в ней произошло не под контролем иностранных спецслужб! Кто владеет Россией, тот, я вам по секрету скажу, владеет всем миром! Или вы об этом не догадываетесь?

Щеки Евгения, уже обескровленные, какими-то остатками заалели от возмущения.

— Я не понимаю, зачем вы мне все это говорите...

— Да потому, что я тоже не понимаю, чего может тут дожидаться такой неглупый человек, как вы!

— И чем же я обязан вам за эту заботу? — спросил Евгений неприязненно. Но незнакомец вполне спокойно ответил:

— Да ничем. Уйдете вы, и моя душа будет спокойна хотя бы за одного человека. Скоро вас тут, я извиняюсь, начнут, как траву, косить... Не обидно ли, если умрете всего лишь за то, чтобы упыря, уже людьми нажравшегося, сменил упырь новый, пока еще голодный?

Евгений отвернулся.

Дело в том, что подобные мысли ему и самому приходили в голову.

Ногою пододвинул он картон на середину настила. Затем достал из целлофановой сумки бутылку с водой, сделал несколько жадных глотков.

— В общем, я предлагаю вам пойти домой и хотя бы как следует отоспаться... — предложил незнакомец уже вроде бы как и участливо.

— Если бы... — Евгений вытер рукавом губы. — Если бы, например, Гермоген...

— А по дороге к метро мы договорим. Или — я вас могу домой на машине подбросить.

— ...если бы Гермоген, сидя в яме, вдруг смутился от того, что вместо Лжедмитрия трон займут бывшие сторонники самозванца — Романовы, то России уже давно бы не было... — наконец-то нашелся Евгений. — И вы уходите отсюда...

Но незнакомец лишь рассмеялся:

— Романовы — это все-таки не нынешняя шпана новорусская! Это православные люди!

— А Сталин тоже был не Мининым и не Пожарским... — Евгению эти политические дебаты давались явно не без труда... — А в 37-м он всех палачей под их же топор уложил, и тем спас страну хоть на недолгое время...

— Ну, кто такой этот Сталин, если страну спас лишь ненадолго?

— А вы, я извиняюсь, кто?!

— Я? — незнакомец усмехнулся. — А я всего лишь я. Ни на что, так сказать, не претендую. И вы, например, можете называть меня просто Александром.

Но Евгений воспринял его усмешку, как последнюю каплю.

— Вот и пошел вон! — сказал он вполне решительно.

Незнакомец вздохнул, но тут же он вдруг тихо, с подчеркнутой осторожностью, вымолвил:

— А вот сердиться не надо... Это я вас проверял на, скажем так, вшивость...

— ...?

— И теперь, когда стало ясно, что человек вы вполне надежный, я вас попрошу об одном важном одолжении... Ну, мало ли как события дальше начнут разворачиваться... А нужно портфельчик с важными документами отсюда вынести... И при этом запутать все следы. Одним словом, на вас возлагается миссия. Потому что, если даже в этом эпизоде противостояния мы не выиграем, борьба наша на этом не окончится! И документики нам очень даже пригодятся! А вы тут пока еще не засветились... Я имею в виду то, что на митингах вы, наверняка, не ораторствуете, с автоматом не бегаете... Нет у вас оружия?

Евгений, сбитый с толку, молчал.

— Это хорошо, что оружия у вас нет... Но портфель вам поднесут не сюда, а на Суворовский бульвар, часам к одиннадцати... Видели памятник Гоголю на Суворовском, во дворике? Не тот, что в начале Гоголевского стоит, а именно на Суворовском... Ну, сидит там такой весь несчастный Гоголь в кресле...

— Я знаю этот памятник... — наконец-то подал свой голос Евгений.

— Вот и чудесно! Сразу же начинайте потихонечку выдвигаться отсюда... И так незаметно уйдите, чтобы никому в голову не пришло спрашивать у вас, куда это вы направляетесь... Понятно?

— Понятно...

— Ну, по городу немножко погуляете, а затем подойдете к памятнику...

— А потом?

— А потом вам портфель вручат и скажут, что вам дальше с ним делать... И дадут вам адрес. Может быть, это будет адрес кого-то из ваших друзей... А по вашему собственному адресу, если что, вас могут выкопать...

— А что за документы? — все-таки спросил Евгений.

— Я не могу тут рядом с вами светиться дольше... Я ухожу...

Назвавшийся Александром незнакомец, не мешкая, только еще раз кратко взглянув в глаза Евгению и, словно бы скрепив этим взглядом их договор, развернулся, быстро растворился в густом, шумно колышущемся людском море...

...А теперь, значит, этот Александр, переодетый в белый плащ, неузнаваемо изменивший весь его облик, сам же и вез Евгения на некую конспиративную квартиру...

И получалось, что можно было бы обойтись ему без Евгения... Или — это только начало большой конспиративной цепочки?

Но поразмышлять еще и о непонятных сторонах этого приключения Евгений не успел. Потому как машина, промчавшись по набережной Тараса Шевченко, вдруг свернула на улицу Дорогомиловскую, а затем и на Брянскую...

«Уж не к Прасковье ли мы едем?» — эта догадка сверкнула в висках у Евгения такою внезапной молнией, что он даже на миг ослеп.

Получалось, что те таинственные спасатели России, которые избрали именно его, Евгения, для проведения операции с документами, также и о Прасковье навели справки... И решили, что он с документами может спрятаться у нее...

А машина, между тем, остановилась именно у дома Прасковьи.

Не зная, как к такому повороту событий отнестись, но, стараясь поспевать за Александром, дошел Евгений до знакомого подъезда. И не удивился, когда в лифте его спутник нажал кнопку именно шестого этажа...

Но тут в проеме между не успевшими захлопнуться створками лифта мелькнула щупленькая фигурка дворника-преподавателя... И еще Евгений не опомнился, две почти железных, преподавателю-дворнику явно не принадлежащих, руки уперлись в створки, легко разжали их, и в кабину лифта тут же шагнул невероятно белозубый мужчина средних лет, а за ним просочился и легенький Ренат Маратович, глянувший, однако, на Александра с очень уж очевидной отвагой...

7.

Казалось, они целую вечность поднимались до шестого этажа. А белозубый мужчина все это время столь угрожающе сопел носом, что сомнений уже не оставалось: он с дворником-преподавателем действует заодно.

Но Александр продолжал оставаться спокойным. И это его уже совсем необъяснимое спокойствие Евгению вдруг показалось безумным...

— Прощу! — воскликнул Александр вроде бы даже весело, когда лифт остановился, и створки его медленно стали расползаться.

— Только после вас! — с галантностью, которую можно было принять за угрозу, ответил белозубый мужчина.

— Благодарю! — Александр даже головою воздух боднул и вроде бы как каблуками прищелкнул. То есть, либо уже ни на что не рассчитывал, либо что-то неизвестное держал в уме. А затем он очень уж обыкновенным способом принялся протискиваться между Ренатом Маратовичем и его зверским напарником. Евгений, с холодной от ужаса спиной, последовал за ним.

«А ведь портфель с документами в машине остался! И водитель их теперь увезет куда надо!» — вдруг догадался он. Но от этого ему легче не стало.

Потому что преследователи выскочили из лифта вслед за ними и один из них своими железными руками тут же схватил за плечи Александра, развернул его спиной к стене...

Александр, тем не менее, продолжал улыбаться...

Белозубый преследователь, однако, не стал разбираться, вменяема или невменяема его жертва, громко он крикнул Ренату Маратовичу:

— Ну, спрашивай теперь у него все, что хотел!

— Да... — Ренат Маратович сделал шаг вперед и, с той особою важностью в голосе, которую себе позволял лишь на экзаменах, спросил: — Этот мой студент вам что-то задолжал?

— Во-первых, кто вы такие? — воскликнул Александр и весело оглянулся на Евгения. — Объясните же вы этому бдительному народу, что я не представляю для вас угрозы!

— Парень, говори прямо, не бойся! — это белозубый опять зверски засопел своим носом.

— Я... я... — Евгений не знал, что можно ответить, чтобы не нарушить конспирации и, главное, чтобы все это поскорее закончилось.

— Вот видишь! — белозубый обернулся к Ренату Маратовичу. — Парня он уже так запугал, что он даже слова вымолвить не может!

Железные руки приготовились было снова уцепиться в белый плащ, но тут вбежала к ним с лестничной площадки одетая в легкий халатик девушка и словно бы осветила всех сиянием своих слишком уж радостных глаз.

«Прасковья!» — узнал и в ней свою студентку Ренат Маратович. Уже ее-то, со столь редким именем и всегда самую веселенькую, он запомнил на курсе первой.

— Ой, какое же вам спасибо, Александр Георгиевич! — прошептала девушка. — Вы даже не представляете, как я вам благодарна!

А сама при этом не спускала сияющих глаз с Евгения.

Тот, наклонив голову, смотрел на нее исподлобья, как, может быть, долго блуждавшие в темноте люди глядят на внезапно вспыхнувший прожектор.

— То есть, вы хорошо знаете этого человека? — строго спросил преподаватель у студентки и показал пальцем на белый плащ.

— Ой, Ренат Маратович! И даже вы здесь?!

— Я спрашиваю у вас, вы знаете этого человека?! — Строго повторил свой вопрос Ренат Маратович.

— А что случилось? — спросила сияющая студентка.

— Нет, вы сначала ответьте! — вскричал Ренат Маратович. — Что ли вам сложно ответить даже на этот элементарный вопрос?

— Тогда уж давайте в сторонку отойдем и я вам все объясню...

Они действительно отошли от всех шага на два. Девушка, то опасливо косясь на Евгения, то вдруг прикрывая ладошкой рот, чтобы не рассмеяться, что-то коротенько вышептала преподавателю в ухо, затем быстро, так что Евгений ничего не успел понять, подошла к нему, взяла его руку в обе свои ладошки, с жалобным восхищением прошептала:

— Какой же ты замученный, Женья!..

Евгений стоял, не шевелясь.

А Александр посуровел, и все услышали его голос, вдруг усохший до скрипа:

— Ладно, теперь вы и без меня тут справитесь... Я пойду...

И вызвал лифт.

— Пойдем и мы, — сказал Ренат Маратович своему напарнику. А затем обернулся к Александру Георгиевичу, чтобы перед ним извиниться: — Вы уж на нас не обижайтесь...

— Ага! — спохватился и Сергей Михайлович. И заулыбался Александру с очень даже щедрой приветливостью. — Как я понял, малость перебдели мы с товарищем преподавателем относительно безопасности его студента!

— Ладно уж, — сказал Александр с той чистейшей печалью, которой от него никто не мог ожидать даже теперь, когда выяснилось, что он вполне обыкновенный человек.

А студентка Прасковья, как оказалось, уже куда-то утащила Евгения.

— Скрутило же этого лосяру, когда девица твоему парнишке вот так обрадовалась, — поделился своими наблюдениями Сергей Михайлович с Ренатом

Маратовичем, едва они вслед за Александром спустились во двор и оказались наедине друг с другом. — Я понял, что весьма и весьма неравнодушен он к девушке! А вот тачка у него дорогушая! Я бы в охотку на такой порулил!

— Таковую если продать, то можно свою лабораторию оборудовать и уже ни от кого не зависеть..., — по-своему оценил достоинство иномарки Ренат Маратович.

Однако расставаться им не хотелось.

— А что эта красавица там тебе в ухо шептала? — спросил Сергей Михайлович.

— Да вы не поверите...

— Мы после такой совместной боевой операции вроде бы можем и на ты перейти...

— То есть, ты не поверишь, но этот, как вы сказали, лось, оказывается, вытащил парнишку от «белого дома»... Парнишка там, оказывается, сидел от самого начала всей этой заварухи...

— А мы про них думаем, что все они сплошь оболтусы...

— Я тоже туда поначалу ходил, но очень уж мне не понравился маскарад с баркашовцами... А потом их вообще отгородили проволокой и туда уже невозможно было пройти...

— Да, форму себе эти баркашовцы явно не сами придумали, кто-то по дьявольски крутит и вертит этими, может быть, действительно неплохими ребятками...

— Значит, как и в девяносто первом году, далее еще хуже будет...

— Но парню откуда знать, как оно обернется...

— Ждем и не знаем, чего дождемся...

— А вот же и в пушкинском «Медном всаднике» подругу Евгения зовут Прасковьей! — все-таки повернул разговор на более легкий предмет Сергей Михайлович. — Только вот пушкинский Евгений спасается от наводнения хоть и в фантомном, но по государевой воле возникшем городе, и думает о Параше, а тут его сама Параша спасает от всякой нечисти! Пушкин, ты не поверишь, меня всегда вот так преследует!

— Имя у девушки действительно редкое. Я потому и запомнил их. Они всегда парочкой сидят у меня на лекциях..., — слишком уж деликатно сообщил Ренат Маратович.

— А моя жена считает, что Пушкин мне уже всюду мерещится! — весело воскликнул профессор, потому что хотелось ему говорить абы о чем.

— Я знал одного умнейшего ученого... Так вот он полагал, что структура общества лишь в том случае является прочной, если она подобна структуре твердых сплавов. И ему это не мешало быть лучшим специалистом в области металловедения. Впрочем, именно он придумал такой сплав, который теряет свои свойства в состоянии покоя, а при внешних воздействиях, наоборот, свои свойства, например, прочность, повышает... Все дело в том, что у металла тоже есть память... Как и у человека. Хотя, я бы сказал, что у всех материальных образований есть память. Если пружину растянуть, превратить в обыкновенную проволоку, а затем подвергнуть термической обработке, она опять сойдет в пружину. Многие же считают, что есть и нематериальные образования. Но это долго объяснять. Вот и у всякого общества должна быть не только своя кристаллическая решетка, а и своя память... А этой ночью я прочел книжку, автор которой предлагает кристаллическую решетку человеческого социума разру-

шить, придать людям жидкообразное состояние. Он хочет, чтобы каждый был предоставлен сам себе, жил лишь своими интересами...

— Да все к этому и идет! Разве ж непонятно?

Они обменялись телефонами. Затем Сергей Михайлович закурил и тихим да мирным голосом стал рассказывать про собственные профессорские неурядицы. А Ренат Маратович пересказал ему незадачи свои. Затем Сергей Михайлович опять закурил, и разговор пошел у них по новому кругу...

— Редко теперь, понимаешь ли, можно вот так с человеком душу отвести! — признался профессор. — А что касается твоей решетки, то ты вспомни, как и пушкинскому Гриневу долг был превыше жизни, а Швабрин с его жидкообразным состоянием сразу переметнулся на сторону своего противника... Так что тема кристалла — это еще и для пушкинистов нехоженная тропа!

— Да, — согласился кандидат наук.

Далее Сергей Михайлович, как профессор-филолог, вспомнил мысль Гоголя о том, что если в России «сверху» будет все не по лжи, то «снизу» тем более никто не соврет. При этом, профессор соглашался с Гоголем горячо, а кандидат наук — степенно, словно бы каждое свое слово пробуя еще и на вес...

8.

— Мама! Папа! Посмотрите же скорей, кто к нам прише-о-о-ол! — это Прасковья приглашала своих родителей разделить ее радость. А сама подталкивала по коридору полуживого от волнения и усталости Евгения к кухне.

И к ним навстречу вышли очень полная женщина в голубом, с белым горошком, халате, с заспанными глазами и мужчина с пышной, пока еще непричесанной шевелюрой на голове.

— Да я и не сомневалась, что у Александра Георгиевича все получится, — важно сказала женщина. А затем спросила у Евгения: — А матери своей, которая умирает от страха за твою безжалостную к ней головушку, ты позвонил?

— Сначала пусть он сполоснется в ванной, — это уже отец Прасковьи принялся распоряжаться. — И хотя бы рубашку чистую ему дайте и носки, а то на натурального бомжа он стал похож... А я его родителям сейчас сам позвоню.

— Да дома я помоюсь...

— Нет, ты у нас еще и позавтракаешь! — Прасковья, стала подталкивать Евгения теперь уже к ванной. А затем и восторженно вручила ему отцовский спортивный костюм.

Когда дверь ванной за Евгением закрылась, хозяин ушел к телефону, а мать и дочь, не теряя времени, принялись собирать слишком уж ранний завтрак.

— Вышла бы ты замуж за такого человека, как Александр Георгиевич, я бы хоть спокойно умерла... — не утерпела мать. — А с этим Женечкой всю жизнь проныачишься...

— Мам, а ты бы могла выйти не за папу, а за кого-то другого? — не поверила Прасковья.

— Отца ты ни с кем не равняй, я за ним как за каменной стеной живу!

— А Женя точно такой же!

— Ага, ты тут места себе не находишь, а он без митинга обойтись не может...

— Ну, зачем ты так говоришь? — сказала Прасковья обиженно. — Вы с папой тоже на его стороне! И, вообще, не люблю, когда ты говоришь неправду!

— Невзрослый он человек...

— А папа был взрослым, когда ему девятого мая на митинге омоновец проломил голову дубинкой? Но ладно бы только это... А взрослым он был, когда решил меня Прасковьей назвать по святцам? И теперь, чтобы на Парашу я не откликнулась, то Прасу, то какую-нибудь Крашу выдумывает...

— Твой отец в тридцать лет уже заводом руководил! И если б не развалилось государство, он бы уже в министрах ходил! А теперь у него бандиты даже завод отобрали! И хорошо, что хоть не убили! — Мать сгоряча высыпала слишком много муки в кастрюлю с творогом, пришлось ей ложкой лишнюю муку с творога снимать.

— Вот Женечка и хочет, чтобы всех этих сволочей из Кремля скорее повыгнать, и чтобы такие, как мой папа, а не одни только иностранные шпионы да бандиты у нас страну руководили!

Обе, и мать, и дочь, сказав друг дружке много раз сказанное, наконец-то умолкли. Впрочем, мать умолкла только для того, чтобы, покончив с мукой и улучив момент, опять напомнить:

— Саша старше твоего Жени всего лишь на шесть лет, а я его иначе, как Александром Георгиевичем, уже не могу называть. И ради тебя пошел он даже твоего Женечку вытаскивать от «белого дома»... Да другой бы сразу не пошел!

— И что, я за это должна Женю бросить?

— А Женя твой думает обо всем, но только не о том, на какие шиши вы жить будете, когда он со своим дипломом инженера попробует себе работу найти! Производство-то у нас все остановилось! И что — возле вокзала сигаретами он будет торговать? Господи! Да собственными руками бы передушила всех этих сволочей, которые нам вот так жизнь испоганили! Потому что, как подумаешь, что творится, сердце кровью обливается...

Мать действительно схватила за сердце, круглое лицо ее стало багровым...

— Ну что же ты так за все переживаешь, мам... — Прасковья испуганно бросилась к коробке с лекарствами.

— Ладно, ладно... уже прошло...

Прасковья уже привыкла, если у матери подпрыгивало давление, переводить разговор на что-нибудь веселенькое.

Вот и теперь глазки ее вдруг просияли, хихикнула она в свой маленький кулачек так, что даже испачкала свой востренький носик в муке (они готовили «ленивые вареники»).

И мать сразу зарадовалась, потому что именно веселенькие глазки дочери казались ей всегда самою большею драгоценностью, только в их тихеньких, целованных ею и перецелованных лучиках она согревалась.

— А ты хоть знаешь, что это я придумала, как Женю от «белого дома» вытащить? — спросила Прасковья, радуясь еще и тому, что мать повеселе-

ла. — Ну, значит, захожу я к отцу... — она действительно очень комично изобразила, как зашла к отцу. — А он сидит у телевизора, смотрит свои бесконечные новости... — Прасковья изобразила и отца, у которого от телевизора глаза становились оловянными, и мать охотно рассмеялась. Это прибавило Прасковье азарта, она продолжила: — И я у него вот так осторожно спрашиваю: «Папулечка, а если бы у мамы сердце не больное было и она тебя отпустила бы к парламенту митинговать, то что тебя заставило бы домой уйти?» А ты же его знаешь, в простоте он слова не скажет... И, представляешь, даже с кресла своего он поднялся, по комнате туда сюда зашагал, а затем остановился, палец прицелил в потолок, и важно так говорит: «Видишь ли, дочь...» — Получилось столь достоверно, что Прасковья сама расхохоталась. А мать любовалась ее смешливым и счастливым личиком. Затем, покрутившись, прошептала:

— Сколько недель ты из-за Женечки вся как не живая была... А я, пока тебя тут стерегла, тоже вся извелась...

— Дай досказать! Не перебивай! «Видишь ли, дочь... — говорит, значит, отец очень уж важно. — Если бы я, как твой Евгений, где-то, так сказать, сторожил свои честь и совесть, а ко мне в этот момент вдруг подошел бы кто-то и поставил передо мною ту задачу, которую... э-э... кроме меня выполнить было б некому, то я бы не раздумывал...» «А какою может быть эта задача?» — спрашиваю я. А отец хитренький, сразу понял, зачем я у него об этом спрашиваю... Говорит: «Вот и давай подумаем... Допустим, надо из Верховного Совета секретные документы вынести и до поры да до времени спрятать их в надежном месте... И кто-то, допустим, должен эту задачу выполнить...» «Ага, — говорю, — портфель со списками министров и депутатов, завербованных ЦРУ! С теми списками, которые главный наш кэгэбист Крючков побоялся всем показать!» И сразу я к тебе прибежала, чтобы ты своего любимого Александра Георгиевича нашла мне!

Мать, однако, лишь печально вздохнула:

— Нельзя вот так использовать того человека, который для тебя все что угодно сделает...

— Ну, мам, ты ведь тоже за Женю переживала!

— Потому что от этих нелюдей всего можно ожидать... И мы, чтобы ты с ума не сошла, телевизор при тебе не включали...

Тут на кухню вошел отец.

— Что ли у вас уже и вареники готовы? Сроду я в такую рань не завтракал... А наш молодой человек долго там будет отмокать?

— Я сейчас позову его! — обрадовалась дочь необходимости звать Евгения, чтобы, наконец-то, усадить его за стол, да и глядеть, глядеть на то, как он родителей ее смущается...

Но Евгений тут же сам предстал на всеобщее обозрение — порозовевший, с влажными волосами, с причесанною бородкою, в слишком уж просторном спортивном костюме Прасковьиного отца.

— Господи! Был худой, а теперь вообще превратился в скелет! — воскликнула мать Прасковьи. — И ты его, Прасковья, не мучай сегодня! Пусть отдохнет. И родителям пусть еще и сам позвонит! А то ведь не догадается... Ну что за дети такие пошли! Накладывай в тарелки, а я телефон ему принесу!

И едва мать встала из-за стола, сразу за окном раздался суховатый треск.

Как будто трещали сучья во внезапно разгоревшемся и очень уж свирепом костре...

Прасковья только-то и успела заметить, как лицо у ее отца вдруг заколыхалось, словно в жарком мареве, и тут же она метнулась к окну, распахнула узкую створку, высунула голову, и уже с улицы донесся ее тоненький голосок:

— А никакого пожара не ви-и-идно!

Она, наверно, была уверена, что если ее Женя уже в безопасности, то больше ничего и не случится.

А когда обернулась, то сразу все поняла.

— Это, наверно, уже стреляют... — почему-то виновато вымолвила она.

— Я сбегая да хотя бы узнаю, что там... — Лицо Евгения стало блее белого.

— Я с тобой пойду! — воскликнула Прасковья более чем решительно.

— Н-н-не пущу! Не пущ-щ-щу! — это мать, растопырив руки, загородила собою всю кухню. И лицо ее было опять багровым, словно бы готовым лопнуть уже от одного только страшного крика.

— Никто никуда не пойдет! — Отец Прасковьи решительно взял Евгения за локоть, усадил за стол. — Глупо быть свидетелем того зрелища, которое является твоей же собственной казнью! — Но тут подбородок его вдруг задрожал, договорил он уже визгливо: — И благодари ж Прасковью за то, что она вытащила тебя оттуда! И себя уже не надрывай... Не надрывай!

Он и супругу усадил за стол, но она, перестав кричать, уставилась теперь на Прасковью с таким напряженным вниманием, с каким лишь вратарь глядит на приготовленный к штрафному удару мяч.

— И ты садись! — опять-таки срываясь на фальцет, прикрикнул отец уже на Прасковью. — Никак они, видишь ли, не усядутся! Начали если завтракать, то давайте же будем завтракать!

Но и сам он не притронулся к вареникам.

— Ты как? — спросил у жены. — Лекарство, может, выпьешь?

— Я ничего... — сказала она, — продолжая бдительно стеречь глазами свою дочь.

Минут пять все сидели молча, слушая, как то загасает, то вдруг разгорается страшный костер вспыхнувшей недалеко от их дома войны.

Потом вдруг начала тихонько позвякивать одна из чашек, приготовленных для чая, но, видимо, криво поставленная в блюде.

И все, кроме Прасковьиной матери, стали смотреть на эту чашку.

Затем и весь стол задрожал...

Мать Прасковьи только на один миг перевела свой внимательный взгляд с дочери на Евгения и тут же прошептала:

— Да вы только посмотрите, как его колотит всего! О, г-г-горе!!!

И действительно, Евгений пытался упереться локтями о стол, но локти его ходуном ходили, и плечи его тряслись так, словно пропущен был сквозь них электрический ток.

— Там в шкафу у тебя за спиной графин с водкой! — Скомандовал перепуганной насмерть Прасковье отец, которому слишком уж жалкий вид Евгения помог придти в себя. — Подай мне водку с рюмкой и я ему налью...

— Я ведь почти каждого, кто там остался, успел запомнить... — с трудом вымолвил Евгений.

— Выпей водки и немедленно успокойся!

— Я не хочу водки...

— Выпей и возьми себя в руки! — потребовал Прасковьян отец.

— А может корвалольчика?.. — пролепетала свою мольбу и Прасковья.

— Ничего мне не надо... Там... там... — Евгений обхватил голову руками.

А мать Прасковьи начала медленно сползать на пол.

Далее все происходило, как при выключенном звуке. Мужчины пытались удержать Прасковью мать на табуретке, Прасковья совала в ее непослушный рот таблетки...

— На пол давай положим ее... — с трудом протиснулся в общую немоту голос Прасковьиного отца.

— Я быстро скорую вызову! — И Прасковья бросилась к телефону.

Когда врачи грузили носилки с Прасковьиной мамой в машину скорой помощи, то помогал им еще и откуда-то взявшийся Ренат Маратович.

— А можно и мне поехать? — истончившимся до полной прозрачности голосом умоляла Прасковья врача. Но тот, глянув на нее сквозь пуленепробиваемые линзы своих тяжелых очков, лишь пожал плечами:

— Мне разницы нет, кто из вас поедет. Но больше одного человека в скорую не поместится. Нам с больной в машине работать надо.

В результате, уехал отец.

— Ты, — строго сказал он Прасковье, — будь дома на телефоне. Мало ли что понадобится...

Прасковья, пока отец садился в скорую, успела увидеть на розовом лице матери только один ее глаз — широко раскрытый, живой, напряженно в свою дочь глядящий.

Затем дверка захлопнулась и сквозь стекло стала видна Прасковье только голова отца. Он из последних сил ей улыбнулся.

— Вот же денек какой выпал... — сказал Ренат Маратович Евгению виновато, когда машина уехала. — А я тут с товарищем стоял, разговаривал... Потом же стрельба эта началась... Он сам не свой уехал... А я стою тут и тоже не знаю, что надо делать, когда уже слышишь собственными ушами вот эту стрельбу... Одним словом, никогда не поверил бы, что такое возможно... Вот же и у бедной женщины сердце не выдержало...

— Пойдите к нам, Ренат Маратович... Заодно и чайку выпьете... — с неожиданной мольбой предложила Прасковья.

— Да какой тут чаек... — сказал Ренат Маратович, но покорился, поплелся за своими студентами в подъезд.

Затем сидел он с ними на кухне и разглядывал чашку с дымящимся чаем, которую Прасковья перед ним поставила.

Но, поскольку вот так сидеть и слушать настойчивый треск стрельбы, было невыносимо, Прасковья вдруг вспомнила:

— Ты, Женечка, сам так и не позвонил домой...

— Потом позвоню... Они ведь уже знают, что я у тебя...

— Ладно, я теперь им позвоню... Скажу, что ты в кресле уснул, а я не хочу тебя будить... Они и успокоятся.

И Прасковья ушла звонить.

— Пусть же отвлечется... — сказал Ренат Маратович Евгению.

— А может быть, это они только для остротки палят? — спросил вдруг Евгений.

Ренат Маратович сказал:

— Кто его знает... Там же, за досками да прутами, не спрячешься...

— А меня ж, как не знаю кого, выманили оттуда... — голос у Евгения задрожал.

Прасковья вернулась с телефоном, осторожно поставила его на холодильник. И Ренат Маратович вскочил, чтобы помочь ей распутать кольца длинного шнура.

— Все, успокоила я твоих, — сказала Прасковья. — А телефон я принесла сюда, потому что отец может из больницы позвонить...

И тут же стала наводить на кухне порядок.

Ренат Маратович следил за каждым ее движением и тем самым словно бы продолжал ей помогать.

Но, все равно, при этом они все слушали только стрельбу.

9.

Когда в молчании прошло более получаса, Ренат Маратович, чувствуя себя в столь непростой ситуации ответственным за молодых людей, стал говорить:

— Вот, даже не знаю, занятия сегодня состоятся или не состоятся...

Прасковья же вдруг воскликнула:

— Лампадка у нас не горит!

Евгений быстро встал на табуретку, принял у Прасковьи коробок со спичками, зажег лампадку. Огонек ее, крошечный, заставил его сощуриться, замереть. А затем он украдкой перекрестился на икону.

И опять каждый стал ждать неизвестно чего.

— А вы только лекции мои слушаете или посещаете еще и мой спецкурс? — спросил вдруг Ренат Маратович.

Евгений и Прасковья опустили свои глаза. Но они были явно рады вот этому своему страху всего лишь перед преподавателем. Хотя пропущены ими были только последние лекции, когда Евгений пропал у «белого дома», а Прасковью мать из дома боялась выпустить.

— А зря! — Воскликнул Ренат Маратович, по-своему истолковав смущение студентов. — Я понимаю, что философии вам достаточно и академической, но мой спецкурс помог бы вам отнестись и к физмату как к метафоре социума! То есть, это вам только кажется, что сплав — это одно, а наше общество — нечто другое, а на самом деле законы, по которым общество жизнестойкость свою сохраняет, подобны тем законам, по которым сохраняет свою прочность любой кристалл. Вот, например, вода не имеет кристаллической решетки, и ей можно придавать любую форму. А, например, у алмаза решетка самая прочная. И потому его можно применять для воздействия на менее устойчивые структуры... В сущности, когда стоит задача получения новой структуры твердого сплава, то начинать надо с изучения характера предполагаемых компонентов. Например, вы, Евгений, у «белого дома» оказались потому, что там возник процесс новой структуризации нашего общества... Это вам понятно?

Однако последний тезис преподавателя заставил студентов отвлечься от его слов на неумолкающую стрельбу.

— Да... — вымолвил Ренат Маратович и тут же потерял мысль.

И потому опять наступила тягостная тишина.

А через некоторое время Ренат Маратович должным образом сосредоточился и свою лекцию продолжил:

— И, значит, когда кристаллические решетки цивилизаций и обществ ослабевают, эти антилюди, или, если хотите, антисистемы появляются, как раковые опухоли. А теперь вот уже и всю нашу страну они на клочки разорвали, и, поскольку наша страна являлась системообразующей для всего мира, то теперь они свои метастазы распространят на всю планету... И их мозговые центры хорошо понимают, что для своей полной власти над миром кристаллы человеческие надо превратить в жидкообразное или даже газообразное состояние... Один их деятель, Жак Атали, так и написал: мол, каждый человек, как молекула воды, должен никогда не находить себе своего места в этой жизни, никогда не быть к чему-то или к кому-то привязанным, жить только позывами своего желудка... То есть, людей они хотят превратить в существа более примитивные, чем животные, у которых все же есть и социальный инстинкт. Ну, например, каждое животное заботится о сохранении себя, как вида, а хоть и богатая, но жидкообразная Европа уже только ест и спит... Только ест и спит... Да...

Но, вот так рассуждая, Ренат Маратович вдруг почувствовал, что проще было бы ему не лекцию затевать, а тихонечко поскулить. Потому что уже не стрельба тяготила его, а собственное, давно незаживающее одиночество.

— В общем, что ни говори, а *им* уже дела до того, что мы о них думаем... — заключил он совсем уж померкшим голосом. И лицо его, и без того с невеселыми чертами, стало похоже на кислое яблоко.

— А давайте хотя бы телевизор включим, — вспомнила Прасковья, — папа бы уже давно включил...

— Ага, еще и слушать, что эти гады нам скажут теперь! — возмутился Евгений.

И опять все долго молчали.

— Да... — Ренат Маратович стал смотреть на большой циферблат остановившихся настенных часов. В них, видимо, настолько ослабла батарейка, что секундная стрелка, оставаясь на месте, только вздрагивала.

Затем, уже из своего одиночества, нечаянно взглянул он на Прасковью и словно бы иголка в миг выпала из его сердца — так все-таки была хороша эта его студентка, невесомо склонившаяся над кухонным столом, спрятавшая кончики пальцев себе подмышки, и глядящая, как с фотографии, во что-то никому неведомое. Ренату Маратовичу даже показалось, что если она пошевелится, то он задохнется и тем выкажет вот этот свой внезапный восторг перед ней.

А Евгений, как из сна, следил за жилочкой на Прасковьином виске, вздрагивающей словно бы вслед за секундной стрелкою остановившихся часов...

— Посидел тут с вами и хватит... Только вы уж, ребятки, сидите дома... Чтобы я не виноват был, что оставил вас без присмотра... — сказал Ренат Маратович, не слыша собственного голоса.

— Да что вы, не беспокойтесь! Нам же звонка надо из больницы дожидаться! — воскликнула студентка Прасковья с неожиданной горячностью. — И Женю я сама теперь никуда не отпущу!

— Вот и побудьте вместе тут...

Он потихонечку, боком, ушел. Будто растаял.

Как в полную неизвестность спускался затем он в лифте, неизвестно зачем шел по Брянской улице в сторону Москвы-реки. И — неизвестно о чем думал. А потом оказалось, что все-таки думает он о *ней*, давно и неизвестно откуда появившейся в его жизни, отогревшей его служебную каморку вкрадчивым, как ручеек, южно-русским говорком, ласковыми, никогда не потухающими взглядами. «Ты такой хороший, — однажды сказала она. — Таких, наверно, уже не бывает... Вот только бы я к тебе насмерть прикипеть не успела...». И рассмеялась так горько, как никогда еще не смеялась. «А что произошло?» — осторожненько спросил он то ли через день, то ли через два, когда ему на это хватило смелости. Она ничего не ответила. Но — уже всегда только горькими были и ее голос, и ее улыбки, и ее ласка. И, насквозь отравленный этой ее неизвестно откуда взявшейся горечью, он однажды услышал: «У нас никогда не будет своего жилья. И, значит, нам нельзя рожать детей. Я это поняла... А вот так, впустую, жизни своей я радоваться не могу...» И исчезла неизвестно куда, оставив после себя только маленькую фотографийку на книжной полке...

10.

Едва захлопнулась за преподавателем дверь, Прасковья вмиг прильнула к пристывшему на своей табуретке Евгению и разрыдалась.

Все, что скопилось в ней от переживаний сначала по поводу вдруг пропавшего за колючей проволокой у «белого дома» Евгения, затем по поводу вот этой страшной стрельбы, затем по поводу матери, увезенной в больницу, прорвалось теперь из нее обильнейшими слезами. А Евгений сначала боялся ей помешать вот так, во весь голос, рыдать, затем все-таки поймал ее руку и неуклюже прижал к своей щеке. И сразу плач утих. Теперь уже они сидели, не шевелясь.

Трудно сказать сколь долгой была эта их внезапная летаргия, но, поскольку они вроде бы как и не дышали, то, наверно, была не такую уж долгой. Первой что-то сипловато прошептала Прасковья. Однако, когда Евгений очнулся, то расслышал только ее тихенькое хихиканье.

— Ты чего? — спросил Евгений одним лишь выдохом.

— Да борода твоя... Думаешь, не щекотно мне, когда ты бородищей своею уже всю шею мне исколол...

— Хочешь я состригу ее?..

— Не надо...

— Как скажешь...

— А ты меня правда любишь?..

— А ты?

— Я первая спросила...

— Но ты все время у меня об этом спрашиваешь...

— Но не я же пропала на столько недель... — Она вдруг ссутулилась, как капля стекла с его плеча.

— Ты чего?

— Да ничего... Ты пропал, а я тут переживала...

Не найдя, что сказать в свое оправдание, Евгений отвернулся.

— Ладно, ладно, Женечка, я просто так сказала...

Она поспешила его вновь обнять. И опять погрузились они в свой уютный сон. Только теперь Евгений сидел, отвернув свою бороду в сторону.

— Я даже не верю, что доживу до того дня, когда мы с тобой будем уже всегда только вместе, — прошептала она.

— Почему?

— Потому что от счастья я сразу умру...

— ...

— Да не шевелись ты...

— Я не шевелюсь...

— И отвернулся же...

— Потому что тебе не нравится моя борода...

— Я просто так сказала...

И тут зазвонил телефон. Они вскочили. Прасковья, разругавшись, быстро поправила волосы, осторожно подняла трубку.

Отец повеселевшим голосом сообщил, что ни инфаркта, ни инсульта врачи у матери не обнаружили. Но предложили на несколько дней оставить ее в больнице, чтобы понаблюдать за ней и, может быть, подлечить...

— А можно к вам сейчас же приехать? — обрадовалась и Прасковья.

Оказалось, что приехать можно будет только вечером, после пяти часов. Да и то неизвестно, пустят ли в палату. Вот же и отца из палаты врач прогнал.

— Но я все-таки должен подождать, — сказал отец, — ее сейчас они на УЗИ отправят, чтобы еще и на поджелудочную проверить... Потому что поджелудочная, оказывается, по симптомам похожа на сердечный приступ... Но ты не пугайся, воспаление поджелудочной можно вылечить и забыть...

— Может быть, я должна продуктов маме купить в больницу?

— Я сам куплю, — после некоторого размышления сказал отец вроде бы как даже строго. — Ты теперь своего Евгения стереги.

— Да не переживай ты еще и за меня! — успокоила отца Прасковья. — Честное слово, я из дома никуда не выйду. И Женю не отпущу.

Когда разговор с отцом был закончен, она напредила Евгению:

— А сам ты так и не позвонил домой!

— Но вы же сообщили моим, что я у вас...

— Я бы на твоём месте еще и сама позвонила.

— Да они сразу как начнут орать на меня...

— Знаешь, что со мной мама бы сделала, если б я, как ты, пропала так надолго?

— Давай не будем об этом говорить...

— А я придумала! Мы вместе приедем к тебе домой, а они при мне тебя ругать не станут...

— И все-таки надо бы взглянуть, что там творится...

— Я боюсь...

— Ты побудь дома, а я добежу за пару минут до гостиницы «Украина», с набережной гляну и тут же вернусь...

— А если пуля какая-нибудь туда долетит? Нет, я тебя не выпущу...

— А если кирпич на голову?..

— Вот и хорошо, что ты тут, а не там...

— Ты сообщаешь, что говоришь?!

— Все время ты обижаешься... Я не могу, когда ты вот так вдруг обижаешься на меня...

— Я даже подумать боюсь о том, что там сейчас творится...

— Поэтому никуда ты не пойдешь...

— Зачем же придумывать какую-то жуть со мной, если страшнее всего того, что уже случилось, быть не может? А, кстати, — он прислушался, — стрельбы уже не слышно...

За окном действительно не было слышно даже одиночных выстрелов.

— Ну, хорошо. Если ты и выйдешь на минуточку, то только со мной... Но, все равно, лучше будет, если мы телевизор включим и все узнаем...

— Я уже никогда не буду этих фашистов включать...

— Пока папа не вернулся, я тебя на минутку выведу до «Украины»... Только поклянись, что тут же мы вернемся...

— Ты как ребенок, честное слово... Да если что, я первый тебя за руку потащу домой!

— Мы только чуть-чуть выглянем и сразу вернемся... — сказала она.

— Только глянем и все...

— Только глянем...

— Ага...

11.

Из подъезда они вышли, держась за руки и по птичьим вытянув головы. Сразу же заозирались по сторонам. Но во дворе было пусто. Только серый, с белым пятном на лбу, кот лениво вышел из им навстречу из давно нестриженного куста, потянулся, широко зевнул, а закрыв рот, равнодушно глянул в их сторону.

— Какой хорошенький котик... — нервно рассмеялась Прасковья.

— А ведь действительно уже не слышно стрельбы... — сказал Евгений.

Дворами прокрались на Дорогомиловскую улицу, где, однако, как ни в чем ни бывало, по тротуару в ту и в другую сторону вышагивали не такие уж редкие прохожие.

Прасковья услышала, как одна женщина, вооруженная большой хозяйственной сумкой, сообщала своей попутчице: «Зря мы с тобою яйца в гастрономе, а не в ларьке покупали. В ларьке всегда свежее они».

«А может, ничего и не произошло? — подумала Прасковья. — Или это они только делают вид...»

— Все делают вид, что никто не стрелял по людям... — сказал Евгений, и чуть ли не задохнулся от негодования. — А ведь даже бараны уже бы заблеяли!

— Женечка, ты обещал! — Прасковья испуганно сжала его руку. — А то мы сейчас же вернемся домой!

— Да что ты все боишься! Что ты всего боишься!

Различив в голосе Евгения раздражение, Прасковья оставила его руку и на шаг приотсталала.

— Ну что ты еще и все время обижаешься! — Он сердито взял ее за руку.

— Я не люблю, когда ты становишься вот таким чужим...

У гастронома Евгений надумал купить сигарет.

— А обещал бросить...

— Ты же знаешь, что я бросил, но *там* я все равно курил... А сегодня последнюю пачку выкурю и все...

— Как хочешь...

А молча бродившие в гастрономе между продуктовыми полками и молча стоявшие в очереди у касс люди показались им похожими на заговорщиков. Так что Евгений с Прасковьей, купив сигареты, вышли из гастронома чуть ли не на цыпочках.

Евгений сразу же с жадностью закурил.

На Украинском бульваре коренастый мужчина азартно бросал большую суковатую палку, а его могучая овчарка тут же устремлялась за этой палкой и, крепко сжав ее зубами, приносила своему хозяину. «Хорошая собака, хорошая...» — охотно хвалил ее хозяин. Евгений с Прасковьей остановились и, как зачарованные, стали смотреть на их монотонную игру.

— Мужик зомбировал собаку, а телевизор зомбировал мужика... Вот они и играют, как ни в чем не бывало... — опомнившись, процедил Евгений.

— Ты уже вторую сигарету закуливаешь...

— Сказал же, что это последняя пачка...

А с Кутузовского проспекта они увидели сам «белый дом».

Он стоял, как ни в чем ни бывало, в полном согласии с погруженным в свои заботы огромным городом.

И таким же спокойным было его отражение в реке.

Только длиннющая шеренга застывших на мосту зевак свидетельствовала о том, что вокруг парламента что-то все-таки происходит.

Не чувствуя под собою ног, не слыша ничьих голосов Евгений и Прасковья пошли по мосту.

При этом они не сводили глаз с «белого дома».

— А дальше мы не пойдем, — тихо шепнула Прасковья, когда треть длиннющего моста осталась у них позади.

— Да... — ответил Евгений столь же тихо. А, немного форсировав голос, так что он у него задрожал, тут же спросил у рядом стоящего мужчины: — Что за пальба тут была? Неужели прямо по людям стреляли?

Тот ничего не ответил. Стоял, как каменный.

Но зато на Евгения оглянулся старичок с лицом, похожим на белую луну. С очень уж простодушным волнением он сообщил:

— Там, говорят, очень много народа уже полегло...

В это время одна суховатая автоматная очередь все-таки нарушила тишину.

Евгений вытянул голову за перила моста, разглядел между зданием мэрии и «белым домом» скопление военной техники и омоновцев.

«А глянь, и танки уже появились!» — послышался чей-то диковато возбужденный вскрик. Народ стал смотреть на танки.

— Все, пошли отсюда... — испуганно взмолилась Прасковья.

— Сейчас уйдем...

Танки остановились на противоположной половине моста ровной шеренгой. Тонкие и совсем не грозные их стволы были развернуты в сторону белого, похожего на огромный корабль, силуэта парламентского здания.

— Я все-таки боюсь, Женья...

— Помолчи...

— Мы только полминутки постоим и вернемся... Ладно?

— Ладно...

Когда прозвучал первый выстрел из танка, то показался он Евгению не таким уж и громким. Куда-то зловеще вдруг метнулось над онемевшей рекою эхо от этого выстрела. И не сразу догадался Евгений о том, что выдохнутый одним из окон «белого дома» серый пузырь — это то ли дым, то ли пыль от взрыва танкового снаряда. Скоро, однако, из окна повалил дым уже настоящий, густой и черный...

— Стреляют, потому что Бога не боятся! — это простодушнейший старичок беспомощно обернулся к Евгению. Но зрочки его так прыгали, что Евгений невольно отвернулся.

— Я только хотел сказать, что в здании тоже люди могут быть! — договорил луноподобный старичок уже кому-то другому.

Второй выстрел был таким же метким.

— Ну как они могут?! Как они могут вот так стрелять?! — невольно вскрикнула Прасковья и, вся дрожа, обхватила плечо Евгения обеими руками.

— Мы сейчас уйдем... — сказал Евгений.

— Сволочи... Это просто сволочи... — надрывно гневался и старичок.

— А батя ничего не понял и продолжает митинговать! — слышался чей-то нарочито удивленный голос.

— И ты, значит, такая же сволочь! — не сдался старичок.

— Что ты сказал? Ну-ка повтори!

— Т-ты, ур-род, я из твоей поганой пасти ночной горшок сделаю! Отвали от пожилого человека!

Старичок, обрета чью-то столь несокрушимую защиту, притих.

Евгений напоследок взгляделся в длинную шеренгу стоявших на мосту людей, но встретился глазами с неподвижно застывшим чуть поодаль Ренатом Маратовичем. Лицо у преподавателя было как мел.

В этот миг прозвучал третий выстрел и Прасковья, вскрикнув: «Да неужели же нельзя их остановить!», стала метаться из стороны в сторону, всех дергать за рукава: «Или вы не слышите? Давайте хотя бы кричать все будем! Давайте хотя бы на них кричать мы будем!»

— Все! Немедленно пойдем отсюда!!! — Евгений хотел было поймать ее за локоть, но она уже стремительно метнулась в сторону танков.

Ослепнув от ужаса, Евгений бросился ее догонять.

— Как же вам не стыдно! Как не стыдно! — крикнула Прасковья омовцам, загородившим ей дорогу своею тяжелою амуницией. И тут же принялась кулачонками своими лупить по бронежилетам. Один из омовцев нехотя попытался оттолкнуть ее прикладом автомата, но промахнулся. И она, пронырнув меж щитами, устремилась к крайнему танку. И по танковой броне она тоже колотила своими крепко сжатыми кулачками. Один омовец неторопливо подошел к ней, ударом ноги подсек, другой омовец сбил с ног подоспевшего Евгения Петрова, третий, заметив Рената Маратовича, бочком-бочком приближающегося (словно встречным ветром продувало его насквозь!), быстро скрутил и его.

— Ребята просто не выдержали, что ж вы такое творите! — успел крикнуть Ренат Маратович прежде, чем омовец ловко оглушил его сильным ударом ботинка в подбородок. Потом их всех троих, уже неподвижных и, наверно, очень легких, омовцы схватили за ватные руки и поволокли куда-то. А танки продолжили свою размеренную стрельбу.

12.

— Я тебя тут жду, даже на работу на столько часов опоздала, а ты куда пропал?! — жена Сергея Михайловича набросилась на него сразу, как только он вернулся домой.

— А то ты не знаешь, что там центре твориться...

— Да если б не творилось, я бы и не переживала! Неужели ж нельзя было позвонить?!

И вся она, как, может быть, оса, наконец-то выпорхнувшая из разоренного гнезда, заострена была одной только яростью.

— Я что, телефонную будку должен был искать при всей этой жути? — Сергей Михайлович, не снимая ботинок, устремился к телевизору. А жена метнулась за ним, чтобы досказать теперь уже даже последнее:

— Дочка до октября в босоножках проходила, а его другое волнует! О дочке ему подумать некогда!

— Ну, мам... Прекратите! — послышался из коридора также и голос дочери.

— А то я по ночам сплю! А то я ради вас не бомблю по Москве! А то я книжку свою, почти готовую, уже дописываю! А то я, как ты, только с ума схожу! — проревел Сергей Михайлович, вдруг ослепнув от всей той собственной ярости, которая скопилась в нем с самого утра, когда, оставив машину в одном из арбатских переулков, беспомощно вышагивал он вдоль милицейского оцепления от Смоленки до Баррикадной и обратно.

— Да я ж... я ж... — Голос жены споткнулся, и она договорила уже совсем беспомощно: — Если бы ты пропал, как бы мы без тебя тут жили? Что, я не знаю, что тебе голову потерять — ничего не стоит...

— И-й-ех-х! — Сергей Михайлович изо всей силы саданул кулаком по комоду, на котором стоял телевизор, но при этом ничего так и не заблестело на его уже абсолютно сером лице. — Так вас всех напугать успели, что даже и ты теперь ничего и ни кого не слышишь!

— Ты ведь и на лекции свои не пошел... — Жена уставилась в него, как глядят лишь в занавешенное окно.

— Какие лекции! О чем и с кем я буду теперь говорить!

Жена, с широко раскрытыми, но ничего не видящими глазами, вдруг словно бы шагнула прямо в него, и Сергею Михайловичу осталось только прижать к себе ее непослушные плечи.

Но тут же она ворохнулась, тихо и как-то очень уж обыкновенно шепнула:

— Все, ты вернулся, и я хоть не буду переживать...

— Вот и успокойся...

— На работу я все-таки побегу, а дочка, если захочешь, тебя покормит...

— За меня не переживай...

Уже убегая, она смутно вспомнила:

— А что теперь будет..?

— А будет лишь то, что будет...

И она ушла, унося с собой свое почти стершееся, как и ее давнишний жакет, страдание.

Телевизор он, однако, не включил. Потому что тут же всплыла, как тень, дочка.

— Ты чего? — спросил он, не стерпев ее молчания.

— Я даже не знаю, что сделаю, если вы будете постоянно грызться друг с другом...

При этом она упрямо глядела в сторону. Словно бы со смертельной скукой.

— Я тоже не знаю, что сделаю, если ты, вместо того, чтобы своей матери посочувствовать, будешь на нее только злиться! — угрюмо сказал Сергей Михайлович.

— Тебя кормить?

Так спрашивают только официанты.

Чтобы не сказать: «Не скотина я, чтобы меня только кормить...», Сергей Михайлович лишь досадливо махнул рукой, мол, ничего мне от тебя не нужно.

Затем, почувствовав себя виноватым, поплелся за дочкой в ее комнату — всю заклеенную цветными вырезками из журналов.

Впрочем, глядел он тоже в сторону. Может быть, на эти вырезки.

Но — надо было им поговорить уже всерьез...

— Все это у тебя от пустоты, — он осторожненько, даже голову пригнув, указал на изображение то ли юноши, то ли девицы, где главными были сапоги на уверенно расставленных ногах. — И все эти журнальчика тебя никак не касаются... Да.

— Ага, ты, конечно, все знаешь...

— Да потому что... — голос его дрогнул, — потому что люди все эти для тебя никто... Потому что им до таких, как ты, дела нет... Ты думаешь, что они для тебя песни поют, а на самом деле они, как комары, тобою только питаются...

— ...

— А у тебя есть мать... У тебя есть я... Вот, сегодня встретил я одного человека, и он, например, рассуждает так: пока люди между собой, как частицы алмаза, едины, с ними ничего не случается... А если они, как мы с тобою, каждый сам по себе, то их, как воду, кто-то будет черпать... Вот и тебя уже вычерпывают... И страну, которую сегодня при нашем с тобой согласии расстреляли, тоже будут черпать... Я-то ведь и тебя, ради твоей пользы, иной раз книжку прочитать умоляю, а эти... — Он махнул рукою на журнальные вырезки. — Этим на тебя наплевать... Умнейший, между прочим, человек мне сегодня встретился... Я только сейчас это по-настоящему понял... Но, к сожалению, не в вашем институте он преподает... А ты хоть знаешь, что людей между собой связывает крепче всего и, значит, дает им защиту от всякого, скажу так, внешнего чужеродного воздействия? Знаешь? Да всего лишь обыкновенное сочувствие друг к другу! Это когда способны они понимать что-то друг в друге и, вообще, во всей своей общей жизни... Неужели ж это тебе не понятно? А? Ну, будет же и у тебя когда-нибудь своя семья... И если чем-то большим, чем желание личного комфорта да счастья, семья твоя не слепится, то только обиду да злобу ты и найдешь для себя в этой семейной жизни... Вот, ты на нас обижаешься, а ведь мы с твоей мамой пока еще не обижаемся и не злобимся. Просто иногда терпения не хватает... Ты поняла?

Она вдруг смутилась и согласно кивнула.

Хотя, наверно, смутилась она всего лишь оттого, что отец, всегда похожий на стальную пружину, вдруг заговорил с нею вот так, с трудом

подбирая слова. Но Сергею Михайловичу и этого было достаточно, чтобы открылится, чтобы признаться дочери уже от всей души:

— А что! Я и сам только теперь понял, что всю жизнь занимался ерундой! А ведь и на явление Пушкина надо смотреть... — Он все-таки запнулся, чтобы выстроить мысль должным образом. — Надо на явление Пушкина смотреть прежде всего, как на явление кристаллизации новой, уже послепетровской Руси! Ведь трагедия его Отрепьева и даже трагедия его драгоценного Онегина заключается только в том, что они... Ну, даже не знаю, что в физике позволяет одним молекулам срастаться, а другим отталкиваться одна от другой... Впрочем, я сейчас же позволю этому Ренату Маратовичу и упрощу его прочитать мне на эту тему целую лекцию!

— Ты бы поспал... А то мама опять будет за тебя переживать...

— Звоночек по телефону сделаю и посплю!

Но телефон Рената Маратовича не отвечал.

«Н-н-у... н-н-у... — нетерпеливо подвывал Сергей Михайлович бесконечной череде протяжных гудков. — Да возьми же ты тру-у-убку! Возьми-и-и...»

А без дела оставаться он уже не мог.

Оставив телефон, потянулся было к телевизору.

Но — из без того душа уже вся изждалась и изнылась...

Только Ренат Маратович с его суждениями, проникающими, оказывает-ся, в причины гибели всех расцветших во времени и в пространстве цивилизаций, мог бы в такой день утишить его, а может быть, указать и на некие болты да гайки, которыми любое порушенное мироздание можно свинтить заново...

Но — не было уже и терпения, чтобы оставаться между двумя жизнями — настоящей, из телевизора, и собственной, еще не оконченной, еще не сбывшейся...

Горячий характер Сергея Михайловича, в конце концов, как слепой подземный родник, сам нашел себе выход. То есть, Сергей Михайлович очень уж грузно, враскачку, как человек, принявший самое ответственное решение, прошагал на кухню, открыл холодильник, извлек оттуда бутылку водки, свинтил пробку, с размаху отглотнул половину, закусил тем, что первое под руку попало, вернулся к дивану, рухнул на него и, зажмурив глаза, стал дожидаться сна.

Впрочем, он так и не заметил границы между явью и сном во внезапно обретенном, с тонким спиртовым шумом в голове, покое.

...Проснулся в сумерках. Долго лежал без единой мысли, словно бы заново родившись. Вернее, мысли сразу начали свою бестолковую толкотню в его отяжелевшей голове, но он не захотел обращать на них своего внимания.

Затем различил он со стороны кухни тихенький, наверно, от него таящийся говорок. «Да не сплю ж я, не сплю...» — мысленно сообщил он жене и дочери. Но, поскольку вот так, на диване, еще никто всю свою жизнь не долежал, он неохотно поднялся, поплелся на кухню.

Жена предложила ужин. Он согласился на чай. Слушал, словно изда-лека, пересказ жены обо всем, что сегодня говорили у нее на работе и по поводу уже известных ночных кровопролитий у Останкино, и по поводу утренней пальбы по «белому дому».

— Я все-таки до него дозвонюсь, — сказал Сергей Михайлович жене, когда с чаем было покончено. Она настороженно умолкла. А затем прокрадась вслед за мужем, чтобы все-таки узнать, кто ему вдруг понадобился на ночь глядя. Но муж ни до кого не дозвонился ни с первого раза, ни со второго. Хотя, поймав ее тревожный взгляд, устремленный из полутемного коридора, успокоил:

— Да это я так, проконсультироваться хотел... для книги!

Та уютная вата, которую он ощущал в голове после сна, между тем, сама собой растворилась. И когда жена уже начала стелить постель, он ей, как бы между прочим, сообщил:

— Вот, отоспался, поеду хоть на полночи, чтобы потом поспать...

— Да ты уже денег на все первые случаи наработал... А у нас в музее весь левый флигель недавно в аренду сдали, обещали зарплату выплатить...

— Я ненадолго... Только потому, что сдуру выспался...

Сразу же он поехал по адресу, оставленному Ренатом Маратовичем.

Дверь в подъезде философа сплавов была древней, с толстым слоем запылившейся и во многих местах пооблупившейся краски. Зато лестница, хорошо освещенная, была вполне чистой.

После короткого звонка открыл ему очень уж чахлый мужчина в широких трусах и в не менее просторной майке.

— Я к Ренату Маратовичу...

Мужчина молча провел его по длинному коридору, молча указал на дверь Рената Маратовича.

Сергей Михайлович неуверенно постучал.

— А у него всегда открыто. Так что зря не шуми, — подсказал мужчина издалека. Но тут же поспешил вернуться. И первым вошел в темную, запруженную книжными полками, комнату. Сам включил свет, сам тихонько позвал: — Маратыч, а к тебе гость...

А заглянув за все полки и никого там не обнаружив, обернулся к Сергею Михайловичу с тем выражением удивления, которое оживило даже его давно изнеможенное лицо.

— Что, до сих пор его дома нет? — нетерпеливо спросил Сергей Михайлович.

— Почему-то его нет... Но там на столе такая бутыллица виски стоит! Никогда не подумал бы, что наш Маратыч вот так шикаует!

— А разве у вас телефон не общий?

— Я свое отслесарил в ЖЭКе, и мне теперь, как пенсионеру, никто не звонит. А кроме меня тут есть две старухи: одна уже обезножила, другая ничего не слышит. Да и дом-то под снос пойдет... Так что телефон в его комнате стоит. А, значит, вискаря я сразу узнал! Из такого же четырехгранника меня один жилец на Молчановке угостил, когда от водки я отказался... Н-н-у, Маратыч! Придет же, я у него угощусь, хотя и уже ничего подобного не употребляю...

Затем всю ночь Сергей Михайлович крутился по городу с пассажирами. Внимательно вглядывался в каждого, словно бы ожидая чего-то. Но, вопреки обыкновению, все были в эту ночь неразговорчивыми. Когда же пришлось проезжать в сторону «белого дома», решительно свернул по кольцевой до Смоленки и через Москву-реку переехал по Бородинскому мосту...

А утром опять заехал к Рустаму Маратовичу. Но бывший слесарь встретил его теперь неприветливо:

— Маратыч так и не появился...

Затем все-таки и посоветовал:

— Ты на участок его езжай, он всегда там ровно до семи управляется.

Сергей Михайлович поспешил на Суворовский бульвар.

Во дворике у памятника Гоголю с изумлением обнаружил Александра, одетого во все тот же белый, но теперь уже изрядно помятый плащ.

Обрадовался ему, как родному.

И сам Александр сразу же бросился ему навстречу...

— Вы представляете, Ренат Маратович тоже куда-то пропал! — возбужденно сообщил он прежде, чем пожать протянутую ему Сергеем Михайловичем руку.

— Тебе, значит, он тоже понадобился?

— Дело в том, что Прасковья вчера куда-то пропала... С этим своим вчерашним сокурсником! И стало также известно, что дворник вроде бы к Прасковье заходил... Ну, уже после того, как ее мать увели на скорой...

— Да-а-а, дела... — Сергей Михайлович закурил. — А в его институт никто не звонил?

— Звонил я и в институт...

— Ну?

— В институте он тоже не появлялся...

— Надо бы попробовать еще и больницы обзвонить... Мало ли...

— Я вчера вечером по больницам искал всех троих! Но все дело в том, что прокуратура на раненых теперь дела заводит и их фамилии пока не разглашаются...

— Понятно...

— Да я бы этому ее Женечке уши поотрывал! — воскликнул вдруг Александр очень визгливо, как подросток. — Наверняка ведь это он снова туда поперся, а она, конечно, за ним...

Сергей Михайлович, поперхнувшись сигаретным дымом, хрипловато вымолвил:

— Мы можем все, что угодно, предполагать... Ты не спеши волноваться.

— Что, не мог тот же дворник с ними посидеть, пока отец Прасковьи не вернулся бы домой? Или они сами не могли друг друга остановить?! Да знал бы я, чем это кончится, сроду не стал бы этого Женечку вытаскивать! Всю прошлую ночь на него потратил...

Тут Александр вдруг умолк и Сергей Михайлович, невольно оглянувшись, увидел вошедшего во дворик одутловатого мужчину средних лет, по-спортивному одетого и со спортивной сумкой через плечо.

— Вы не видели тут дворника? — крикнул тот энергично, вытирая платком пот со лба.

— Сами его разыскиваем...

— Я из-за него из Штатов приперся, а он пропал... А вроде бы как до семи утра он тут должен быть? Так?

— Уже двенадцать минут восьмого, — взглянув на часы, сказал Сергей Михайлович. — Так что можно нам расходиться по домам...

Сергей Михайлович, вдруг подчинившись общему мажору или, наверно, всего лишь давая волю собственному спеленатому впечатлениями вчерашнего дня характеру, положил руку на плечо Александру и для начала прошептал:

— А ты хоть знаешь, что я тебе сейчас скажу? Когда даже Пушкин ехал на свою последнюю дуэль, то по дороге он повстречался со многими приятелями да друзьями... С кем-то кофе выпил, с кем-то что-то обсудил... — Затем Сергей Михайлович, не справившись с волнением, дал волю и голосу: — И никто Пушкина не остановил! Никто! И сам он никого предстоящей дуэлью не надсадил! Короче говоря, даже с Пушкиным случилось то, что должно было случиться со всяким человеком, ощущающим себя стоящим перед Богом! — Голос его, уже полный горечи, вдруг задрожал. Однако и дрожащим голосом он договорил: — А ты тут раскулился так, как будто только перед тобою все виноваты! И вообще, ты, может быть, знаешь, как надо жить! Но знать не хочешь, зачем другие люди живут и зачем они иногда жизни своей не жалеют! Вот так-то!

Американский пришелец сначала слушал профессора-пушкиниста с напряженным вниманием, но потом спохватился, разочарованно махнул рукой и сказал:

— Ну, мужики, тут, я вижу, у вас своих проблем полный рот. А мне осталось только в аэропорт успеть... Гори оно все синим пламенем!

И зашагал на бульвар.

— Что он Гекубе, что ему Гекуба... — выскрежетал Сергей Михайлович ему вдогонку. — А вот ты... — Он притянул Александра к себе поближе за воротник плаща. — Ты почему сам не остался сторожить во дворе свою драгоценнейшую Прасковью? Почему?!

Александр сначала глядел на Сергея Михайловича с недоумением. Затем, поскучнев и пробормотав: «А я думал, что вы нормальный человек!» — освободил воротник плаща от цепкой ручищи профессора, ринулся вслед за американцем к своей машине.

Оставшись же наедине с недосказанными мыслями, Сергей Михайлович обернулся к Гоголю и, даже и уняв ярость, все-таки спросил:

— Ну что, Николай Васильевич, уже теперь вся Россия дошутковалась?

Затем провел кулаком по своим вдруг усохшим, до рези, глазам, и вдруг различил барельеф, насквозь опоясывающий гранитный постамент.

И, постанывая, принялся его жадно разглядывать...

...Оказывается, гоголевские герои были изображены здесь именно в том виде, в каком они, кто картинно отставив ногу, кто вскинув руку, кто так, а кто и эдак, подчинялись только своему слепому азарту к жизни.

Оказывается, всем этим пузастеньким или безпузым людям тоже не было дела до той горней печали, в которой сам их автор однажды сгорел, как на медленном огне.

Сгорел, чтобы, может быть, все-таки по-сыновьи вышептать не только Богу, но и единственному Божьему *лицарю* — русскому казаку Бульбе, тоже сгоревшему: «Слышу... Слышу...»

— Да и я все слышу... Но с меня что толку... — чистосердечно сознался профессор филологии великому писателю Николаю Васильевичу Гоголю.

Нестерпимая резь в глазах у него тут же прошла.

Зато теперь из глаз его вытекли обильные слезы...

Мы знаем цель засадного полка.
Мы — скрытая опора авангарда.
Враги о нас не ведают пока,
А значит — и не бита наша карта.

* * *

*Авось в грядущем ты все же выкroишь
аршин бессмертия и для меня.*

В. Киеванов

Не горюю, что мало пишу
И немного в поэзии вешу,
Но зато никуда не спешу
И тщеславием душу не тешу.

Пусть другие «бессмертья аршин»
Вымогают и машут аршином...

...Я спускаюсь с окрестных вершин,
Чтоб подняться к небесным вершинам.

Может быть, и негромко пою,
И не в такт, и не в полную силу,
Но под сводами Храма стою
Я все чаще, молясь за Россию.

КРОВНЫЕ СВЯЗИ

Я лишился и сна и покоя —
Всюду грезился стонущий ветер.
Чувство вдруг шевельнулось такое,
Что весь мир стал и грустен, и светел.

Есть глубинное в нас ожиданье
Новой встречи с родительским краем.

Будто нам приоткроются тайны
Деревенских забытых окраин.

И мы едем, тревогой согнуты,
В край, где ждут колокольни и вязы.
В долгожданные эти минуты
Просыпаются кровные связи.

* * *

От городской устану суеты,
Захочется душе переворота,
Уйду туда, где желтые цветы
По склону убегают за ворота.

Где никуда не надо мне спешить,
Где все так чисто и первоначально,
И где закат, всполохами прошит,
Задумчиво струится и печально.

Лишь окунувшись в эту благодать,
Я, может быть, подумаю впервые:
Вот от чего добры отец и мать —
Крестьяне, хлебопашцы рядовые.

Захочется быть чище и родней.
Проникнусь обжигающей тревогой
За все: от перелеска до камней,
От речки до оврага за дорогой.

ОЧИЩЕНИЕ

Все вздыхали и хмурились — дождь на дворе
Все сильнее стучал по карнизам и крышам,
Наполняя тревогой сердца детворе.
Я же музыку в стуках и шорохах слышал.

Дождь от ветра страдал, бился он о стекло.
Словно путник, под крепкую крышу просился.
Сколько мутной воды по асфальту текло!
Как неистово ветер свистел и носился!

Я шептал в темноте: «Дождик, лей, не жалея»,
И над миром тяжелые тучи нависли.
Как по листьям стекала вода с тополей,
Так текли и мои просветленные мысли.

РОССИЯ

Малиновая тихая отрада
На просеке в недремлющем бору
Приходу неожиданному рада.
Я тоже рад — малины наберу.

Влечет меня неведомая сила
В края, где кони детства пронеслись,
Где каждый кустик, каждая осина
Слились в одно название — Россия —
И вместе все в душе моей сошлись.

* * *

Плотнее в доме закрываю дверь я,
Безверья мрак плетется стороной.
В сознание просыпаются поверья.
Навеянные русской стариной.

И мучит мысль, что этому столетию
Остался миг в космической глуби.
Но русский дух не перешиблен плетью,
А значит: верь, надейся и люби!

Смотри, как дочь, презрев и лень, и бремя,
Рисует лес, качели у осин.
Жизнь продлена, а стало быть — не время
Для похорон растерзанной Руси.

* * *

Березовый высится крест	Такой охраняя секрет,
Меж пыльных дорожных извилин,	Который судьбе равносильен.

* * *

Обнять друзей, простить врагов,	Сгорая, близких обогреть,
От зла добром отгородиться,	Себя понять, с природой слившись,
Уйдя от милых берегов,	И незаметно умереть,
Чужими всеу не гордиться;	На светлый образ помолвившись.

ПОЭЗИЯ

Галина ИЛЬИНА

ПО КОМ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

Галина Александровна Ильина — родилась в 1959 году в г. Ленинграде. Участник трех конференций молодых писателей северо-запада России. Автор двух поэтических книг «Радуга в ладонях» и «Радужный дождь». Печаталась в журналах «Огни Кузбасса», «Пражские огни», «Огни Севера», «Вертикаль. XXI век». Член Союза православных писателей Санкт-Петербурга. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Как рыба без живительной воды
Я сохну в нерифмованном пространстве.
Когда мне говорят о постоянстве,
Я вижу стихотворные сады,

Где живоносно царствует весна
И, не скупясь, дарует вдохновенье.
И вешние мои стихотворенья
Выплескивает на берег волна.

АБСТРАКТНЫЙ РИСУНОК

Возьму бумагу для акварели,
Впущу в оконце полночный свет,
Чтоб не истаять в тоске апрельной,
На час забуду, что я — поэт.

Здесь охрой пряной отмечу счастье,
Раскрашу киноварью крах,
Ультрамарином залью ненастье
И черной сажей замажу страх.

Я прорисую любовь что остров
Средь половодья страстей, стихий...
Писать картину — легко и просто,
Не то, что кровью писать стихи.

Но и в абстрактной
 подмене строчек,
В ночной картинке замечу днем:
Художник —
 сердцем — закровоточил,
Все те же муки поэта в нем.

Не люблю я весну и лето,
Не люблю также осень и зиму.
Для ранимой души поэта
Все сезоны невыносимы.

Вот бы снега среди теплыни
И дождя посреди мороза,
Хмурой осенью — неба синего,
А весною вместо мимозы
Желтолистые жду букеты...

А иными бывают поэты?

ВЕСНА В ПИТЕРЕ

На асфальте чернеют заплаты,
Пахнет нефтью и пылью густой.
У скамейки пацан конопатый
Забавляется банкой пустой.

Это там — на природе — водица,
От капли живительный дух!

В Петербурге пылит и клубится
Трехсотлетия каменный пух.

Но внезапно сквозь смог и унынье
Вдруг пахнет отдаленной, сырой,
С ароматом подснежников синих
И такой — настоящей — весной!

ПИТЕРСКИЕ КРЫШИ

Питерские крыши стали выше,
Чем осенний сникший небосвод.
Глуше звуки, но яснее. Слышу
Слов уставших сурдоперевод,

Листопада вздох, ветров одышку,
Шепоток щемающий: шу-шу-шу...
Питерские крыши.
Дождь застывший.
Осень. Тишиной прошитый шум.

* * *

Заиндевели деревья и крыши,
И окна узорами заиндевели,
Декабрь прошаркал
скрипуче-слышно,
Попутно купая в холодной купели

Тех, кто казалось еще недавно
Бежали во двор навстречу метели,

Часами катались на лыжах и санках,
И с горок в сугробы отважно летели.

Они в квартирной своей теплыни
Забыли, что пахнет зима ванилью,
Что колетса светом бенгальским иней,
И даже детство свое забыли...

* * *

Подруге Татьяне посвящается

Цветет каштан на Пионерской¹,
Веселый² утонул в сирени,
А мы бредем проспектом Невским,
Где нет ни дерева, ни тени.

А мы гуляем по центральным
И жарким улицам беспечно,
По площадям исповедальным,
Да переулкам бесконечным,

Где солнцем здания лучатся
И слепят витражами стекол,

Где можно с прошлым повстречаться
Средь многолюдного потока.

Здесь к вечности
приникнуть просто —
Горячий цоколь дома тронешь,
И наслоенных лет короста,
Отшелушась, слетит в ладони...

Цветет каштан на Пионерской,
Веселый утонул в сирени.
Мы останавливаем время
На постоянно юном Невском.

¹ Пионерская — станция метро в Санкт-Петербурге

² Веселый (поселок) — район в Санкт-Петербурге

БОРОДИНО

Горячий ветер лился в глотки,
Как вражьих пуль и боли сплав.
Но помнишь, взяли мы высоту,
Российский флаг над ней подняв.

Сорвали голоса и спины,
Но, нервы в узел закрутив,
Мы шли и шли неотвратно
Под пуль свистящих лейтмотив,

Под грохот бахающих пушек,
Под стон и крик, под крепкий мат,
И под мольбу о наших душах,
Под «Отче наш». Ты помнишь, брат,

Как горечь трав мешая с кровью,
Смерть собирала урожай.
А мы — за Родину — с любовью
Врезались в бой, врага круша.

Мы победили! И иначе
Быть не могло, а потому —
Вы, поминая нас, не плачьте,
Храните свет и мир в дому!

Чтоб не напрасно, как на тризне,
Мы выстояли в том бою,
Чтобы не зря во имя жизни
Здесь положили жизнь свою.

СТИХИИ

*И мыслями о вечном, о высоком
Делилось с нами пристальное небо...*

Ю. Шестаков

И светляками рвутся в небеса
Обрывки пламени костра земного,
И отступает ночь на полчаса
Для измерения совсем иного.

Сплелись в одно — огонь и тишина,
И время приумерило свой промельк,
И опустила наземь вышина
Передохнуть в безвременной истоме.

Стихиям этим всем и я сродни:
Пожар страстей меня влечет и гложет.
Но покаяния наступят дни,
Я стану и спокойнее, и строже.

В душе стихии все переплету
И подниму к высотам из пучины
И пристального неба маету,
И мой костер — горючую лучину.

ЗАПРЕЩАЮ

Запрещаю себе стареть,
Запрещаю думать о смерти,
Пробиваю унынья твердь
В этой жизненной круговерти.

Наслаждаюсь каждым глотком
Солнца, ветра, дождя летящего,
Удивляюсь тому, что в простом —
Столько главного, настоящего...

* * *

А.Р.

Небо голубино-голубое
Глубиной притягивает чистой
И над покаянной головою
Воспаряет, как Покров Пречистой.

Солнце слепит нестерпимо белым,
Затопило светом — плавать можно.

Только в глубине сиянья неба
Что-то изменяется тревожно:

Взмахи крыл, багровых от заката,
С языками огненными схожи —
Запылала высь. Близка расплата
За грехи... Помилуй землю, Боже!

ПО КОМ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

Укоризненно звенят колокола,
Собирают чад своих заблудших,
Пробиваясь в ветреные души
И материальные тела.

Верю я, кто ищет — обретет,
Ну а кто не верит — ненароком,

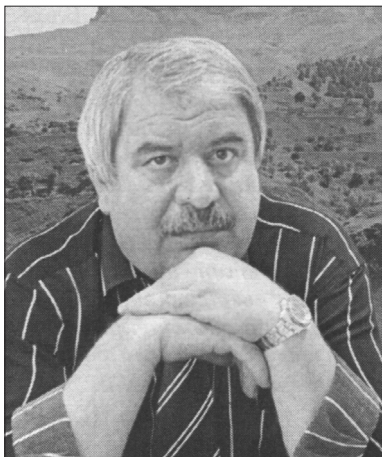
Звоном потрясенный, в храм войдет,
И взмолится в чаянье высоком:

«Господи, помилуй, помоги!
Дай мне силы выжить в мире этом,
В нем так трудно нищим и поэтам.
Духом нищему — поэту — помоги!»

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Родная РЕЧЬ

Магомед АХМЕДОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ С...

Магомед Ахмедович Ахмедов — окончил литературный институт им. М. Горького. Автор многих поэтических книг и литературных статей. Член Союза писателей России. Народный поэт Дагестана. Лауреат Большой литературной премии России. Руководитель Союза писателей Дагестана. **Живет в Махачкале.**

Размышления с Сергеем Александровичем Есениным

1.

В 1975 году, будучи студентом первого курса Московского Литературного института, имени М. Горького, мне посчастливилось принимать участие в торжествах по случаю 80-летнего юбилея Сергея Есенина в Рязани и в родном селе поэта Константинове.

Меня, первокурсника, включили в писательскую делегацию, возглавляемую знаменитым русским поэтом Сергеем Наровчатовым. До сих пор для меня осталось загадкой то, почему мой учитель Александр Алексеевич Михайлов рекомендовал именно меня из своего семинара поэзии для этой поездки. Я был девятнадцатилетним молодым поэтом, который приехал из горского аула и поступил на учебу в Литинститут. В те годы в Литературный институт без двухгодичного стажа работы вообще не принимали, но, благодаря моему учителю, руководителю творческого семинара А. Михайлову для меня сделали исключение и приняли в Литинститут сразу после школы.

У Михайлова была замечательная традиция: приглашать на свой семинар известных поэтов для встреч со студентами. На одном из таких семинаров присутствовал и Сергей Сергеевич Наровчатов, и он, по рекомендации Михайлова, включил меня в делегацию писателей. Эта поездка

оставила в моем сердце неизгладимый след, и я всю жизнь остаюсь благодарен им за это.

Мы приехали в Рязань поездом, и в этом прекрасном русском городе с перрона дышалось Есениным и его поэзией. Везде были книги, буклеты, альбомы, плакаты, напечатанные к юбилею, значки с его изображением, звучали песни и стихи поэта.

До сих пор помню, как шли по улицам Рязани толпы людей, спешащих на юбилейные торжества, и у всех на груди блестели значки с портретами великого поэта, они были даже у маленьких детей. Я читал на открытии памятника Есенину его стихотворение, посвященное Пушкину, которое заканчивалось такими словами:

*Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.*

И сегодня, перечитывая Есенина вновь и вновь, я все время вспоминаю и Рязань, и его родное село Константиново. Кажется, что издали слышится голос пятнадцатилетнего гения:

*Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.*

*Плачет где-то иволга,
схоронясь в дупло.
Только мне не плачется —
на душе светло.
Знаю, выйдешь к вечеру
за кольцо дорог.
Сядем в конны свежие
под соседний стог.*

*Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.
Ты сама под ласками
сбросишь шелк фаты.
Унесу я пьяную до утра в кусты.*

*И пускай со звонами плачут глухари.
Есть тоска веселая в алостях зари*

Только Божий дар и знак гениальности могли помочь в пятнадцать лет написать такие стихи. Вообще, Есенин — особая статья в Конституции русской поэзии, любовь к Есенину — это особое чувство, всеобщее чувство. Не было, наверное, такого поэта, как Есенин,

которого бы безоговорочно приняли все слои народа, все читатели. Легкое дыхание есенинских стихов, их чудное мгновение и трагическое пророчество делают его имя светильником, озаряющим все внутри человека, тайный отблеск его поэтического костра все манит и манит к себе через годы все больше и больше людей. Музыка есенинской музыки полна светлой силы и тайны предсказания, тайны воздействия на человеческое сердце звуками поэзии.

Стихи Есенина похожи на полевые цветы, они полны неповторимых звуков, запахов, красок, они, как бабочки на огонь, летят на земную жизнь и чувства, умирающие в пламени его поэтического огня, возрождаются в сердцах читателей, как Феникс из пепла, и остаются в них на всю жизнь.

Есенин из мощного крестьянского поэта постепенно превращался в мощного общечеловеческого поэта, но всегда оставался звенеть внутри русского языка. Есенин почти непереволим на другие языки, ведь невозможно перевести с языка на язык дыхание, стук сердца, взгляд. Их можно только почувствовать. У Есенина даже в радости таится боль, и в ней он находит свои болевые точки. Поэзия его, соприкасаясь с болевыми точками в душах читателей, оказывает очищающее, оживляющее и избавляющее от боли воздействие:

*Не жалею, не зову, не плачу.
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

*Ты теперь не так уж будешь биться.
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком...*

Я привожу здесь слишком известные стихи Есенина, чтобы еще раз сказать о том, что тайны поэзии, как и пути Господни, неисповедимы, Есенин — поэтический пророк чувств. Хотя он и говорит: «О, моя утраченная свежесть, Буйство глаз и половодье чувств». Все это у него было утрачено в жизни, чтобы приобрести бессмертие в стихах. Ведь, чтобы что-то приобрести, надо что-то терять. Потери, которые были в жизни Есенина, в стихах становились приобретениями, и он, отдавая собственную судьбу на растерзание времени, никогда не боялся, что его жизнь исчезнет бесследно и поэтому в конце заметки «О себе» писал: «Что касается остальных автобиографических сведений — они в моих стихах». И на это поэт Сергей Есенин имел полное право.

2.

Максим Горький, одним из первых, заметил, что «Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключи-

тельно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия — которое — более всего иного — заслужено человеком». Поэт Есенин — «человек-орган, созданный природой исключительно для поэзии», всегда раскрывал настежь свою душу, раскрывал все карты чувств, не оставляя ни одного козыря, чтобы достать в нужный момент, потому что все моменты его любви и ненависти, радости и печали, горя и тревоги, жизни и смерти, музыки и бессмертия были нужными, ненужных и случайных черт в его поэзии не найдешь. Душа Есенина кровоточит, сердце полно боли, голова гудит от тревог, глаза устали от земного бытия, вздох его легок, а выдох очень тяжел;

Сергей Александрович Есенин

*Не больна мне ничья измена,
И не радует легкость побед, —
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.*

*Превращаются в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие годы, —
Ничего не хочу вернуть.*

Есенин, прежде всего, беспощаден к самому себе, он в своих чувствах иногда бывает похож на обнаженный электрический провод — дотронешься — током горькой правды прошибет так, что искры полетят во все стороны жизни.

*Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...*

Великий Александр Блок, который первым помог Есенину выйти в литературу в своей известной статье «Интеллигенция и револю-

ция», писал: «Великие художники русские... погружались во мрак, но они не имели силы пребывать в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно «все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна». Свет и мрак для русской поэзии всегда были символическими понятиями, и каждый русский поэт в той или иной степени отдавал дань этим понятиям.

Для Есенина же свет и мрак — неразлучные спутники: и в жизни, и в судьбе, и в любви, и в чувствах. Они сопровождают его, как вечные телохранители, вернее будет, если можно так сказать, душехранители.

Погруженная во тьму, в омут жизни, в болота бытия есенинская муза, все равно излучает свет и светится родниковой чистотой.

*Дар поэта — ласкать и карябать.
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.*

*Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.*

Любому человеку понятно, что здесь ангелы важнее всех чертей вместе взятых.

Есенин всегда удивлял мир то нежным словом, то грубым выкриком, но всегда в нем присутствовали вера в свет и красоту жизни. Он был человеком со всеми присущими ему чертами и верил в человека и любил его, и все, что написано им о себе, написано о человеке на земле:

*Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.*

*Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистой дрожью
Неотлелевших журавлей.*

Эта «рыдалистая дрожь неотлелевших журавлей» становится поэтической формулой есенинской музыки, тканью его стихотворного слова, музыкой его чувственной вьюги:

*Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви.
Загляделись в розовую воду.*

*Много дум я в тишине продумал.
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.*

Мы тоже счастливы тем, что он дышал и жил.

3.

В предисловии к сборнику «Стихи скандалиста» Есенин писал: «Я чувствую себя хозяином в русской поэзии и потому втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков. Нечистых слов нет, есть только нечистые представления. Не на мне лежит конфуз от смелого произнесенного мной слова, а на читателе и на слушателе. Слова — это граждане. Я их полководец. Я веду их. Мне очень нравятся слова корявые. Я ставлю их в строй, как новобранцев. Сегодня они неуклюжи, а завтра будут в речевом строю такими же, как и вся армия».

Сегодня, когда великий и могучий русский язык перешел на так называемый «блатной жаргон», «корявые слова», о которых говорит Есенин, кажутся невинной детской шалостью. А вот что пишет об этом сам поэт:

*Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава.
Что похабник я и скандалист.*

*Ах! Какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.*

*Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мрень.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.*

Таким он был Сергей Есенин. Грубость его была защитным панцирем беззащитной души, которую все кому не лень — и свои, и чужие — пинали со всех сторон. Трагические стихи из «Москвы ка-

бацкой», сверхтрагический «Черный человек» — это финал человека и поэта, который постепенно переставал верить в силу света, отдавая победу темным силам. Черти начали преодолевать ангелов и, в конце концов, одержали свою черную победу — привели Есенина к гибели. Он искал, и не нашел опоры для этой неравной борьбы, власть сил зла оказалась сильнее власти сил добра. Одиночество в толпе, одиночество среди людей, одиночество среди друзей и врагов, одиночество с самим собой — вот что толкнуло Есенина на собственный эшафот, а ведь он долгом поэта считал:

*Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже.
Кровью чувств ласкать чужие души.*

«Кровью чувств ласкать чужие души» — вот каково было предназначение Сергея Есенина — пророка чувств, а вместо этого ему пришлось писать:

*Я обманывать себя не стану.
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?*

Не злодей я и не грабил лесом.
Не расстреливал
несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса.
Улыбающийся встречным лицам.

А ведь как начинал Есенин! Об этом очень хорошо сказал один из исследователей его творчества А. Козловский: «Ранние стихи Есенина полны звуков, запахов, красок. Звенит девичий смех, раздаётся «белый перезвон берёз», вызванивают ивы, звенят удила, «со звонами» плачут глухари, заливаются бубенцы, слышится «дремная песня» рыбаков, гудят тростники, играет то тальянка, то ливенка. Спас пахнет яблоками и мёдом, ели льют запахи ладана. Кругом — мягкая зелень полей, алый свет зари, голубеет небесный песок, кадит черемуховый дым. Полыхают зори, рощи кроют синим мраком, впрочем, мрак может быть и алым, на воде — желтые поводья месяца. Синее, голубое, алое, зеленое, рыжее, золотое — брызжет и переливается в стихах поэта».

Действительно, какое брызжащее счастьем начало и какой трагический конец:

Черный человек
На кровать ко мне садится.

*Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.
Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнуся надо мной,
Как над усопшим монах.
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги.
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек
Черный, черный!*

Опять-таки: «Что касается остальных автобиографических сведений — они в моих стихах».

И после смерти «черные человеки» преследовали его — запрещали на долгие годы его книги, бросали тень на его жизнь и судьбу. Но Сергей Есенин — не тот поэт, которого можно запретить. Он — «человек-орган, созданный природой исключительно для поэзии» — звучит, и будет звучать пока существует человечество, пока не исчезнут на земле великие понятия — поэт и поэзия, а они никогда не исчезнут.

Закончу стихами другого русского поэта, достойного продолжателя Есенина, Николая Рубцова:

*Слухи были глупы и резки:
Кто такой, мол, Есенин Серега,
Сам суди: удавился с тоски
Потому, что пьянствовал много.*

*Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была. Да не эта!*

*Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравье есенинской музыки.*

*Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня.
Если сам я хоть что-нибудь значу.*

Замечательные стихи прекрасного поэта о великом поэте Сергее Александровиче Есенине — о «человеке-органе, созданном природой исключительно для поэзии».

Размышления с Николаем Михайловичем Рубцовым

Имя поэта Николая Рубцова я впервые услышал в сентябре 1974 года на первом курсе Литературного института им. М. Горького в Москве на Тверском Бульваре, 25.

Во дворе института, у знаменитого памятника Герцену, собрались вчерашние абитуриенты — сегодняшние студенты, и оживленно спорили о поэзии и поэтах, и каждый вслух выкрикивал имя того или иного своего любимого поэта.

Назывались в основном имена Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, Ахмадулиной, которые тогда были у всех на слуху. Это было время эстрадной поэзии, и их имена гремели, собирая полные стадионы поклонников.

Среди этого, как эстрада, студенческого шума и гама кто-то, сейчас уже не помню кто, как-то тихо, почти виновато произнес: «Коля Рубцов»...

Гул затих. Мы — деревенские парни и аульские ребята впервые услышали имя этого поэта по-домашнему «Коля Рубцов», и он с того дня вошел в мою жизнь, как знак поэтической судьбы, как чистый родник живого русского поэтического слова.

Я взял в библиотеке Литинститута (какая у нас была замечательная библиотека, там множество книг было с автографами самих авторов, классиков советской литературы и современников) его книгу «Последний пароход», изданную «Современником» уже после его трагической гибели в 1971 году, которую люблю перечитывать с небольшими перерывами и до сих пор.

Как выяснилось потом, о Рубцове в Литературном институте ходили легенды. Одна из них гласила так, ее рассказывал и потом об этом написал мой учитель — руководитель творческого семинара, один из самых замечательных людей, которого я встретил на заре своей молодости и, может быть, только благодаря ему я пишу эти и другие размышления, тончайший знаток не только русской, но и мировой поэзии, выдающийся литературный критик, профессор А. Михайлов:

«Комендант общежития, по кличке Циклоп (свирепый взгляд одним глазом, другой потерял на войне), однажды обнаружил, что в холлах общежития на всех этажах исчезли портреты классиков русской литературы.

Комендант всполошил всех, бросились искать. Один из холлов оказался заперт изнутри. Стали стучать, за дверью послышалось какое-то движение. Открыл дверь Рубцов и спокойно направился к стоящему в середине холла креслу, сел в него, а у противоположной стороны были выставлены в ряд красочные портреты классиков:

— Что вы тут устроили Рубцов? — еще не разглядев одним глазом содеянного, но, подозревая нечто каверзное, завопил Циклоп.

— А ничего, — спокойно ответил Николай, не меняя позы пристального оглядывания в классиков. — Вот собрал товарищей по литературе...поучиться у них уму-разуму...

— Что? — разглядев портреты у стены, еще громче воскликнул комендант. — Кто вам разрешил снимать портреты?

— Понимаете, поговорить не с кем, а это все умные, гениальные люди, с ними интересно пообщаться».

Николай Михайлович Рубцов

А в среде студентов рассказывали то же самое, но концовка была другая. Якобы Рубцов ответил коменданту:

— Хоть один раз хотел выпить с порядочными людьми, и то не дали.

Но самое главное, такой факт действительно был, и он характеризует оригинальность Рубцова как человека и поэта. Ему ни в институте, ни в жизни, ни в литературе не хватало достойного понимания, и он искал его у классиков. Он сам их понимал превосходно, я думаю, что классики русской литературы тоже поняли бы Рубцова.

Но, как говорил Хемингуэй: «Жаль, что нельзя менять мертвых на живых».

Вот стихи Рубцова «О Пушкине»:

*Словно зеркало русской стихии.
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее.*

Всего четыре строчки. А о Пушкине сказано почти все. В этом сила таланта.

2.

Николай Рубцов не только чисто русский поэт, но и поэт трагического предчувствия и пророческого Божьего дара. Мой учитель Александр Алексеевич Михайлов ввел в литературу термин «тихая лирика», которая противостояла пустому шуму эстрадной поэзии, своей глубокой задумчивостью и тихой, но светлой печалью.

В «тихой» лирике Рубцова кипят неподдельные страсть и любовь, истинные, подлинные чувства к своей Родине, земле, деревне. Она озарена светом есенинских голубых глаз и блоковским российским туманом, чистой поэзией Фета и трудными раздумьями Тютчева. Рубцов — классический поэт. Вот его стихотворение «Журавли»:

*Меж болотных ствол
красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь, —
и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня,
позовут журавлиные крики
Над моим чердаком,
над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси
предназначенный срок увяданья
Возвещают они,
как сказание, древних страниц.
Все, что есть на душе,
до конца выражает рыданье
И высокий полет
этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси
машут птицам согласные руки.
И забытость болот,
и утраты знобящих полей —
Это выразят все,
как сказанье, небесные звуки.
Далеко разгласит
улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят...
Отворите скорее ворота!
Выходите скорей,
чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли — и вновь
сиротеет душа и природа
Оттого, что — молчи! —
так никто уж не выразит их...*

Судьба и поэзия Рубцова, как «улетающий плач журавлей», с трагическим размахом несется по полям и долам России, призывая в очередной раз великую Русь любить своих поэтов, пока они живые, а не петь реквиемы на их могилах.

Жизнь и судьба Николая Рубцова заставляет нас еще раз убедиться в том что в той стране, где поэзия выше конституции и поэт больше, чем поэт, сам поэт находится всегда под вечным прицелом непонимания, одиночества и отчуждения.

«Поэзия не от нас зависит, а мы зависим от нее. Главное, чтоб за любимыми формами стояло подлинное настроение, переживание, которое, собственно, и создает, независимо от нас, форму», — писал он в письме Александру Яшину.

Подлинное настроение и переживания превращались у Рубцова в шедевры русской лирики, в не придуманную, естественную, гармоничную поэзию:

*Я люблю, когда шумят березы.
Когда листья падают с берез.
Слушаю, — и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.*

*Все очнется в памяти невольно.
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно.
Будто кто-то шепчет о любви,*

*...Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы.
На глаза, отвыкшие от слез.*

Поэзия Николая Рубцова улавливала тонкие движения одинокой, сиротской души. Он находит спасение от неуютного, злого, как мачеха, в стихах, за ним по пятам идут беды и обиды, бедность и нищета, неустроенность и разлад, зависть и месть.

Рубцов прост, как правда:

*Стукну по карману, — не звенит.
Стукну по другому, — не слышать.
Если только буду знаменит.
То поеду в Ялту отдыхать.*

«Николай Рубцов — поэт долгожданный». Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией — не придуманной, органической.

Полвека прошло в поиске, в изыске, в утверждении многих форм, а также — истин. Время от времени в огромном хоре советской поэзии звучали голоса яркие, неповторимые. И все же — хотелось Рубцова. Требовалось.

Кислородное голодание без его стихов надвигалось. «Долгожданный поэт, и в то же время — неожиданный», — так написал другой русский поэт Глеб Горбовский, и он прав. И прав Николай Рубцов:

*Улетели листья с тополей —
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность?
Пусть деревья голые стоят.
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват.
Что с деревьев листья улетели.*

Мой однокурсник и друг по Литературному институту Николай Михайлович Коняев написал документальную повесть о Рубцове «Путник на краю поля» (книга о жизни, смерти и бессмертии Николая Рубцова).

Книга замечательная.

Заканчивается книга такими словами: «В 1973 году на могиле Рубцова поставили надгробие — мраморную плиту с барельефом поэта. Внизу по мрамору бежит строчка из его стихов:

«Россия, Русь! Храни себя, храни!»

— которая звучит словно последнее завещание Рубцова этой несчастной и бесконечно любимой стране, что не бережет ни своих гениев, ни саму себя...

Точнее не скажешь. Понимал и чувствовал это и сам Рубцов:

*Я слышу печальные звуки.
Которых, не слышит никто.*

Ведь, недаром Глеб Горбовский назвал Николая Рубцова долгожданным поэтом.

Хотя поэтов ждут долго, но они приходят и уходят неожиданно. (Рубцова убила любимая женщина). Мне мой друг Виктор Каратаев — замечательный поэт и друг Рубцова, которого уже нет с нами (царство тебе небесное, Виктор — чистая душа и честное сердце) рассказывал, что в ту ночь убийства, соседка Рубцова проснулась от крика: — Я тебя люблю! — это были последние слова, которые произнес Рубцов, обращаясь к женщине, которая его убивала. Это может сказать только великий поэт. А случилось это в январе 1971 года, точно так, как он написал в последнем стихотворении:

*Я умру в крещенские морозы,
Я умру, когда трещат березы.*

Он все предвидел.

Есть поэты, которые просто пишут стихи, и есть другие поэты, которые записывают то, что продиктовано свыше, по велению Бога. Николай Рубцов относится ко вторым.

Наверное, после Сергея Есенина, немногие поэты смотрели на Русь такими грустными, печальными, виноватыми и трагическими глазами, как Николай Рубцов. Чувство вины в его творчестве — главное, очищающее чувство. Он чувствует себя виновным перед Отчиной, народом, любовью, хотя все в жизни было наоборот.

В поэзии Рубцова слышится вечный мотив прощания. Он как будто предчувствовал, знал, что будет недолго смотреть на этот прекрасный, радостный и трагический мир чистыми глазами поэта и честным сердцем певца своей Родины, будто хочет вернуть ей быстрее долг сына и поэта Родины.

Но и грусть, и вина, и чувство долга высвечены пронзительной обнаженностью истинного таланта и Божьего дара, неповторимостью поэтического характера и безукоризненного творческого поведения.

Рубцов дал протертым от Жизни, Судьбы и Пути словам новое дыхание, новую жизнь и его классическая звезда заняла достойное место в созвездии русских классиков.

Я лично этому радуюсь, потому что это справедливо, а справедливость — превыше всего. Он это знал, поэтому и написал:

*Поэт перед смертью
сквозь тайные слезы
Жалеет совсем не о том.
Что скоро завянут надгробные розы
И люди забудут о нем.
Что память о нем —
по желанью живущих —
Не выльется в мрамор и медь...
Но горько поэту,
что в мире цветущем
ему
после смерти
не петь...*

А Николай Рубцов нам поет после смерти и в этом его бессмертие.

Перевод с аварского Сергея Васильева

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Наталья ХАРЛАМОВА ГОЛОСА МЕДНОГО ОСТРОВА

*Рецензия на антологию
кипрской литературы*

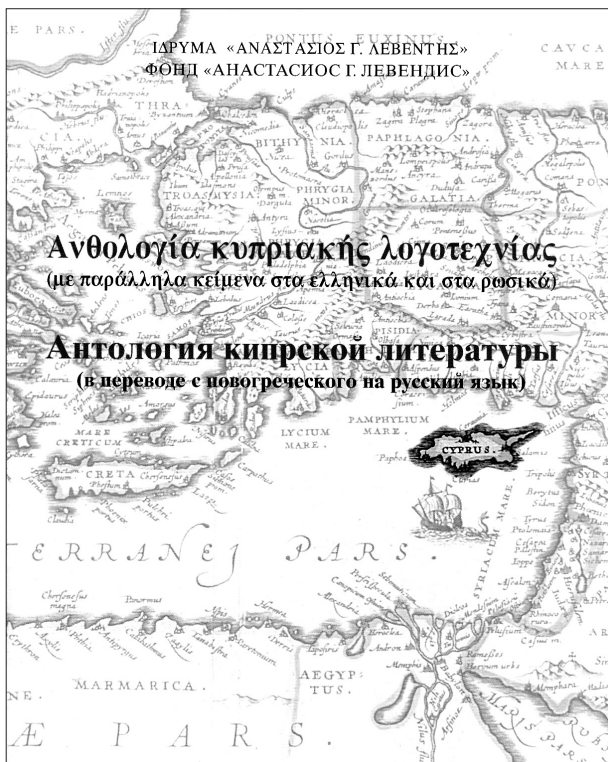
Наталья Олеговна Харламова — в 1984 г. закончила кафедру истории Древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ, изучала поэмы Гомера и раннегреческую лирику. Основная тема научных исследований того времени — греческая архаическая поэзия в контексте общественно-политической жизни, этнические, эстетические и духовные ценности античного мира. С 2001 по 2007 год работала научным сотрудником музея истории религии. Основное направление научной деятельности — история монашества. С 2008 г. — научный сотрудник музея Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии и научный консультант по экспозиционно-выставочной работе Валаамского монастыря. Имеет несколько сборников стихов и переводов древне- и новогреческой поэзии. В 2007 г. выпустила в издательстве «Яуза-Эксмо» исторический роман «300 спартанцев». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Кипрский фонд Анастасиоса Левендиса совместно с Кипрским университетом в этом году выпустил в свет антологию кипрской литературы с параллельным переводом на русский язык. Это первое издание, представляющее русскому читателю путь развития кипрской литературы от момента становления до сегодняшнего дня. Сборник составлен так, чтобы показать многообразие форм и направлений кипрской литературы. В антологии представлено 14 поэтов и 11 прозаиков разного времени.

Греческая литература — самая древняя и вместе с тем самая юная в Европе. Язык, насчитывающий более трех тысяч лет письменной традиции, после длительного перерыва стал обретать новую жизнь. Турецкое владычество на несколько столетий прервало нормальный ход развития культуры и литературы. Лишь с середины XIX века муза снова посетила греческий народ и взяла его литературу под свою опеку. Снова зазвучали стихи на греческом языке — дивные стихи Соломоса, Паламаса, Кавафиса. В двадцатом веке уже можно с уверенностью говорить о возрождении греческой литературы, произведения Сефериса, Рицоса, Сикельяноса, Элитиса вошли в золотой фонд европейской и мировой поэзии.

Сложнее дело обстояло с возрождением кипрской литературы. Кипр был на периферии греческого мира, вдали от Европы, и чуждый окружавшим его со всех сторон народам. Территориально он принадлежал Востоку, культурно тяготел к Европе, духовно — оставался верен Православию. Многовековая борьба за выживание, за сохранение своего этноса, языка, культуры и веры — поглотило все силы народа. Только с обретением свободы в XX веке Кипр получил, наконец, возможность свободного национального самовыражения.

Поиски кипрских поэтов и прозаиков ведутся в разных направлениях, в русле европейских литературных течений. Конечно, киприоты не могли не испытать сильнейшего влияния новой греческой литературы, прежде всего Кавафиса, Сефериса и Элитиса. Также прослеживаются следы воздействия европейского модернизма. Прямую перекличку с Томасом Элиотом можно заметить у Панделиса Миханикоса и у Маном Кралиса. Последний в стихотворении «Эвмениды» подхватывает тему погибшего финикийского моряка Фливаса из «Бесплодной земли» Элиота и представляет чарующую зарисовку пленительного южного пейзажа:

*...Φινικийские гребцы уснули в тени распустившихся диких лавров
на пустынных островах, где поющая свирель южного ветра рассыпалась
осколками,
на побережье древнего моря, где не теплится огонек надежды.
Вдали, за невидимыми горизонтами, что простираются
до магической россыти звезд,
Далеко-далеко от огрубевших весел, разбедающих пальцы и локти —
еще теплятся их одинокие, покинутые души,
на мрачном берегу морском,
мерцают, словно призывы огней маяков...*

Тодосис Пьеридис грезит серым небом Парижа, породившим французских импрессионистов и символистов:

*И вот теперь этот серый небосвод.
Разлегся, оперев свое рыхлое тело
на крыши домов, на деревья,
здесь на колокольню, там на дымоход...*

*И если пройти по голым аллеям вдаль
это будет как перспектива, нарисованная мелом на доске.
Каждую осень
ты завидуешь художнику, поэт!
И ты хотел бы сесть пред медно-золотой аллеей
и вставить ее в раму, чтобы сохранить.*

*Ты завидуешь и стонешь от тяжелого труда,
Пока в воздух не превратишь слова ...*

Среди кипрских поэтов наибольшей популярностью пользуется футуризм Маяковского. С восхищением, близким к поклонению, пишет о русском поэте Михалис Пасиардис в стихотворении «Моментальный снимок Владимира Маяковского»:

*Владимир,
вот бы прикоснуться
к краю твоего пиджака
подумалось мне глядя на тебя,
внимательно наблюдающего
за репетицией «Скорпиона»¹
с Мейерхольдом
и другими,
может тогда ты вдруг обернешься
и посмотришь на меня
со знакомым движеньем непослушных волос
и всей грустью
твоих глаз.*

Но главная тема — это стремление осмыслить свою кипрскую, полную драматизма историю. Драгоценная жемчужина средиземноморья Кипр, в стратегическом отношении — ключ от восточного Средиземноморья, всегда был соблазнительной добычей для иноземных захватчиков. Одни завоеватели сменяли других — персы, финикийцы, римляне, арабы, крестоносцы, тамплиеры, венецианцы, турки, англичане... С бесконечным терпением крестьянина, привязанного к своей земле, киприоты ждали момента свободы, который наступил лишь в 1960 г. Тема любви к поруганному отечеству, свободы, беспредельного терпения, которое может сравниться только со столь же беспредельной любовью к своей земле, звучит в стихотворении «Сосуды в глубине» Георгиоса Молескиса:

*Нас грабили неоднократно. Ничего не оставили.
И душа наша опустошенная,
С трудом пробирается тропками,
Где гуляла годами детскими,
Где находит сосуды, амфоры, из которых вино пила,
И хранила мед и масло...*

*Нас грабили неоднократно. Море наполнено
Обломками кувшинов глиняных, утвари
Разных форм и цветов...*

Но самая свежая незаживающая рана — это роковой 1974. Чуть ли не половина острова оккупирована турецкими войсками, через весь Кипр пролегла «зеленая линия», отрезавшая от киприотов их родные селенья и

¹ Видимо, имеется в виду пьеса «Клоп», поставленная Мейерхольдом в 1929 г.

дорогие сердцу древние святыни. Эта тема прослеживается в стихотворениях Панделиса Миханикоса («Ода погибшему турчонку»), Кирьекоса Харламбидиса («На свадьбе его дочери»), но особенно пронзительно звучит в строчках Лефкиоса Зафириу («Вечерняя печаль»), рисующих заброшенную школу:

*Опустевшая школа в Агия Триада
с готовыми рухнуть классами*

*неисписанные классные доски
и каменный фонтан без капли
влаги
во дворе*

*и только маленький велосипедист
колесит
по пустынным улицам...*

Проза малых форм — небольшие рассказы, помещенные в сборник, конечно же, не могут в полной мере дать представление о кипрской литературе. Тем более, что не все представленные произведения отвечают требованиям хорошего вкуса и высокого мастерства. Основная тенденция — бытописание — идиллическое или остро-сатирическое с попытками психологического анализа. Здесь порой попадаются удачные зарисовки. Перед читателем предстают образы простых крестьян с их незамысловатой житейской философией, иногда уродливой и примитивной, но которая порой поднимается до уровня глубокого постижения основ жизни. Наиболее яркие запоминающиеся образы — кипрские женщины. Крестьянка Каллина в рассказе Янниса Ставриноса Икономидиса «Душа свободная как ветер», вся жизнь которой — тяжелый беспросветный труд, до зрелых лет сохраняет молодость и царственную грацию прекрасной женщины вместе со способностью любить и прощать. Девушка Ксени из пекарни (Иви Мелеагру «Пекарня»), мечтающая вырваться из серых будней, заполненных однообразным трудом. Манящая ее свобода цыганской жизни оборачивается тяжелым кошмаром. Она возвращается домой с пониманием своего места в жизни: родной дом, пекарня и труд кажутся ей отныне благословением и счастьем...

Влияние философии экзистенциализма и абсурдизма, с присущей им эстетской меланхолией и переживанием трагической бессмысленности бытия, отчетливо прослеживается в рассказе одного из крупнейших кипрских прозаиков Костаса Мондиса («Пес между двух сел»).

И снова тема 1974 года. Такие писатели как Яннис Кацурис и Панос Иоанидис стараются переосмыслить Кипрскую трагедию, преодолеть узко-национальное ее видение. Следование европейским традициям слишком сильно сказывается в произведениях, представленных в антологии, свой национальный путь еще только намечается. Кипрская культура, как и русская, долгое время была неразрывно связана с Православием, и эта замечательная зависимость всегда была живым источником вдохновения и свежести. Пожалуй, негативной тенденцией можно назвать заметное стремление современных кипрских литераторов эмансипироваться от своих религиозных корней, которые неизменно питали и поддерживали кипрский народ как нацию. Именно благодаря Православию киприотам удалось сохраниться на протяжении двух тысяч лет своего трудного исторического

пути и не раствориться среди других народов. Отрыв от своих духовных корней лишает творения кипрских писателей метафизической глубины и самобытности, и временами создает впечатление литературы далекой европейской провинции.

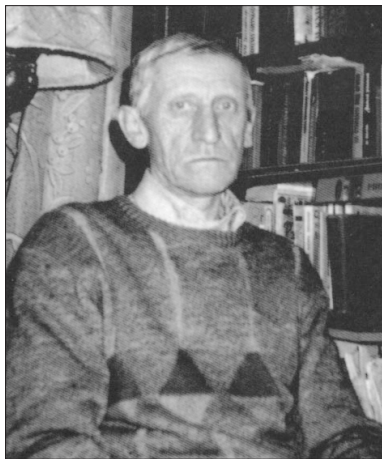
Сборник вышел в Никосии, переводы осуществлялись силами филологов из Мариупольского государственного гуманитарного университета. В свете нынешней политической ситуации на Украине, нельзя не приветствовать участие украинских специалистов в переводах на русский язык. Однако, если главная цель данного проекта — ознакомление русского читателя с кипрской литературой, то не лишним было бы привлечь также профессионалов из России. Особенно это касается переводов поэзии. Хорошее знание языка оригинала и даже высокая филологическая культура не могут обеспечить достойного поэтического перевода. Как правило, такие переложения больше похожи на добротный, в лучшем случае, хорошо отшлифованный подстрочник, но не могут восприниматься читателем как поэзия. Нельзя забывать, что от качества перевода зависит дальнейшая литературная судьба оригинала.

Несмотря на высказанные замечания, нынешнее издание является важным этапом нашего познания внутреннего мира братского православного народа Кипра.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

ПОЭЗИЯ

Валентин ГОЛУБЕВ

«...МЕТЕЛЬ ПЫЛАЮЩИХ ВРЕМЕН»

Валентин Павлович Голубев — родился в 1948 г. в пос. Сосновая Поляна Ленинградской обл. После окончания школы учился в техникуме и ЛГУ, работал слесарем, затем начальником цеха на заводе. Лауреат Всероссийских литературных премий «Ладога» им. А.А. Прокофьева и Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Учила в детстве мать меня,
Наверно, было ей виднее:
— И леса Бог не уравниал,
Ну, а людей —

куда труднее!

Всем доля разная дана,
Подлесок жмет, коры короста...
Ну, а в лихие времена
Рвануться ввысь совсем непросто.

Пусть мне от жизни будет дар:
Когда для гроз настанут сроки,
Чтоб на себя принять удар.
Быть самым

деревом

высоким.

* * *

Околесицей — леса около,
Возле Вытегры и Двины,
Ходят люди, забавно окая,
Собиратели старины.

Там затейлива песня тетерева,
И былинных трав тетива
Целит стрелы, будто заметила,
Где токуют тетерева.

Там деревня в лесу забытая,
Словно памятник этих мест.
В дверь стучите,
Коль не забыты
Окна досками крест-накрест.

Там живут старики угрюмые.
От невзгод их,
Судьба, избавь.
Там о чем-то своем задумалась
На опушке лесной изба.

Каждый вспомнит про дом
свой отчий
И тайком вздохнет нелегко.
Нас хозяева будут потчевать
Свежим медом и молоком.

Лик России из мглы старинной
Вдруг забрезжит на большаке
Та деревня — в глазу соринка?
Или родинка на щеке?

На зов далекий: «Милый, жду...»
Плыть в ледоходы через реки,
Томиться
и познать нужду
Не в хлебе —
в близком человеке.

Оптические стекла окуляров
Не помогли им разгадать загадку.

Из глубины предгрозовых потемок,
Взглянув на землю, ангел улыбнется:
На привязи дороги,
Как теленок,
Поселок посреди полей пасется.

Сентябрь гнезда разорил,
И ловят ветры без затишья
Багряным неводом зари
В просторах синих стаи птичьи.

Метель времен — под облака
Летающий круто птичий угол,
В ее сумятице упругой
Коль потерял — не отыскать
Ни самого себя, ни друга!

Перестраховщик-парикмахер
Снимает головы с прической,
С водой не выплесни ребенка,
Затеяв стирку всем на зависть.
Веревкой с мылом запасаясь...

Стальной причесывать гребенкой
Уже не раз Россию брались.

АНТИХРИСТ

Господь еще, должно быть, с нами
Среди кровавых смут и торга,
Когда поправших Божье зная
Земля и мертвыми отторгла.

Звезда над площадью — как выстрел,
И там, где стяг из крови соткан,
Не погребен лежит антихрист
В избушке каменной без окон.

РУССКАЯ ДУША

Что русскому здорово, то немцу смерть.

Пословица

Не пытайтесь! Нельзя объяснить!
Что к чему здесь. Напрасно стараться
Ухватить эту красную нить,
Что связала страну, не пространство.

Немец капнет, где русский плеснет,
Чтобы душу живьем вынимало.
Здесь на праздник Чернобыль рванет
Так, что всем не покажется мало.

Здесь от скуки кричи не кричи,
Даже птицы не станут пугаться.
Лишь мужик на секретной печи,
Вдруг проснувшись, поедет кататься.

Аввакум! В свой костер позови!
Мелковаты и Данте, и Ницше.
Если храм у нас — Спас-на-Крови,
А поэт — так на паперти нищий.

Мудрый Дизель придумал мотор,
Сила есть посильнее моторов!
То, что русскому — самое то,
Немцу — смерть на морозных просторах.

В этой жутко-прекрасной судьбе
Дни — столетья, не то чтобы годы,
Как магнит, притянули к себе
И, вобрав, растворили народы.

Даже в пору нелегких годин
К нам ни с плетью нельзя, ни с елеем.
Здесь Лжедмитрий уже не один
И развенчан, и прахом развеян.

Не прельстить, не распять на щите,
В нищете и гордыне истаем...
Ну, а вера: ударь по щеке.
Мы другую в смиреньи подставим.

Пусть заботы у нас и умы
В обрусевшей картошке и в жите.
Запрягать не торопимся мы,
Ну а если поедem — держитесь!

Почему так?
Да Богом дано!
Пусть концы в неувязке с концами...

Как все глубже байкальское дно,
Так и звезды все выше над нами.

* * *

Надорвемся над словом, что воздуха легче,
Тяжелее последнего вздоха судьбы.
Может, песни кому-нибудь души и лечат,
Только вряд ли певцам им — пропеть и не быть.

Лишь затеет с зимою весна разговоры,
Снова певчую рать соберет на околицах сёл
И на хворосте сером воробышком хворым
Запоет, чтобы хворост расцвел.

Ах, за что нам дается такая награда —
 Петь, чтоб песня кровавила рот?

Туда, где в избе колыбелька-ладья
Зовёт, что ни год, то все жальче.
Пора возвращаться на круги своя
К деревьям, и к травам, и дальше...

**Николай
МИЛОЧЕНКО**

РЕФОРМА БЕЗ НРАВСТВЕННОСТИ

Николай Павлович Милоченко — президент Петербургского общества защиты русской культуры и Международного Фонда поощрения социальных инициатив. Академик РАЕН. Живет в Санкт-Петербурге.

За годы работы Петербургское общество защиты русской культуры неоднократно публиковало материалы проводимых Обществом конференций «Культура горожан как составляющая культуры Санкт-Петербурга», круглых столов, посвященных различным аспектам культуры и нравственности соотечественников, выступления участников движения «Культура горожан — культура Петербурга», петербуржцев, обеспокоенных современным состоянием культуры общественного поведения, культуры языка, культуры отношения к окружающей среде.

Эта публикация не претендует стать откровением — она о нас и нашем окружении. Надеемся, что она найдет сочувствие и поддержку у людей, неравнодушных к судьбам своей страны, культуре, традициям и будущему своих детей.

Любая реформа, кроме моральной, бесполезна.

Т. Карлейль

Свобода дарована, реформа идет, рынок диктует, а проблем все больше.

Сегодня уже очевидно, что в основе всех наших трудностей лежит небрежение к культуре, и прежде всего к таким ее составляющим, как воспитанность, образованность, нравственность, и что вне культуры политические и экономические перемены лишаются смысла, и будущее России не внушает оптимизма.

Удивительно, как мы воспользовались дарованной свобо-

дой: кто-то потянулся к наркотикам, к порнографии, кто-то незамедлительно отказался от культурных навыков.

Все чаще мы слышим неправильную, а то и нецензурную речь, все чаще видим примеры хамского поведения. Может быть, свобода и есть право кидать обертки и окурки себе под ноги, лакать пиво в автобусе, входить в транспорт, не снимая рюкзак? Может быть, свобода — это шеренги проституток вдоль наших улиц? Или это право пропагандировать пороки? На телевидении, в театрах, в прессе. Неужели обязательными спутниками свободы должны быть беспризорные дети, бомжи, фашиствующие молодчики и поголовная всеобщая безответственность. Неужели свобода — это возможность безнаказанно растаскивать все, до чего можешь дотянуться: недра, лес, заводы, икру, власть...

Государство может все. С помощью налогов и льгот, с помощью правовых механизмов можно сделать так, что станет выгодно заниматься развитием производства, вкладывать деньги в науку и образование, почетно служить в армии... Так почему сегодня состояния создаются не талантами и достоинствами людей, а их пороками? Почему атрибутами успеха в общественном сознании становятся алчность и цинизм, жестокость и безнравственность? Неужели в интересах страны, народа, государства изо дня в день внедрять через мощные электронные средства массовой информации в общественное сознание — «оторвись», «оттянись», «живи без стыда»? Неужели именно стыд — смущение от осознания предосудительности поступка мешает нам удваивать ВВП? Очевидно, нет. Стыд, это присущее лишь человеку ощущение, только и удерживает его от позорных безнравственных поступков. Тогда почему же телепередачи, адресованные молодежи, обучают надежду нации общаться матом, сплетничать, переругиваться, спариваться на глазах у страны? Кто и с какой целью создал радиостанцию, круглосуточно гоняющую воровские и тюремные песни? Едва ли именно это нужно стране, охваченной коррупцией, воровством, браконьерством. Почему оплачиваемые налогоплательщиками СМИ так часто рассказывают нам о немногочисленных странах, где легализована проституция, наркотики, однополые браки, и умалчивают об опыте стран, где нет воровства, беспризорных детей, где недопустима непристойность на телевидении, где за плевков на улице грозит большой штраф, о странах, в которых ввоз и распространение жвачки — преступление? В интересах какой и чьей свободы создаются отечественные фильмы, героизирующие бандитов, убийц, рэкетиоров?

Защищая какую свободу, кинематографисты все чаще показывают нам милиционеров и офицеров спецслужб пособниками преступников?

Эти сигналы активно воспринимают подростки. Иногда, видимо, не полностью еще превратившимся в оборотней милиционерам удается остановить действие шайки малолетних правонарушите-

лей, и мы узнаем, что она сформировалась по образу и подобию ярких персонажей телесериала «Бригада», который признан фильмом года!

Может быть, наше общество охватила эпидемия суицида? Может быть, мы все сошли с ума? Мы дезориентированы. Мы утрачиваем ценности, от которых еще недавно вели отсчет. Мы теряем культуру, которой недавно гордились. Мы стали забывать, что основой всех человеческих ценностей служит нравственность и, напротив, в основе всех человеческих катаклизмов — невежество, бескультурье и попрание морали.

Мы еще не понимаем, что свобода в отрыве от культуры — вседозволенность, что культура — это всегда ограничение и самоограничение. В противном случае общество в интересах своей безопасности начинает искать «твердую руку». Нетрудно догадаться, что в раскультуривании, а по сути в расчеловечивании не может не быть заинтересована и сама «твердая рука».

Нам важно сегодня сделать выбор: продолжать ли обучать детей языку Элочки-людоедки, обучать их с помощью всевозможных макдоналдсов есть руками, избегая столовых приборов и вообще культурных традиций, продолжать ли телерастление подростков, либо снова начать знакомить их с нормами общежития, языка, общественного поведения, прививать им неприятие бескультурья, безнравственности, пошлости и воспитывать уважение к закону.

За несколько лет активного расчеловечивания мы создали не претендующее на индивидуальность унифицированное джинсовое стадо в наушниках с неснимаемыми сумками через плечо и неизменными бутылками в руках.

Это они, эти новые существа, едят на ходу, расчесываются в транспорте, непристойно громко разговаривают, с животной непосредственностью ковыряются на людях в неприкрытом по массовой моде пупке, откровенно зевают и закидывают ногу на ногу в метро, разговаривают по мобильному телефону в концертных залах.

Это рекруты общества потребления, запрограммированные недобросовестной рекламой, успешно занявшей место идеологической пропаганды; они охотно поглощают массовый суррогат культуры и любую пошлость, стимулируя расширенное воспроизводство дурновкусия.

Уж не с этими ли мутантами-манкуртами, стремящимися поскорей сменить бабушкину икону на любую заграничную утварь, связываем мы свои надежды на светлое будущее страны?

С устрашающей скоростью растет сеть игорных заведений — элегантных фабрик порока. Депутаты ратуют за легализацию проституции и наркотиков. Неужели секрет прорыва страны к лучшей жизни состоит в массовой ампутации культуры, морали, совести?

Некогда служившие эталоном правильной речи, телеведущие ныне говорят на смеси молодежного сленга с тюремным жар-

гоном, а то и просто с ошибками. Казалось бы, то, что звезды шоу-бизнеса не всегда умеют говорить — ладно. Пусть поют. (Впрочем, если «вот, блин, ё моё» — это песня, песня о любви, то лучше пусть и не поют.) Но вот когда представленная в телепередаче звездой драматическая актриса в каждом предложении два-три раза произносит «как бы» — становится не по себе. Мировой компьютерной катастрофы, в связи со сменой тысячелетия, к счастью, не произошло, но вот с родным языком неожиданно случилась беда — масса журналистов, депутатов и даже ученых несколько лет мучают наш слух «двухтысячечетвертыми» и «двухтысячнопятыми».

Недавно за шутки, звучащие теперь с эстрады и транслируемые по телевидению, шутивший в присутствии дам мог справедливо получить по физиономии. Ужас сегодняшней ситуации состоит даже не в том, что шутники за деньги сейчас могут все, а в том, что современные дамы уже и не догадываются смущаться.

В этот трудный затянувшийся переходный период нам скорее следовало бы смириться с тем, что мы имеем, чем с тем, какие мы есть, понять, что наша главная свобода — это свобода совершенствовать себя.

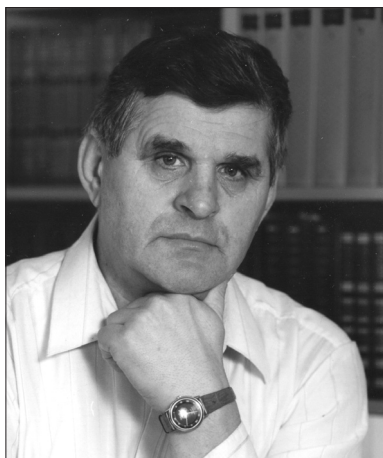
Когда защитники Родины продают оружие врагу, милиционеры сотрудничают с террористами, а чиновники коррумпированы — налицо дефицит нравственности в обществе. Это значит, что решение самых насущных проблем страны лежит в сфере образования, воспитания, культуры.

Казалось бы, что общего между плевком на улице, сквернословием и, скажем, коррупцией, между пренебрежением правилами общественного поведения и терроризмом?

Нужно признать, что суть и бытовой распущенности, и грозных явлений современности состоит в попрании общественных культурных ценностей, в противопоставлении личных «удобно», «хочу», «имею право» пострадавшим человечеством за тысячелетия законам общежития.

Мы опасно больны. Мы нуждаемся во всеобщей прививке нравственности. И если наша национальная идея, которую мы так давно ищем, окажется не похожей на «не убий, не прелюбы сотвори, не укради...», то до выздоровления еще далеко.

Родная РЕЧЬ

Алексей ВОРОНЦОВ ЯЗЫК ПОКОРИТЕЛЕЙ КОСМОСА

Алексей Васильевич Воронцов — родился в 1941 году в Смоленской области. Академик, первый вице-президент ПАНИ. Академик Международной академии организационных и управленческих наук и Академии информатизации образования. В 1996–1999 гг. — вице-губернатор Ленинградской области. Член комиссии Правительства Санкт-Петербурга по сотрудничеству с Республикой Беларусь. Действительный гос. советник 3-го класса. Доктор философских наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы. Член правления СПб отделения СП России. Автор более 200 научных работ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Такие понятия как язык, нация, государство, отражающие социальную реальность, тесно взаимосвязаны. Сами слова русского языка имеют смысловую социальную значимость в зависимости от запаса знаний и культурного опыта того или иного индивида. Слова «родина», «отчизна», «Россия», «славяне», «интеллигенция», «блокада», «Обломов» и т.д. воспринимаются каждым по-своему; на них всегда лежит отпечаток субъективности. Однако, каждое из перечисленных понятий, равно как и все другие, обладает неким общим объективным содержанием, что гарантирует перспективу взаимного понимания и согласованных действий.

Национальное величие русского языка в том, что он удерживает культуру как системную целостность, концентрирует культурные смыслы на всех уровнях бытия — от нации в целом до отдельной личности.

Василий (Фазиль) Ирзабеков, знаток Православия и русского языка, отмечает, что совсем не случайно в церковнославянском языке слова язык и народ суть одно слово: каков язык, таков и народ.

Язык является одним из главных признаков нации. Категория национального языка с позиций теоретического языкознания трактуется как социально-историческая категория, возникающая в условиях экономической и политической концентрации, характеризующей формирование нации. Язык выполняет три важнейшие функции. Во-первых, коммуникативную, позволяющую передавать друг другу определенную информацию. Язык здесь выступает как важнейшее средство человеческого общения и как необходимая предпосылка человеческой деятельности во всех ее формах.

Во-вторых, объединительную. Родной язык — один из инструмен-

тов национальной самоидентификации. Он выражает культуру народа, который на нем говорит, т.е. национальную культуру. На этой основе формируется чувство и понимание национальной принадлежности и национального единства.

Известно, что нынешняя великая держава — Китай, изначально была собрана из многих разнообразных племен. Одним из главных объединяющих факторов был единый язык и, что примечательно, язык письменный. До сих пор еще в Китае жители разных провинций при устном общении могут не понимать друг друга.

В-третьих, язык выполняет очень важную хранительную функцию, является связующим звеном между поколениями, «связью времен», хранилищем общественного опыта и психологии народа. Он отражает не только современную культуру, но и фиксирует ее предыдущее состояние, передает ее ценности, различного рода информацию от поколения к поколению. «Когда исчезает народный язык, народа более нет», — утверждал К.Д. Ушинский.

Русский язык — один из восточнославянских языков, один из крупнейших и распространенных языков мира — после китайского, английского, хинди (с близким к нему языком урду). Он самый распространенный из славянских языков. До 1991 года русский язык был языком межнационального общения СССР, де-факто выполнял функции государственного языка. По данным, опубликованным в журнале «Language Monthly» (№ 3 за 1997 г.), примерно 300 млн. человек по всему миру владеют русским языком, из них 160 млн. считают его родным. Русский язык является одним из шести официальных языков ООН, ее структур и подразделений.

Русский язык сегодня — это язык межнационального и межличностного общения более чем 160 народностей нашей страны, народностей, которым приходится не только осознавать или постигать ценности культур разных народов, но и выстраивать взаимоотношения таким образом, чтобы способствовать поддержанию единства поликультурного пространства России. К примеру, с помощью русского языка в Дагестане объединились 33 народа и создали свою республику. И не случайно в центре Махачкалы в 2006 году установлен памятник русской учительнице.

Это государственный язык, употребляемый в разных сферах общения и социального взаимодействия: деловой сфере, сферах науки образования, в сферах массовых коммуникаций и др. Русский язык является языком международного общения для стран СНГ.

Вышесказанное позволяет выработать если не исчерпывающее, то более полное представление о мощи и великой миссии русского языка в судьбах нашего народа и России, а вместе с этим — лучше осознать те угрозы, с которыми он сталкивается в последние два десятилетия. Вопрос о состоянии русского языка оказывается напрямую связанным с нашей национальной безопасностью, с духовным и нравственным здоровьем общества, с его будущим.

Проблема сохранения национальных языков в эпоху глобализации, при наличии новейших информационно-технологических средств, прежде всего, Интернета, является общемировой. В целом идет наступление на гуманитарное знание, язык. Пресловутая перестройка и последовавшие за ней радикальные реформы принесли в отечественное образование, как и в целом в гуманитарную сферу, — терминологию из сферы промышленности, тор-

говли, сферы обслуживания. А ведь «в начале было Слово»... Между тем, давно известно: искажают слово — искажают дело.

Даже во Франции, которая бережно относится к своему языку и приняла довольно жесткие законы по защите национального языка, имеет место падение знания французского языка во французских школах и общий низкий уровень овладения французским языком.

Что касается великого и могучего русского языка, то здесь в полном объеме встала проблема его спасения и защиты. Причины тому — как внутреннего, так и международного характера.

Глобализация суживает суверенитет, наносит ощутимые удары по культуре, национальным языкам, прежде всего, государств Европы, а так же бывших республик СССР. Единым языком признается английский язык; усиленно внедряется американизированная масскультура, выполняющая совершенно определенные политические функции и в качестве общечеловеческих утверждающая «американские ценности» массовой культуры. И это не может не тревожить Европу, учредившую организацию Европейский Союз наций, цель которой состоит в сохранении в рамках объединенной Европы национальной самобытности ее народов. Значительное место отводится национальной культуре и языку. В Российской Федерации, где радикальная ломка всей системы общественных отношений развернулась в 90-е гг. под флагом вхождения в мировое «цивилизованное сообщество», ускоренный процесс денационализации приобрел, без преувеличения, обвальное-разрушительный характер, охватывая сферу культуры, образования, морали и языка. Можно говорить о формировании субкультуры новых господствующих социальных групп. По своему содержанию эта субкультура обладает всеми признаками контркультуры, поскольку противостоит как светской культуре, так и многим традиционным ценностям национальной русской культуры. Ощутимый урон нанесен русскому языку.

По разному можно относиться к фильму Андрея Кончаловского «Глянец». Но как талантливый художник он выразил главную мысль: традиция умирает, и вина, согласно режиссерскому замыслу, лежит на культуре «гламура», искусно пропагандируемой «цивилизованным сообществом» для жиреющих российских олигархов и новой русской молодежи. А она, культура «гламура», естественно оказывает растлевающее влияние на остальную часть молодежи, подростков и даже детей.

Уместно спросить, кто эту контркультуру пропагандирует? Почему в своей собственной стране приходится говорить о спасении русской культуры, русского языка в частности? Встает извечный вопрос — кто виноват? Ответ лежит, что называется, на поверхности: ответственность несет, прежде всего, интеллигенция. Или, если быть точнее, та часть ее, «прикормленная» прозападная, праволиберальная, которая пренебрегает национальными интересами и традициями русского народа, стремясь слиться с западным миром. Показательный эпизод. Объединенный пленум творческих союзов России, проходивший в ноябре 1994 года в Доме актера, большинством голосов отклонил предложение Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России о принятии Закона о защите русского языка.

Напомним так же, что после распада Советского Союза, одним из столпов которого был русский язык, сколько оскорбительных, пренебрежительных по форме выражений звучало из уст представителей интеллигенции в

печати, радио, на телевидении. В ходу было выражение «совковый язык», «тоталитарный язык», «язык советского ГУЛАГа» и т.д., и почти ни слова, что это язык Пушкина и Гоголя, Тургенева и Толстого, Достоевского и Чехова, других всемирно признанных писателей России. Ни слова, что это язык победителей фашизма и первых покорителей космоса. Зато «самым востребованным лингвистическим «товаром», — как справедливо замечено, — оказались тогда словари мата и криминала»¹. Плоды антисоветской и по существу антирусской истерии налицо.

Язык уродуется, представления и установки молодежи искажаются, для нее стирается грань между Акуниным и Чеховым, Толстым и Марининой, Донцовой и Пушкиным. Подрастающее поколение уже с трудом воспринимает творения классиков русской литературы.

Культура речи оскудевает, искажается, теряется и не только в бытовом общении, но даже в языке литературы, официальных публичных выступлениях, театре, кино, радио, не говоря уже о журналистике и СМИ. В человеческие души впрыскивают яд пошлости, глупости и цинизма, из сознания людей вытравливаются понятия духовности, святости, добропорядочности, совестливости, стыда, сострадания, любви к ближнему и т.д. Происходящее удручает и всего точнее можно оценить его как духовную деградацию. Такие же негативные явления наблюдаются и в других языках народов России.

Как считает И.И. Сабилу, в защите нуждается не только русский язык, но и башкирский, татарский, чувашский, якутский. Защитив их, мы будем иметь дело с культурными формами этих языков, а не с каким-то лжеэсперанто, а точнее жаргонно-тарабарским конгломератом, который сейчас все более заменяет собой устную речь и печатное слово².

Подминая политику и экономику, современная глобализация агрессивно проявляет себя в отношении культуры и языка. Т.К. Донская права, утверждая, что пресловутая «массовая культура» является антикультурой, направленной на нивелирование национального своеобразия народной культуры с ее историко-национальными ценностями. В этом ряду родной язык, в том числе и русский язык, являясь сокровищем *духовной культуры народа*, подвергается сегодня языковой интервенции, безграничному и неоправданному насилию иностранных слов³. Следы открытого, вызывающего, или скрытого, замаскированного, насилия повсюду. Достаточно пройти по Невскому проспекту и посмотреть на название многих офисов, ресторанов, кафе и других увеселительных заведений. Почти не встретишь некогда привычным по студенческим годам «чайных», «блинных», «пирожковых» и даже «столовых», «пельменных». Но везде нас приглашают красочные вывески «бизнес-ланчей», «кофе-хаузов», «кебаб-хаусов», «Пицца-хат», «Макдоналдсов», и пр. Подъезжая к городу, мы «восхищаемся» гипермаркетами, мегамоллами. Наши исконные «конторы» и «учреждения» стали «офисами». Директора, начальники, заведующие стали менеджерами всех уровней, главный среди которых — топ-менеджер. Как верно заметил

¹ Тарканов З.К. Год русского языка. Русская речь. 2007, № 4. С. 4.

² Сабилу И.И. Обращаться со словом нужно честно // Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева. СПб, 2003. С. 102.

³ См. Донская Т.К. С. 15.

Василий (Фазиль) Ирзабеков, уместно напомнить слова Пушкина: «Чем непонятнее, тем ученей»⁴. Невольно возникает вопрос: в каком государстве мы живем?

В докладе «Мы сохраним тебя русское слово» в Дни русской литературы ЦФО (Белгород, 16-18 мая 2007 г.) В. Ганичев приводит ужасающие факты разрушения духовных ценностей русского языка, насаждения идеологии разведения и отстранения людей друг от друга («отвали», «отвянь»), безразличия к другим («сугубо фиолетово», «параллельно»). 60 % современного жаргона — тематическая группа «секс», 30 % — наркотики и способ их употребления. Это ли не капкан для молодых? Это ли, с позволения сказать, те «ценностные ориентиры», навязываемые молодому поколению? В таких условиях язык классики — это орудие духовной культуры, духовного спасения⁵.

Мы понимаем, что живой язык меняется, развивается, обогащается, в том числе за счет иностранных слов. Познавательным потенциалом обладают слова, которые прочно вошли в наш обиход: — интернет, компьютер, файл, сайт, пейджер, тест, бакалавр, магистр, бизнес, инвестор и т.д. И это допустимо.

Вместе с тем все чаще внедряются иностранкилльные слова типа: франчайзинг, блэндинг, девелопер, ризлтор, бойфред, дампинг, китчмен, ксивник, пофигист, секьюрити, транссексуал, блокбастер, рэкетиры, и т.п. взамен ясных русских понятий. В общедоступном журнале «Аэрофлот» (2004, № 9) читаем: «... Москвичи прекращают *франчайзинговые* отношения со своими региональными *дилерами*», «...Известные марки предоставляют свою *франшизу*». Перечень подобных ненужных заимствований можно было бы продолжить. Но суть дела понятна и без этого.

Ну как тут не напомнить гневную отповедь А.С. Шишкова (1754-1841), обращенную сквозь столетия к нам, нынешним носителям великого языка: «Полезно ли славенский превращать в греко-татаро-латино-французско-немецко-русский язык? А без чистоты и разума языка может ли процветать словесность?»⁶

Наверное, следует согласиться с профессором Института языкознания Российской академии наук А.В. Суперанской, что в современной России есть два русских языка: традиционный, основоположниками которого считаются Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин, и новый, звучащий преимущественно в молодежной среде. Традиционный русский обладает развитой синонимией, например, *самый хороший, видный, известный, знаменитый, изысканный, блистательный, блестящий, изумительный, бравый, успешный, находчивый*. На «новомолодежном» все это заменяется единственным словом *крутой*⁷. Вместо понятных русских слов *бездомный, бедолага, бродяга* употребляется нечто бездуховное, сокращенное понятие *бомж* (

⁴ Ирзабеков В. Тайна русского слова. М., 2007. Эл. Источник: Эл. Библиотека «Язык и книга» (www.slovník.narod.ru).

⁵ Ганичев В.Д. Мы сохраним тебя русское слово // Роман-журнал. № 5. 2007.

⁶ Цит. по Ирзабеков В. Тайна русского слова. М., 2007. Эл. Источник: Эл. Библиотека «Язык и книга» (www.slovník.narod.ru).

⁷ См.: Суперанская А.В. Русский язык начала XXI века // Журналистика и культура русской речи. 2007, № 3. С. 4-5.

без определенного места жительства). Более того, для понимания второго русского языка, вернее сказать жаргона, почти наверняка потребуется переводчик.

Молодежный сленг, чуждый русскому уху, переключался в повседневную речь, нагло потеснив богатство и изящество родного языка, проник в газетные публикации, особенно «Комсомольской правды», «Московского комсомольца», и др. Асоциальный эффект порочной практики тиражирования грубых слов и выражений вполне предсказуем. Происходит своеобразная легализация; в обществе начинает доминировать снисходительно-терпеливое отношение, а то и вовсе равнодушье.

Впрочем, равнодушны, как мы видим, далеко не все. Работая над статьей, разговорился как-то с соседом по даче, потомственным инженером-железнодорожником Сергеем Горшковым. Обязательно напишите, — советовал он мне, — о проблеме русского мата, культивируемого не только на бытовом уровне, но и в учреждениях, особенно в мелком бизнесе. В присутствии молодых девушек, юношей, выпускников школ, говорят на языке, от которого «уши вянут» и это становится нормой нашей жизни. В ответ — никакой реакции, как будто так и надо.

Защитник православия и русского языка Василий Ирзабеков с возмущением отмечает, что «сквернословие проникло в наши жилища и дворы, школы и улицы, укромные уголки тенистых скверов и бескрайние поля, сам воздух России, кажется, наполнен до предела миазмами этой заразы. Сквернословят стар и млад: отцы семейств и хранительницы очага, подрастающие мужчины и будущие матери, мальчики, недавно расставшиеся с памперсами, и ангелочки с белокурыми локонами»⁸. При этом женская половина нашего общества дает иногда фору мужской.

За матерную ругань когда-то поролли, сажали в тюрьму и даже отлучали от церкви. Заметим, в Белгородской и Омской областях за сквернословие в общественных местах стали взимать крупные штрафы. Жаль, что этого нет у нас в культурной столице, Санкт-Петербурге. Упомянутый уже Василий Ирзабеков с убеждением пишет, что в русском языке мата нет и быть не может. Что он лежит за дальними границами той благословенной территории, которая зовется великорусским языком. «Так вот, орды завоевателей, захватившие русские земли, но так и не сумевшие покорить душу русского человека по причине непостижимой для них веры его во Христа и верности Ему, посягали на то, что злой варварский ум ни понять, ни принять не в состоянии, — на Таинство Боговоплощения. Да-да, именно об этой нашей Матери вели они свою похабную речь, это на Ее Небесную чистоту покушались они своими погаными устами. Закономерно поэтому, что ругань именуется еще и *инфернальной* лексикой, ведь *инферна* по-латыни означает *ад*»⁹.

О бедах, постигших русский язык, в одном из выступлений говорил А.И. Солженицын: «Это боль наша — состояние нашего языка. Мы просто скоро его лишимся, станем немые. Теперь, когда народ находится в духовном провале, особенно молодежь, именно теперь так важно языковым

⁸ Ирзабеков В. Тайна русского слова. М., 2007. Эл. Источник: Эл. Библиотека «Язык и книга» (www.slovník.narod.ru).

⁹ Ирзабеков В. Тайна русского слова. М., 2007. Эл. Источник: Эл. Библиотека «Язык и книга» (www.slovník.narod.ru).

воспитанием сохранить, спасти, дать опору для возрождения нашего национального сознания». Как говорится, святая правда!

Примитивизм, бедность и убогость языка — не так уж безобидны, когда речь идет о социальном взаимодействии. Они влияют на поведение как индивида, так и социальной группы. Людьюми легче становится управлять, они лучше поддаются контролю. Известно, например, что именно такие качества были характерны для языка Третьего Рейха. Он опирался на *Mein Kampf* Гитлера, работу, которая начала печататься с 1925 г. В ней был кодифицирован язык на все случаи жизни. В результате одни и те же штампы вошли в сознание и воспроизводились в языке простых людей и интеллигенции. Язык этот стал всесильным отнюдь не благодаря простоте, а вследствие своего убожества. «Язык Третьего Рейха стремился лишить отдельного человека его индивидуальности, оглушить его как личность, превратить его в безмозглую и безвольную единицу стада, которое подхлестывают и гонят в определенном направлении», — пишет исследователь¹⁰.

Бедность языка в общении связана с рядом причин. Среди них: отсутствие государственной политики в сфере культуры и языка, а лучше сказать некомпетентность, — главное зло в управлении современной Россией, бесконтрольная и в ряде случаев развязная деятельность СМИ; скудость театрального репертуара; пренебрежительное отношение к русской классике, либо такая ее модернизация, которая не отличается от молодежного жаргона; сокращение учебных программ по русскому языку, литературе, истории в школе. Современные информационные средства, прежде всего, интернет, который, по мысли писателя В. Распутина является «могилой для литературы», суживают или вовсе блокирует интерес молодежи к книге, как главному источнику знаний.

По данным социологических исследований Центра Юрия Левады Россию отличает низкий уровень грамотности, по читаемости литературы мы значительно отстаем от жителей развитых стран. Интерес к чтению в России падает, и растет доля тех, кто вообще не читает никогда. Всего 23 % россиян читают постоянно. Преимущественно это люди 30–49 лет с высшим образованием, живущие в крупных городах и столицах. 40% россиян читают время от времени. Как тут не вспомнить, что еще 20–30 лет назад СССР был одной из самых читающих стран мира.

Театры, всегда выступавшие хранителями русского языка, равно как и значительная часть современной литературы, все чаще, вслед за телевидением внедряют ненормативную лексику. Можно привести десятки примеров спектаклей или кинофильмов, в которых звучат не то чтобы неприличные слова или выражения, а просто отборная матерщина. И самое печальное, что зрители хохочут, аплодируют скабрзностям и замешанным на мате шуткам. Отечественные юмористы перешли все рамки дозволенного приличия, сводят весь юмор к проблематике ниже пояса. Слышал как-то по многочисленным просьбам слушателей радиостанции «Юмор FM» «Заику» В. Винокура. Весь рассказ состоял из набора самых грубых матерных слов. А чего стоят кривляния, шепелявая речь эстрадных артистов, так называемых «русских бабок»? Ничего более отвратительного не видел. А народ хохочет! Так и хочется спросить — над чем смеетесь?

¹⁰ Клемперера В. ЛТІ. Язык третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998. С. 35.

Эстрада предельно коммерциализирована и опошлена.

Кстати, замечу, что русская деревня, к сведению эстрадных шарлатанов, всегда была неиссякаемым источником фольклора, песен, крылатых поговорок, народной культуры, в истоки которой уходит корнями литература и философия, музыка и хореография, изобразительное и сценическое искусство. Михаил Иванович Глинка говорил, что создает музыку народ, а мы, композиторы, ее аранжируем. Какой мелкой выглядит тут расхожая байка о музыке, заказанной тем, кто платит. Глубоко прав Владимир Личутин: «если осиротеет нива, то сразу же скукожится, изветрится живой разговорный язык, да и вовсе оскудеет, когда пахарь сойдет с земли в города»¹¹. Сегодняшнее нравственное состояние российского общества все более напоминает столетнее прошлое. Отмечая резкое ухудшение человеческого качества, в начале минувшего века известный русский писатель и публицист Д. Мережковский предупреждал: «...бойтесь рабства и худшего из всех рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — ханжества»¹². Как актуально звучат эти слова в наши дни.

Современные электронные СМИ, употребляя жаргонные слова, часто используют ненормативную лексику, криминальный сленг, не задумываясь о том, какой вред наносит это подрастающему поколению. Электронные СМИ превратились из источника информации в мутный источник дезинформации, в инструмент профессионального манипулирования общественным сознанием.

А современная эстрада?! Многие эстрадные певцы, поэты, композиторы просто издеваются над русским языком, русской культурой, подменяя искусство халтурой. Известная исполнительница Глюкоза, к примеру, поет: «Я не любила, она про любовь рассказала, ага, ту-ту-ту, ту-ту-ту, я настроена на ту-ту-ту, ту-ту-ту, просто как она, на-на-на» (слова М. Фадеева. Не путать с А.А. Фадеевым). Не секрет, что часть молодежи, особенно подростки, выражаясь их языком, «балдеют» от таких песен. Но главное все же не в этом. Главное в том, что упомянутые выше «шедевры», будучи включенными в структуру формирующейся личности, становятся своего рода эталоном, ориентирующим запросы и интересы будущих участников духовного возрождения России. Уместен риторический вопрос: каким оно будет, это возрождение?

Не могу не обратиться вновь к великому знатоку русской культуры, философу, «педагогу» И.А. Ильину, который писал о «болезни» слов, случайно рожденных, ничем не связанных, обманчивых, которые бесчинствуют среди людей. «Такие слова, — писал он, — пусты и мертвы; им несвойственно истинное значение; ни одно сердце они не заставят забиться; никакого действия они не вызовут; в целом — это духовный ублюдок, смутное призрачное существование. Религия, искусство, наука, политика — все вырождается, когда смерть духовного разложения поднимает в огромном множестве такие слова»¹³. Мудро сказано и вряд ли нужно что-то добавлять.

¹¹ Слово на рубеже времен. XII съезд Союза писателей России. 23-25 мая 2004 г., г. Орел, М., 2004. С. 103.

¹² Цит. по книге: *Воронцов А.В.* С думой о России. Псков, 2006. С. 35.

¹³ *Ильин И.А.* Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий (1938) // Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 157-158.

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Иван САБИЛО

МАЛЬЧИШКА С ТОГО ПЕРЕКРЕСТКА...

*К 60-летию
Анатолия Аврутина*

Иван Иванович Сабил — родился в 1940 году в Минске. Закончил Институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта. Работал тренером по боксу. Член СП СССР и России с 1983 г. С 1993 по 2007 гг. был председателем СПб. отделения СП России. Лауреат литературных премий. Автор многих книг прозы. **Живет в Москве.**

Мы с Анатолием Аврутиным родились в Минске, жили у Товарной станции, в Авдодоровском переулке, что возле старого здания железнодорожной больницы.

Наши отцы — железнодорожники. У Анатолия — инженер, некогда главный механик вагонного депо. Мой — был мастером производственного обучения железнодорожного училища № 3.

Помню, отец говорил: «Мы живем среди рабочей аристократии — железнодорожников».

Я думаю, аристократичность жителей нашего района проявлялась прежде всего в святом отношении к труду. Здесь наиболее ценили правду и старались жить по совести.

В нашем минском детстве мы имели возможность делать все, что пожелает душа. Рядом — вечно живая, натруженная Товарная станция. Здесь же паровозное и вагонное депо, между ними — большой поворотный круг. На него въезжают паровозы, и круг разворачивает их в любом направлении. При своем движении он негромко, но внушительно позванивает — привлекает внимание: знайте, я делаю большую и трудную работу — помогаю людям и паровозам выбрать необходимый путь. (Один из своих поэтических сборников Аврутин так и назовет «Поворотный круг»).

За Товарной станцией, если подняться на откос, — Минский аэропорт, а возле него — футбольное поле, где по вечерам кипят страсти игроков и болельщиков...

Когда тебе 14–16 лет, ты не особенно замечаешь тех, кто на восемь лет младше тебя. Но Толик Аврутин был замечен прежде всего какой-то особенной внимательностью при разговоре и почти что недетской сдержанностью.

Однажды, когда я уже проживал в Ленинграде, ко мне приехала моя сестра Валентина. И спросила:

— Ты помнишь Толика Аврутина? Что жил в соседнем доме напротив?

— Да, с мамой за ручку ходил...

— Представь себе, он пишет стихи. Я слышала, как их читали по радио.

Позже, через годы, в своем исповедальном романе «Открытый ринг» я напишу: «Иду по Чыгуначнай. За железнодорожным училищем — огромное здание. За этим зданием — два трехэтажных кирпичных дома. Кажется, в одном из них живет с родителями Толик Аврутин с нашего переулка. Сестра говорила, что он пишет стихи. Пишет ли?...»

А в прошлом году, летом, ко мне пришел Глеб Горбовский. Я достал книгу лирики Анатолия Аврутина «Золоченая бездна», изданную в нашем питерском издательстве «Дума», и прочитал:

*Стирали на Грушевке бабы,
Подолы чуток подоткнув.
Водою осенней, озяблой
Смывали с одежды войну.*

*Из грубой, дощатой колонки,
Устроенной возле моста,
Прерывистой ниточкой тонкой
В корыта струилась вода.*

*От взглядов работу не пряча
И лишь проклиная ее,
Стирали обноски ребячьи
Да мелкое что-то свое...*

*И дружно глазами тоскуя,
Глядели сквозь влажную даль
На ту, что рубаху мужскую
В тугую крутила спираль...*

Глеб несколько мгновений смотрел в окно и вдруг сказал:

— Ваня, последние четыре строчки написал гений!

Вот такой отклик мэтра питерской поэзии, одного из крупнейших поэтов современности. И не только его. Сейчас о творчестве Анатолия Аврутина говорят и пишут многие. Только за последнее время в различных минских, петербургских и московских изданиях вышел ряд статей на эту тему. Назову некоторые из них: газеты «Литература и мастацтва» (Минск), «Литературный Петербург», «Российский писатель», «Литературная газета» (Москва), журналы «Нева», «Неман», «Звезда», «Беларусская думка» «Балтика»... И пишут как об одном из наиболее талантливых русских поэтов, проживающих вне России — может быть, самом талантливом. Да и авторы, пишущие о нем, сами немало сделали в литературе. Как например, известный петербургский поэт, прозаик и публицист Лев Куклин (ныне покойный) и талантливая поэтесса и критик Валентина Ефимовская, поэт, публицист Валентина Поликанина и прозаик Николай Коняев, литературовед, критик Алесь Мартинович и академик Владимир Гниломедов.

Что же отличает стихи Анатолия Аврутина? Прежде всего, правдописание и отсутствие позы (помните недетскую сдержанность?). Его лучшие

стихотворения сродни лермонтовским, где ничего лишнего, случайного, где каждая строка, каждое слово обеспечены мыслью и чувством:

*Да было ли?
Стекло звенело тонко;
Я слушал, очарован и влюблен,
Как ты шептала:
«Не хочу ребенка...
Ведь хоть немного, нас разделит он».*

*Мне тридцать лет.
Морщины огрубели.
Курю. Не спится...
Полуночный час.
Кудрявый мальчик
Плачет в колыбели,
И только он соединяет нас.*

Стихи Анатолия Аврутина современны и всегда содержательны. В своем большинстве грустные и даже скорбные, что всегда присуще большой поэзии. Но нет-нет да и осветит их лучик улыбки — мимолетный и совершенно осмысленный:

*Нет свидетельства. Нет... Не выдано.
Хоть был мысли полет высок.
Мир не знает, кто первым выдумал
Звонкогрудое колесо.
Покатилось оно отчаянно
Через бури, через снега
И на обод свой нескончаемый
Все наматывает века,
Все дороги торит с усердием,
И не видно конца пути...
Мне б не славы и не бессмертия —
Колесо бы изобрести!*

Поэт всю свою жизнь, с рождения, живет в Минске. Выпускник истфака Белорусского государственного университета, он пишет по-русски, но мог бы вполне — и по-белорусски. И подтверждением тому — умное, глубокое стихотворение, которое он написал сразу на двух языках:

*...Трудно? Трудно! Но я держусь,
Хоть круты и неверны спуски.
Ты прабац мяне, Беларусь,
Але я гавару па-руску.
О себе говорю... Иных
Занимают свои печали.
Я не бачу сваёй віны
У тым, што мову не захавалі...*

В этих столь необычно написанных стихах чувствуется и понимание автором проблемы сохранения «беларуской мовы», и констатация факта, что служить своему Отечеству можно, владея любым словом, не только белорусским. Хотя лично мне было бы понятнее, ближе, если бы поэт написал:

*Але бачу й сваю вину
У тым, што мову не захавалі...*

Так было бы проникновеннее, а значит и поэтичнее...

Как культурный человек, А. Аврутин, живя в Беларуси, знает белорусский язык. Я в этом убедился и по его стихам, и по переводам, и по интервью, которое он дал одной из радиостанций на чистейшем белорусском языке. А что касается поэтической речи, то не столько поэт, сколько сама речь избирает своего выразителя. И яркий тому пример — Джозеф Конрад: будучи поляком, родившимся на Украине, он в двадцатилетнем возрасте попал в Англию, не зная ни слова по-английски. Однако это не помешало ему стать одним из крупнейших английских писателей.

И все же, все же...

Понимаешь, что поэт случайно не произнес бы такое ответственное слово, как «вина». А если произнес, то, несомненно, задумывался — виновен или нет. Что там! Конечно, не виновен. Ведь мы с ним жили у Товарной станции, где все говорили и думали только по-русски. Где в моей школе единственная учительница белорусского языка — говорила по-белорусски. И то лишь на уроках. А после уроков — как все, по-русски. Многие уже давно с этим свыклись. Да, живем в Беларуси, и наше право — говорить на «удобном» для нас языке. Тем более, что находятся люди, которые с необычайной легкостью утверждают, будто белорусский язык — некрасивый, неправильный. (Заметим, что «правильного» языка не бывает, «правильный» язык — это мертвый язык. Это эсперанто).

При этом забывается, не учитывается, что дело не столько в том, как говорить, сколько в том, кто говорит. Каждому из нас будет близок, понятен и люб язык матери — белоруска она, француженка или итальянка — когда она разговаривает с дочерью или сыном. И омерзителен белорусский, французский или итальянский, если на нем разговаривает бандит.

Когда мы говорим «язык», «мова», подразумеваем «народ». Значит, беречь мову — это беречь народ. Вспомним, что когда-то в Европе жила большая группа западных славян. Но утрата ими языка привела к тому, что они были тут же ассимилированы немцами и венграми. И перестали существовать как народ.

В Законе Франции от 1994 года, в статье первой, читаем: «Являющийся государственным языком Республики в соответствии с Конституцией, французский язык представляет собой основной элемент исторического лица и наследия Франции. Он служит языком образования, работы, обменов и услуг в государстве...»

То же самое, только еще с большей ответственностью, можно сказать о белорусском языке.

...Такое вот длинное отступление, но, кажется, сам поэт дал для этого повод.

Возвращаясь к поэзии, подчеркну, что мне по душе сюжетные стихи, вероятно, наиболее трудные для написания, требующие острого мышления и глубокого понимания:

*В сорок пятом
Сапожнику трудно жилось:
Много в доме голодных
И мало работы —
Рванный детский сандалик
Защить наискось
Да подклеить разбитые
Женские боты.
А мужское
Чинил он бесплатно,
«За так»,
Если редкий клиент
На верстак его старый
Ставил пахнувший порохом
Грубый башмак
Иль кирзовый сапог,
Не имеющий пары.*

Что это? Да ведь это же в коротком стихотворении — целая повесть, человеческая судьба! Я бы назвал эти стихи народными (есть же народные песни!). Их как будто никто отдельный не сочинял, а сочинил Народ. Такое же стихотворение «Грушевка», приведенное выше.

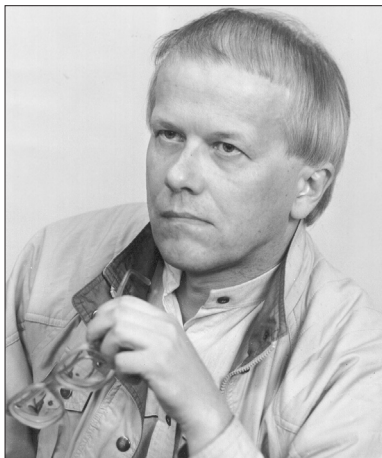
Разумеется, в творчестве Анатолия Аврутина есть и промахи, и спорные строчки — у кого их нет?! Но в целом мы встречаемся с явлением подлинной поэзии, которая способна пробуждать, удивлять читателя и быть школой для поэтов, чье творчество еще только на пути к совершенству.

Анатолию Аврутину многое дано. У него есть мама, отец, два сына и понимающая жена, кстати, тоже инженер-железнодорожник. И еще — добрая и строгая родина — Беларусь. И соглашаешься с каждым словом поэта, когда он говорит:

*Эта мудрость веками завещана
И правдива который уж век:
«Посмотрите, какая с ним женщина,
И поймете, какой человек...»*

*Суть одна. В нас ничто не меняется,
Только взгляд из-под сумрачных век.
Посмотрите, кому поклоняется,
И поймете, какой человек.*

*А когда все дороженьки пройдены,
Все что мог сотворил и изрек,
Посмотрите, что сделал для Родины,
И поймете, какой человек.*

Вячеслав ВОЗЧИКОВ

НАЦИОНАЛЬНОЕ, ОНО ЖЕ — ДУХОВНОЕ...

Вячеслав Анатольевич Возчиков — родился в 1957 году. Окончил факультет журналистики Иркутского гос. университета. Член СП России, лауреат премии им. В.М. Шукшина, доктор философских наук, профессор. Живет в Бийске Алтайского края.

В современном научном дискурсе «самосознание» нередко отождествляется с понятием «идентичность», особенно в зарубежных исследованиях. В 2004-м году американский профессор, социолог Самуэль Хантингтон издал книгу «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности». В том же году книга была переведена и издана у нас (сделало это издательство «АСТ» совместно с обществом «Транзиткнига») — и на это в хорошем смысле конъюнктурное чутье издательства стоит обратить внимание. Обычно к нам книги приходили после того, как пик популярности их автора на Западе уже миновал — так было, например, с книгами Нейсбита, Тоффлера, Фукуямы, несколько лет не владеющим английским пришлось ждать, когда появятся переводы трудов Мануэля Кастельса... А вот названная работа Хантингтона и на Западе, и у нас вышла практически одновременно — замечательная оперативность!..

Вообще отношение к трудам Хантингтона неоднозначное. Порой говорят, что он излишне упрощает, если не примитивизирует проблему. Например, в книге «Столкновение цивилизаций» обнаруживается явное неуважение к исламу, а работу «Кто мы?» считают способной спровоцировать социальный конфликт, ибо в ней Хантингтон обозначает нового врага Америки — иммигрантов с Юга, прежде всего из Мексики.

Но нас в книге знаменитого гарвардского профессора интересуют его рассуждения о национальном самосознании. Так вот, Хантингтон определяет идентичность как «самосознание индивида или группы». Соответственно, поменяв местами ключевые слова, мы можем заключить, что самосознание — это идентичность индивида или группы. По

сути, и самосознание, и идентичность — «продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них».

Зачем нужна идентичность? Самый простой ответ — она определяет человеческое поведение. Дело в том, что в человеческом сообществе сложилось определенное представление, как проявляет себя та или иная идентичность. Например, если человек осознает себя русским, он не будет класть ноги на стол, как это делает американец, для которого это естественно, который с детства усвоил, что данная позиция рациональна — таким способом ноги «отдыхают». Человек, который идентифицирует себя как «ученый», не будет «примерять» на себя имидж эстрадного артиста; сознающий себя рабочим-строителем не станет рассуждать, к примеру, об особенностях лечения болезней и так далее.

Обратите внимание, уже этот приведенный маленький пример свидетельствует, что идентичностей в действительности очень много, национальное самосознание — лишь одна из них. Приведем еще одно, так сказать, нестрогое определение Хантингтона: «Идентичности — воображаемые сущности: то, что мы думаем о самих себе, то, к чему мы стремимся». Однако в данном определении таится опасность: значит ли это, что если мы думаем о себе как эстрадном артисте, стремимся к этой «роли», то мы и являемся артистом в действительности? То есть, что воображаемая сущность есть и действительная наша сущность?.. Здесь нужно иметь в виду, что люди могут стремиться к идентичности, но достигнут ее лишь тогда, когда их примут в свой круг те, кто эту идентичность уже обрел. Вновь обратимся к аргументам гарвардского профессора: исследователь или преподаватель может идентифицировать себя как ученого, но подтверждением этой идентичности станет лишь соответствующее признание ученого сообщества — в виде присвоения претенденту ученых степеней кандидата или доктора наук. Можно, конечно, возразить, что вот, мол, господин N — подлинный ученый, но не имеет ни степени, ни звания — и таких примеров будет не один и не два. Все верно, но сейчас речь не об исключениях, а о принятых обществом правилах.

Или вопрос, волнующих многих творческих личностей: кого можно считать писателем?.. В Советском Союзе и сейчас в России профессиональным писателем считается член Союза писателей (или, если угодно, — Союзов писателей, сегодня их несколько). А вот в XIX веке ни Толстой, ни Достоевский не были членами Союза, однако никто не сомневался, что они писатели, причем великие. И в том, и в другом случае речь идет о признании идентичности неким сообществом, за которым признается «право» на осуществление такого признания. Ведь как осуществляется прием в Союз писателей?.. Это многоступенчатая процедура. Прежде, чем пройдет собрание писательской организации, начинающий автор должен издать одну или две книжки, заявить о себе в журналах и пр. Лишь затем, проанализировав его творчество, писательское собрание региона дает или не дает начинающему рекомендацию для приема в Союз, необходимую для приемной комиссии СП России (мы имеем в виду прежде всего именно этот писательский Союз, а не какой-либо другой). Процесс, конечно, сложный, долгий, в чем-то, может быть, несовершенный, но именно так сегодня обретается писательская идентичность.

Или пример из области политики. Турция, во всяком случае, элита этой страны, мечтает называть себя европейской нацией, однако Евросоюз практически даже не рассматривает возможность приема Турции в свое сообщество. И пока Евросоюз не раскрыл для нее двери, Турция может сколько угодно позиционировать себя как европейское государство, в восприятии мирового сообщества она по-прежнему будет страной азиатской или же евразийской.

Идентичности, повторим, могут быть различными — расовыми, гендерными, профессиональными... Человек может идентифицировать себя по возрасту, состоянию здоровья, физической красоте, материальному достатку, музыкальным способностям, аппетиту, удачливости и т.д., и т.п. Возникает вопрос: позволительно ли ставить в этот ряд национальную идентичность?.. Не принижаем ли мы тем самым значение этого феномена, не сводим ли его к обыденности?.. Возможен и такой вопрос: не утрачивает ли значение в настоящее время национальное самосознание, когда все большее значение в мировой экономике приобретают транснациональные корпорации, люди периодически мигрируют из страны в страну, практически вся Европа перешла на единую валюту, а так называемое Шенгенское соглашение фактически признало условность государственных границ, сделало их легко преодолимыми (для ряда стран, во всяком случае).

Что ж, сомнение правомерно, но оно свидетельствует не о «снятии» проблемы национального самосознания, а скорее именно о ее актуальности, ибо вопрос «кто мы?» и «почему мы — не они?» может на которое время затухать, но он не исчезает из повестки дня. Сегодня это, к сожалению, подтверждают многочисленные межнациональные конфликты во всем мире, террористические акты, в том числе на национальной почве... И не только.

Недавно на видео посмотрел американский фильм 1937 года «Покорение». Режиссер Клэрэнс Браун рассказал историю любви польской графини Марии Валевской и императора Наполеона. В главной роли снялась Грета Гарбо, в роли Наполеона — Шарль Буайе. Не шедевр, на мой взгляд, но актеры замечательные. Однако речь не о фильме в целом, а лишь о его самом первом эпизоде: русские воины, проиграв сражение под Пултуском, отступают под натиском Наполеона. К несчастью для графа Валевского, его прекрасный замок оказался на пути русских, которые врываются в него — именно так! С какой целью — не совсем понятно, видимо, отдохнуть, переночевать... Теперь внимание: свирепого вида русские (ох, уж эти ужасные казаки!..) передвигаются по лестницам и комнатам замка на лошадях, крушат мебель, зачем-то бросают ее в камин, хотя есть дрова, стреляют в живописный портрет хозяина замка, разумеется, непрерывно пьют прямо из бутылок... В общем, к цивилизованному польскому пану ворвались восточные варвары!..

Узнав, что приближаются французы, русские покидают замок, и его тут же занимают воины императора. Какой контраст!.. Французы любезны, вежливы — словом, европейцы!..

Зачем нужен был этот карикатурный эпизод?.. Просто Запад в очередной раз продемонстрировал свое неприятие России!.. Да что там неприятие — ненависть, когда не замечается абсурдность сюжета, воскрешаются времена каких-то мифических лесных разбойников!..

Давно подмечено, что отношение иностранцев к России и русским, мягко говоря, не отличается доброжелательностью. Еще в 1845 году Алексей Степанович Хомяков писал об этом, статью так и назвал — «Мнение иностранцев о России» (Москвитинин. 1845. №4. С. 21–28). Сегодня можно только сожалеть, что автор использовал риторическую фигуру, известную как «спор с несуществующим оппонентом», то есть не назвал иностранных путешественников, которые, побывав в нашей стране, оставили о ней недобросовестные воспоминания. Видимо, таких мемуаров действительно было много, так что интерес философа вызывал уже не сам факт их появления, а некое общее направление, обнаруживаемое в публикациях. Начальная фраза статьи А.С. Хомякова — «В Европе стали много говорить и писать о России» — воспринималась современниками, надо полагать, как констатация общеизвестного. Понятен был и обобщенный образ «русского путешественника», который, вернувшись из дальних странствий, спрашивает «у своих знакомых домоседов: «Читали ли они, что написал о нас лорд такой-то, маркиз такой-то, книгопродавец такой-то, доктор такой-то?» Современный же читатель едва ли «расшифрует» в этих словах кого-либо, кроме разве что маркиза де Кюстина, чьи воспоминания были у нас переизданы в годы так называемой «перестройки», а приписываемая ему фраза о России как «тюрьме народов» с удовольствием цитировалась отечественными «демократами».

Де Кюстин действительно побывал в России, в самом деле оставил воспоминания, полный текст которых по смыслу и настроению разительно отличается от изданного у нас в «трудные 90-е» сокращенного варианта, однако это тема отдельного разговора. Сейчас же речь о причинах той стабильной недоброжелательности, что отличает многие зарубежные «российские» сочинения, причем не только XIX века, но и более поздние, включая современные.

По очень тонкому и психологически верному замечанию Хомякова, мы, русские, зачастую сами провоцируем иностранцев на негативные мнения о себе. В самом деле, нам свойственен какой-то странный способ казаться умнее и лучше: всячески критиковать «свое», чтобы понравиться иностранцу (что, к слову, и Достоевский подметил в «Дневнике писателя», об этом еще скажем). Словно говорим: вот, мол, какой я проникательный, прекрасно вижу недостатки «этой страны», о чем открыто говорю, тем самым становлюсь ближе «просвещенной Европе». В таких вот «свидетельствах» русских путешественников (их в XIX веке стало много, свободные заграничные поездки для россиян разрешил еще Павел I) справедливо видит Хомяков «первый источник сведений Европы о России». А ведь подмечали наши, с какой высокой самооценкой путешествовал тогда, например, англичанин, «который облакает безобразие своей личной гордости в какую-то святость гордости народной!» Мы же посещаем западные страны «смирненно и с преклоненною главою». Скромность, конечно, украшает, но почему у нас еще и «какое-то радостное чувство в этом добровольном смирении»?!

Когда же иностранец приезжает в Россию, — читаем в статье Хомякова дальше, — мы опять же начинаем поражать его откровенной самокритикой, самоиронией, считая, что тем самым «угождаем» гостю: «То, что было за границею выражением невольного благоговения перед дивными памятниками других народов, является уже в России не только как выражение

невольного чувства, но и как дело утонченной вежливости». Поразительно верно сказано! Прекрасная национальная черта — скромность — в своей крайности предстает ненужным, даже порочным самоуничижением!.. Как справедливо считает Алексей Степанович Хомяков, наше самоуничижение перед иностранцами «унижает нас в глазах западных народов», в этом-то одна из причин негативных отзывов о России: «Наша сила внушает зависть; собственное признание в нашем духовном и умственном бессилии лишает нас уважения: вот объяснение всех отзывов Запада о нас».

В заметках в «Дневнике писателя» за июль-август 1876 года Федор Михайлович Достоевский обращает внимание, как русские за границей, например, на модных европейских курортах, непременно стремятся объясняться по-иностранному, даже если плохо знают язык. Уж это стремление непременно предстать «европейцем»!.. Читаем Достоевского: «Они говорили в волнении, но объяснялись по-французски и очень плохо, книжно, мертвыми, неуклюжими фразами и ужасно затрудняясь иногда выразить мысль или оттенок мысли, подсказывали, но никак не могли догадаться взять начать объясняться по-русски; напротив, предпочли объясняться плохо и даже рискуя не быть понятыми, но только чтоб было по-французски. Это меня вдруг поразило и показалось мне невероятною нелепостью, а между тем я встречал это уже сто раз в жизни». Ожидать ли уважения после такого заискивания?!

А вот еще наблюдение Достоевского: стоит «нашим» оказаться в обществе иностранцев «... сейчас же выверт, ложь, мучительная конвульсия; сейчас же потребность устыдиться всего, что есть в самом деле, спрятать и прибрать свое, данное богом русскому человеку лицо и явиться другим, как можно более чужим и нерусским лицом. Все это из самого полного внутреннего убеждения, что собственное лицо у каждого русского — непременно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если он возьмет французское лицо, английское, одним словом, не свое лицо, то выйдет нечто гораздо почтеннее, и что под этим видом его никак не узнают».

Но есть и более глубокие, мировоззренческие причины того, что в европейском отношении к нам преобладают «всегда один отзыв — насмешка и ругательство; всегда одно чувство — смешение страха с презрением». По А.С. Хомякову, «недоброжелательство к нам других народов, очевидно, основывается на двух причинах: на глубоком сознании различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы, и на невольной досаде пред этою самостоятельной силою, которая потребовала и взяла все права равенства в обществе европейских народов. Отказать нам в наших правах они не могут: мы для этого слишком сильны; но и признать наши права заслуженными они также не могут, потому что всякое просвещение и всякое духовное начало, не вполне еще проникнутые человеческою любовью, имеют свою гордость и свою исключительность».

Итак, традиционно недоброжелательное отношение западных народов к России вызвано, по мнению Алексея Степановича Хомякова, 1) онтологическими различиями России и Западной Европы; 2) завистью иностранцев к пространству и силе страны; 3) тем неоправданным преклонением, которое россияне испытывают перед Западом, принижая собственные достоинства.

Если третьей причины и даже второй (не испытывает же, например, Германия, зависти к силе и пространству США!) может не быть, то первая

проблема, видимо, непреодолима, если Россия не откажется от своей самобытности, духовного облика.

У Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» за 1873 год находим сюжет о Венской всемирной художественной выставке, вернее, размышления по поводу отправки на эту выставку картин русских художников. Писатель замечает, что происходит такое «уже не в первый раз, и русских современных художников начинают знать в Европе». Однако поймут ли на Западе наших мастеров кисти, с какой точки зрения будут их оценивать? Вопрос не случаен, поскольку Достоевскому «кажется несомненным, что европейцу, какой бы он ни был национальности, всегда легче выучиться другому европейскому языку и вникнуть в душу всякой другой европейской национальности, чем научиться русскому языку и понять нашу русскую суть. Даже нарочито изучавшие нас европейцы, для каких-нибудь целей (а таковые были), и положившие на это большой труд, несомненно уезжали от нас, хотя и много изучив, но все-таки до конца не понимая иных фактов и даже, можно сказать, долго еще не будут понимать, в современных и ближайших поколениях, по крайней мере». А от непонимания, от нежелания понимать — и ошибочные суждения, и отношение как к чему-то чуждому, неприемлемому, враждебному... Вот и Ф.М. Достоевский говорит о «каком-то сильнейшем непосредственном и гадливом ощущении враждебности к нам Европы», отмечает «отвращение ее от нас как от чего-то противного, отчасти даже некоторый суеверный страх ее перед нами и — вечный, известный, давнишний приговор ее о нас: что мы вовсе не европейцы...». «Какая-то китайская стена стоит между Россией и Европою», — подтверждает и современник Достоевского Иван Васильевич Киреевский.

Об антироссийской позиции Запада Алексей Степанович Хомяков говорит и в статье «Мнение русских об иностранцах» (впервые опубликована в «Московском сборнике» за 1846 г.). Хомяков убежден, что отдельные положительные отзывы иностранцев о нашей стране не должны вводить в заблуждение, важна европейская позиция в целом: «Не по мелочам и не по исключениям должно судить. Мнение Запада о России выражается в целой физиономии его литературы, а не в отдельных и никем не замечаемых явлениях. Оно выражается в громадном успехе всех тех книг, которых единственное содержание — ругательство над Россией, а единственное достоинство — ясно высказанная ненависть к ней; оно выражается в тоне и в отзывах всех европейских журналов, верно отражающих общественное мнение Запада». Писатель не называет зарубежные работы, «которых единственное содержание — ругательство над Россией», видимо, их действительно было много и они были известны просвещенной публике. Более того, находили в российских «образованных кругах» и весьма доброжелательных читателей, о чем свидетельствует, например, малоизвестная сегодня литературная полемика середины 50-х годов позапрошлого века.

В 1856 году в первой книге журнала «Русская беседа» в разделе «Смесь», а затем и во второй книге этого журнала были опубликованы две небольшие статьи Константина Сергеевича Аксакова — «О русском воззрении» и «Еще несколько слов о русском воззрении», ставшие ответом на некоторые публикации журнала «Русский вестник», а также разъяснением собственной позиции по проблеме к национальной самобытности.

Поводом для полемики послужило выражение «русское воззрение», употребленное в одном из материалов, представлявших читателям «Русскую беседу». Данное словосочетание вызвало возражение «Русского вестника»: мол, воззрение не может быть *русским*, оно должно быть *общечеловеческим*! На деле это означало: ни к чему копаться в русских «основаниях», в Европе все уже осмыслено, нам нужно только следовать за ней!..

Предположим, возражение справедливо. Но откуда же оно возьмется — общечеловеческое воззрение, универсальное и справедливое?.. Ему и взяться-то неоткуда, кроме как из воззрения *народного*!.. «Общечеловеческое само по себе не существует; оно существует в личном разумении отдельного человека, — утверждает К.С. Аксаков. — Чтобы понять общечеловеческое, нужно быть *собой*, надо *иметь свое мнение*, надо мыслить *самому*». Ведь конкретный человек, отдельный народ, когда «мыслят самостоятельно», и не думают придавать своим мыслям какой-то «русский», или «английский», или «монгольский» колорит! К.С. Аксаков разъясняет оппонентам: «Народ, в своем нормальном состоянии, не хлопчет о народности, он хлопчет об истине; он говорит: я хочу смотреть справедливо вообще, следовательно, общечеловечески, я хочу безусловно истинного воззрения; но народность, которая есть его самостоятельность, присутствует тут же непременно; без самостоятельности истина не дается уму и истинное воззрение народа есть в то же время воззрение народное». Совсем не факт, что какой-то народ непременно откроет «истину» (видимо, человечеству это действительно не дано!), но великое значение имеет уже его «работа» по поиску этой «истины»: «В тех же случаях, где народу истина не дается, раскрывает он самого себя с своей исключительной стороны и делает опять великую услугу общечеловеческому делу, ибо он и в своей исключительности является двигателем человеческого хода; тут объясняет он себя, как одного из всемирных двигателей истории».

Из таких вот поисков и сложится «общечеловеческое», ведь «... истина в проявлении своем многостороння; народ постигает или открывает известную сторону истины, приходящуюся на его долю, доступную его народной личности, его народности». Буквально через несколько строк К.С. Аксаков еще раз возвращается к этой мысли: каждый народ «... имеет свою долю самостоятельной народной деятельности, постигает истину с известной стороны или являет ее в себе, в силу и только в силу своей народности и самостоятельности, без которой он немог и бесцветен; истина, постигнутая народом с известной ему свойственной стороны, делается общим достоянием человечества». И как не согласиться с замечательным выводом Константина Сергеевича: «... у народа может быть только: или воззрение народное (самостоятельное, свое), — или никакого (ибо чужое воззрение не ему принадлежит)».

В самостоятельности воззрений заключается великая миссия каждого народа: «Дело человечества совершается народностями, которые не только оттого не исчезают и не теряются, но, проникаясь общим содержанием, возвышаются и светлеют и оправдываются как народности. Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение — значит лишить его участия в общем деле человечества». Так вот, оказывается, в чем дело!.. Не в теоретическом споре дело, а в патологическом нежелании Запада, чтобы Россия участвовала в судьбах мира!..

Вот определение К.С. Аксакова: «Народное воззрение есть *самостоятельное* воззрение народа, при котором только и возможно постижение общей человеческой истины». Народное воззрение проявляется в общественном быте, языке, обычаях, песнях и т.д. — словом, во всех сферах жизнедеятельности, и это воззрение может быть утрачено, если под влиянием обстоятельств, или из-за собственных лени, безволия мы перестанем думать, смотреть на вещи без подсказок. Однако к народной духовности можно и вернуться, обрести ее вновь «через освобождение себя от чужого умственного авторитета, через убеждение в необходимости и праве своей самостоятельности».

Выше я посетовал: жаль, мол, что Хомяков ведет спор «с несуществующим оппонентом», назвать бы имена, заголовки публикаций... А о чем, собственно, жалеть-то?!. Очень даже хорошо, что иностранные книжки того времени найти сейчас весьма проблематично, если, конечно, не задаться такой целью специально, вооружившись временем, терпением и, разумеется, средствами, чтобы поработать в крупнейших библиотеках. Сожалеть нужно о том, что антирусские публикации в наши дни сами без труда находят себе аудиторию, завлекая если не обложками книжек, то яркими картинками видеодисков. В самом деле, кому сегодня потребовалось «оцифровывать» фильм семидесятилетней давности, извлекать из архивов это «Покорение» с антирусским душком?!. Уж не потомкам ли тех, с кем когда-то спорил Аксаков?..

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Юридический адрес:
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(911) 180-45-51

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. Ефимовской В.В.

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Корректор *Г.А. Ильина*
Дизайн обложки *Г.Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т.Б. Макаровой*

Подписано в печать 10.12.2008 г. Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 16,9.
Тираж 1000. Заказ .

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.